

W & H

ТРИНАДЦАТАЯ ПРИЧИНА

Дамблдор убит, магическая Британия находится на грани краха, и Сириус Блэк вынужден спасти крестника, на время убрав его из страны. Благодаря старым связям и деньгам ему удаётся пристроить Гарри в академию Невермор. Но будет ли там Поттер в безопасности?

Фанфик по фендомам: Гарри Поттер, Уэнсдей.

Глава 1

Холодный камень статуи сжимал его в своих объятиях — Гарри едва мог шевелиться. Безразличная луна освещала кладбище, и в её мёртвом свете, облачённый в чёрную, практически невесомую ткань, стоял возрождённый Волдеморт.

Казалось, что даже тени сгустились в момент, когда Тёмный Лорд вновь ступил своими ногами на землю. Уродливый, безносый, с алыми глазами и вытянутыми зрачками Реддл, некогда бывший человеком, внушал ужас одним своим появлением. Верные слуги в облики теней прибывали и прибывали, наполняя воздух смрадом своего раболепия.

Том был весел и зол одновременно. Он носился между Пожирателями, срывая их маски и принося боль каждым прикосновением.

И когда Гарри потерял последнюю надежду — в вспышке белого пламени появился Дамблдор...

— Самолёт по направлению «Филадельфия — Фивы» отправляется через тридцать минут, регистрация на рейс заканчивается...

Гарри недовольно поморщился, залез пальцами под дужки очков и потёр переносицу. Ему не очень хорошо дался полет, а приземление уж давно.

В международном аэропорту Филадельфии толкалась огромная куча народа всех цветов и форм, а уж сколько разных языков он успел услышать за тридцать минут. Столько, сколько никогда не слышал в Лондоне.

Сириус отошёл в туалет больше сорока минут назад, но Гарри знал, что тот куда-то аппарировал оттуда, хотя не было ни одного предположения, куда мог «прыгнуть» крёстный. Он с удивлением узнал о том, что Бродяга уже бывал в Америке, а также имел какие-то подозрительные связи в Новом Свете.

Гарри вновь обернулся в сторону туалета, выискивая высокую темноволосую фигуру, как в тот же момент кто-то зацепился за его ногу.

— Ну что ты тут ноги расставил?! — воскликнула пухлая женщина, поправляя чемодан.

Язык Гарри зачесался. Ему хотелось ответить какую-нибудь колкость, но он лишь процедил в ответ:

— Извините.

— Смотри ещё какой недовольный! Совсем воспитания нет!

Тётка всё никак не унималась. Она развернулась и полностью нависла над ним, как утёс над морем. Женщина поправила съехавшие на кончик носа очки и пригляделась к Гарри.

— Не причёсан, одет как оборванец, а взгляд...

— Мэм, что случилось?

Позади женщины нарисовался крёстный. Он приветливо улыбался, пытаясь разрядить накалившуюся обстановку. Гарри не успел ответить нахалке, хотя ему очень хотелось поставить её на место.

Женщина степенно развернулась и уже набрала побольше воздуха в грудь, наверное, чтобы разораться ещё громче, но поперхнулась. Сириус был невероятно обаятелен и красив; он умел очаровывать любых людей, особенно когда хотел этого.

— Мой сын вас обидел?

Гарри поперхнулся от такого обращения к себе, Бродяга же смерил его нарочито

суровым взглядом.

— Да нет, что вы... — Американка скромно улыбнулась и убрала за ухо прядь светлых волос. — Всё нормально, я сама наехала на вашего сына чемоданом. Извини, мальчик, — её голос лился патокой.

— Ничего страшного, — отозвался Гарри и поднялся с неудобного пластмассового кресла в зале ожидания. — Мы можем идти, папа? — всё-таки не выдержав, он ухмыльнулся на последнем слове.

— Да, идём, — ответил Бродяга, снова коротко улыбнувшись женщине на прощание.

Сириус обнял Гарри за плечо, и они спешно отошли подальше от чужих глаз, завернув в тупичок за забегаловкой «KFC», откуда вкусно пахло курицей.

Бродяга достал из кармана небольшой бумажный свёрток и протянул его Гарри, который поспешно его развернул и вытащил паспорт. Правда, документ почему-то был американским.

— Что это? — спросил Гарри и скосил взгляд из-под очков на крёстного, а затем быстро пролистал паспорт.

С одной из страниц на него взирала его же физиономия с привычной растрёпанной причёской и круглыми очками; из-под чёлки едва виднелся шрам в виде молнии, а в графе имени/фамилии значилось: «Harry Black».

— Пока мы в Америке, я буду твоим отцом, так что привыкай звать меня папой, — проговорил Сириус и широко улыбнулся, показывая ряд белых зубов и слегка удлинённых клыков.

— Зачем всё это?

Оптимизм Бродяги Гарри не разделял: вся его жизнь осталась там, за океаном.

— Ты же не думал, что я буду тебя таскать за собой? — Сириус наконец стал серьёзней. — Это не игра, больше нет. Стало слишком опасно.

— Я не ребёнок! — вспыхнул Гарри, в ярости махнув новеньким паспортом перед носом крёстного.

— И я на это надеюсь! — надавил на него голосом Сириус. — Если ты не ребёнок, то должен меня понять!

Гарри хотел ответить что-то резкое; его губы сжались, превращаясь в белую линию, но он смог сдержаться и промолчать. Облокотившись спиной о стену, Гарри откинул голову назад и прикрыл глаза.

— Я уверен, убудок уже знает, куда мы отправились, — Сириус говорил быстро, — на наше счастье...

— И на несчастье остальных...

— На наше счастье, — снова, но уже с нажимом произнёс Сириус, — у него сейчас полно других забот, но это не значит, что он про нас забыл. Наверняка найдутся соглядатаи и здесь, в Америке, а это значит, мы не можем соваться к магам.

— Блеск! — воскликнул Гарри. Несколько проходящих мимо людей недовольно оглянулись на них. — И что же нам делать? В отеле будем сидеть?

— Нет... и говори тише, идём.

Сириус поманил Гарри за собой, и они пошли сквозь толпу к выходу. Постепенно шум аэропорта сменился на такой же, но городской. К ним тут же поспешили таксисты. К удивлению Поттера, Бродяга не стал от них отбиваться, наоборот — согласился на поездку, даже не спросив цену. Впрочем, вряд ли Сириус когда-нибудь задумывался о цене денег,

если вспомнить, из какой семьи тот происходил.

— В хороший отель в центре, — ответил Сириус на единственный вопрос крупного таксиста.

Они забрались в салон выдавшей многое «Тойоты-короллы», и таксист, пару раз газанув, сорвался с места, чувствуя запах лёгких денег. В салоне отчётливо пахло табаком, который никак не могла перебить дешёвая вонючка, закреплённая на зеркале заднего вида. Из магнитолы слышался не очень приятный американский рэп, но звук хотя бы был тихим. Лишь таксист иногда в ритм бита отбивал пальцами по рулю.

— И что дальше?

— Одежду тебе менять будем.

— Зачем? Она нормальная, — поморщился Гарри. Ходить по магазинам в его планы точно не входило.

Одежда на нём хоть и не была от Дадли — та бы висела подобно мешку, — но всё равно являлась купленной в секонд-хенде, а также была велика, да ещё и выглядела так, словно видела прошлый век. О какой-нибудь красоте или стиле тут говорить не приходилось.

— Ну, конечно, — согласился Сириус, — если бы мы были в году эдак девяносто пятом... Хотя я сомневаюсь, что даже тогда бы ты считался модным, — ухмыльнулся Бродяга.

Гарри насупился и отвернулся, впрочем, вопросы он задавать не перестал.

— Откуда ты взял документы? Не знал, что у тебя есть такие связи.

— Ты уже не ребёнок, так что... — Сириус помолчал, но продолжил: — Мы не просто так называли себя Мародёрами, Гарри. Это совсем не доброе слово. И мы не были ангелами. Ни Джеймс, ни Ремус, ни тем более я.

Сириус засмеялся, иногда срываясь на хрипящий лай; ему отчего-то показалось ужасно смешным сравнивать себя с хорошим человеком.

— Конечно, мы не убивали людей, но промышляли... разным. Наверное, только Лили смогла уберечь нас от Азкабана. — Бродяга грустно улыбнулся, а после потрепал Гарри по плечу. — Да и то я в него всё равно угодил. А там уже смог познакомиться с одним интересным оборотнем — Флетчем. Он, кстати, из Америки был. Получается, не зря знакомился.

Гарри успел заметить, как таксист прислушивается к их разговору, иногда поглядывая в зеркало заднего вида. Это же заметил и Сириус, но махнул рукой, мол, всё нормально.

— Он не был одним из нас. Это был изгой, представляешь?

— Изгой? — поразился Гарри. — Но их не сажают в наши тюрьмы! Тем более в Азкабан.

— А его посадили, — фыркнул Сириус. — Флетч смог выдержать неделю, прежде чем его чердак потёк. Потом была депортация. Я виделся с ним сегодня: седой весь и трясётся как осиновый лист на ветру. Меня увидел, подумал, призрак к нему пришёл. — Бродяга снова рассмеялся.

Они разговаривали ещё долго. Гарри старался не сильно привлекать внимание водителя к их диалогу, не упоминая лишние слова или названия, но вот крёстный на всё это забил и говорил спокойно.

— Приехали, — произнёс таксист, останавливая машину на обочине дороги. Он смотрел на них странным взглядом, о чём-то размышляя.

Гарри выбрался из машины первым, наблюдая за тем, как Сириус расплачивается

сотней долларов, а затем зачем-то вытаскивает волшебную палочку.

Шум города привычно захлестнул Гарри. В три часа дня в центре Филадельфии было много людей, включая офисных работников в строгих костюмах и несколько стаяк туристов с мыльницами наперевес. Для текущего времени года стояла вполне мягкая погода: было почти безветренно, а температура зависла на отметке в восемнадцать градусов; из-за высоких крыш всё ещё проглядывалось приветливое весеннее солнце.

Через минутку из такси вылез и Сириус, спешно пряча палочку в задний карман джинсов. Гарри приподнял бровь в немом вопросе.

— Подтёр ему память о нашем разговоре, — как само собой разумеющееся пояснил Бродяга. Поттер же задумался над тем, как хорошо знает своего крёстного.

Они стояли на тротуаре рядом со входом в большой отель. Вдоль улицы шли многочисленные бутики с одеждой, ресторанчики и кафешки, на другой стороне раскинулся большой сквер, скорее даже парк.

Сириус оглянулся, подумал пару секунд и пошёл вперёд. Минуя вход в гостиницу, он направился в сторону магазинов. Видимо, он действительно решил приодеть крестника.

В целом Гарри не любил и не понимал шоппинг, но, говоря по правде, он никогда на нём и не был, если не считать обычных закупок перед новым учебным годом в Хогвартсе.

С Сириусом оказалось весело совершать покупки, по крайней мере, крёстный постоянно шутил и корчил рожицы на потеху Гарри, который с самой Англии был не в настроении. Кажется, даже другие покупатели и работницы магазина светлели лицом и настраивались на позитивный лад, наблюдая за Сириусом.

— Может, и вам что-нибудь подберём? — невинно поинтересовалась молоденькая консультантка у Сириуса, когда они уже успели выбрать некоторые варианты для Поттера.

Только после вопроса девушки Гарри заметил, что его крёстный тоже одет в не самую хорошую одежду. Раньше это было не так сильно заметно, потому что казалось, что любая одежда на Сириусе сидит неприлично хорошо, а его холёную породу невозможно было скрыть даже за обносками.

— А что, плохо выгляжу?

Сириус покрутился на месте, подмигивая девушке. Его потрёпанное пальто всколыхнулось, обнажая старые джинсы с потёртостями и простенькую футболку со стёршимся принтом.

— Вы выглядите потрясающе, — клятвенно заверила его девушка, — но мы можем подобрать вам одежду по душе!

— Соглашайся, — важно кивнул Гарри. Если уж он мучается с примеркой — грех будет не заставить мучиться и Сириуса.

Бродяга думал не особенно долго. Он согласился, но только после того, как они подобрали одежду для Гарри. Теперь тот выглядел как приличный молодой человек, вполне соответствующий двадцать первому веку: узкие чёрные джинсы, лёгкая кожаная куртка такого же цвета, простая белая футболка без принтов и модные кеды «Converse». Просто и со вкусом. Несколько дополнительных вариантов одежды уже были расфасованы по пакетам.

Сириус подбирал себе одежду намного быстрее: в отличие от Гарри, он прекрасно знал, чего хочет, так что через десять минут преобразившийся Сириус оплачивал покупки наличкой. Как Гарри и ожидал, Бродяга взял кожаную куртку с железными заклёпками и широкие джинсы с уклоном в милитаризм, которые он украсил несколькими цепями.

Завершали образ тяжёлые армейские сапоги, которые он менять на что-то другое отказался.

В этом был весь Сириус: бунтарский дух требовал выхода и в одежде в том числе.

— Ты теперь прям как байкер, — подколот своего крёстного Гарри на выходе из магазина.

— Мне всегда нравились мотоциклы, так почему бы и нет? — поддержал его шутку Сириус. — Вон, смотри!

Бродяга указал глазами на витрину, на которой как раз стояли новенькие айфоны. В лучах солнца белые коробочки смартфонов буквально светились, притягивая взгляды людей на улице.

— Давай возьмём тебе? — Сириус перевёл взгляд на кислое лицо Гарри.

— Не нужно.

— Почему? — Сириус недоумённо покосился на крестника.

— У меня никогда не было смартфона, — пожал плечами Гарри. — Я не умею ими пользоваться, к тому же они мне просто не нужны. В нашем, — он выделил это слово, — мире такие шутки всё равно не работают.

— Так мы не в нашем мире, давай возьмём, выглядят круто. Вон, аж три «глазка» налепили. Фоткает классно, наверное...

— Если тебе надо, ты и бери, — не выдержал Гарри. — Мне телефон не нужен, у нас всё равно есть связанные зеркала.

— Ладно, остынь, парень. — Сириус примирительно поднял руки. — Не хочешь — не надо.

— К тому же они стоят как чёрт знает что, — пробубнил Гарри, глядя на ценник.

— Вот что тебя смущает? — Бродяга выдохнул и положил руку на плечо крестника. — Пойдём-ка перекусим.

Они зашли в небольшой итальянский ресторанчик и разместились за столом, побросав сумки на свободные места. Здесь было мало людей, и атмосфера была по-домашнему приятной.

Вскоре принесли пиццу и напитки.

— Гарри, деньги для Блэков — просто бумага. — Сириус укусил кусок пиццы. — Моя семья владеет множеством бизнесов в разных странах, за века своего существования предки успели накопить огромное состояние.

— Это же не значит, что его можно так легко разбазаривать, — заметил Гарри.

— Именно это и значит! — не согласился с ним Сириус. — Иначе на кой чёрт вообще нужны деньги?

— В любом случае на меня — точно не стоит.

Гарри отвернулся. Ему всё ещё было не по себе оттого, что Сириус тратит на него столько денег.

— В Азкабана было нелегко, — неожиданно глухо отозвался Сириус, отложив пиццу в сторону.

Бродяга повертел в руках стакан с пепси, рассматривая, как медленно оседает пена.

— Холодно и жутко. — Сириус грустно улыбнулся, глядя в зелёные глаза своего крестника. — Я никогда не смогу иметь детей, Гарри. Никогда.

— Почему?

— Дементоры. И анимагия. Сложно сказать, что из этого повлияло больше всего. Доктора сказали, — Сириус снова ухмыльнулся, — что что-то не так стало со

сперматозоидами.

— Мне очень жаль, — посочувствовал ему Гарри.

— Это всё ерунда. Важно, что мой наследник — это ты, так что прекращай думать, что я трачу на тебя свои деньги. Я трачу наши деньги. — Сириус снова весело заулыбался, поглощая пиццу. — Девушка, — он обратился к проходящей мимо официантке, — а можно нам ещё одну такую же? — поинтересовался Бродяга, указывая на последний кусок пиццы.

На сегодня с важными разговорами было покончено, весь оставшийся вечер Сириус и Гарри провели весело. Они ели пиццу, обсуждая весёлые моменты из школьной жизни крёстного, гуляли по Филадельфии. Особенно сильно Сириуса привлекла статуя Сильвестра Сталлоне в образе Рокки.

— Этот фильм нам показала твоя мама. Даже не знал, что в Филадельфии есть такая скульптура.

В одном из больших моллов они успели увидеть какую-то звезду: за высокой рыжей девушкой шли многочисленные поклонники и папарацци, правда, волшебники так и не узнали, кто именно это был.

В отель они вернулись поздно вечером. Сириус всё порывался снять президентский люкс, но Гарри смог его отговорить, так что заселились они в простую, но комфортную комнату с двумя кроватями.

— Ты так и не смог открыть дневник? — перед самым сном поинтересовался Бродяга.

— Нет. Я уже всё перепробовал.

— Альбус ничего не делал просто так. Если он оставил его тебе, значит, ты откроешь. Рано или поздно.

Сириус заворочался на кровати, переворачиваясь на другой бок, а уже через минуту послышалось его мерное сопение. Гарри по-доброму позавидовал крёстному, потому что сам уже долгое время не мог так легко уснуть.

— Гарри! Гарри, очнись!

Гарри резко распахнул глаза. Его сильно тряс за плечи Сириус, лицо крёстного выглядело заспанным, видимо он сам вскочил лишь пару десятков секунд назад.

— Что случилось? — Гарри помотал головой, прогоняя плохой сон.

— Снова кошмар снился? — Сириус присел рядом с ним на кровать, наблюдая, как крестник надевает свои очки.

— Да. Один и тот же сон. Так что произошло?

— Кровати начали взлетать, — Бродяга нервно ухмыльнулся, — и все вещи в комнате тоже. Хорошо, что я успел заметить. Они едва на пару сантиметров вверх поднялись. Если бы взлетели ещё выше, а потом упали, — сюда бы сбежались все постояльцы и персонал.

— Извини, — Гарри виновато опустил глаза и принялся тереть лоб, — кладбище снится мне каждую ночь. И шрам ужасно болит.

— Если бы я мог чем-то помочь...

— Но ты не можешь, — устало прервал его Гарри. — Никто не может, Сириус. Пока Волд...

— Тише! — резко оборвал своего крестника Бродяга. — Лучше не произносить его имя. В войну с помощью него выслеживали волшебников.

— Я... не знал, — обескураженно ответил Гарри.

— Пока он не был воплощён, имя было всего лишь именем, но теперь... Хотя вряд ли в

Америке будут работать чары из старушки Англии. Но всё равно лучше поберечься, согласен?

— Согласен.

Гарри откинулся на подушку, а Сириус вернулся в свою кровать. Они негромко переговаривались еще несколько минут, но вскоре крёстный затих провалившись в глубокий сон.

Уснуть Гарри смог только через час, а когда проснулся, то Сириуса в номере уже не было. Из окон светило солнце, заливая комнату приглушённым (из-за занавесок) жёлтым цветом. В комнате стоял небольшой беспорядок и не хватало некоторых вещей, видимо, крёстный что-то забрал с собой.

Гарри потянулся и встал с кровати. На прикроватной тумбочке лежала записка, которую он прочёл вслух:

— «Скоро подойду. Спустишь, поешь. Сириус».

Гарри быстро принял душ, переоделся и покинул номер спускаясь вниз. На первом этаже располагался кафетерий где можно было спокойно перекусить и выпить чашечку капучино.

Туда-сюда носились прохожие, в основном туристы. Ряд столиков около окон был занят одинокими людьми с красивыми ноутбуками, сплошь заклеенными разными цветными наклейками, лишь серебристое надкусанное яблочко по центру показывало, какой фирмы были эти аппараты.

— Гарри!

Холл быстрым шагом пересекал Сириус. Он очень довольно улыбался, то и дело подмигивая очередной смазливой девушке, и неважно, была та постоялицей или одной из работниц.

Гарри пока что не понимал, чем именно вызвано такое хорошее настроение у его крёстного, но всё разрешилось чуть позже, когда невероятно довольный собой Сириус показал ему своё новое приобретение.

На парковке стоял мотоцикл. Гарри, как и любой мальчишка, неважно какого возраста, мог понять красоту железного коня. Новая игрушка Сириуса была полностью чёрной, большой и тяжёлой. Мотоцикл был дорожным... или спортивным, — в этом Гарри не разбирался.

— Новенькая четырёхтактная ямаха...

Сириус почти любовно погладил бак мотоцикла, продолжая рассказывать о своём новом приобретении всё, что знал; а знал он про него многое, включая полные характеристики по паспорту.

— Я ещё немного его улучшил, пока время было, — похвастался Сириус.

— А летать ты его не заставил ещё? Или невидимым становиться? — поинтересовался Гарри с едва уловимой иронией. Таланты крёстного поражали.

— Нет, — Сириус махнул рукой, — это пришлось бы его полностью перебрать, выжечь руны на двигателе и найти несколько дорогостоящих ингредиентов. Времени нет, а так... я бы из него двухколёсный танк сделал, — он засмеялся.

— И за сколько ты его взял?

— Двадцать пять тысяч, и это если без налога штата. — Сириус с подозрением покосился на Гарри. — Я его себе взял, так что даже не думай начать нудить!

— Да я и не собирался, — Гарри прыснул в кулак, — красивый мотоцикл, поздравляю!

— Спасибо, — Сириус расплылся в довольной улыбке, — ладно, садись, нам ехать надо.

— Куда?

— Я подобрал тебе новую школу. — Бродяга улыбнулся, наблюдая, как в удивлении поднимаются брови крестника. — А мотоцикл — это просто небольшой бонус.

— Какую ещё школу? — спросил растерянный Гарри.

— Невермор. Это академия для изгоев.

— Но я не изгой. — Гарри смерил Сириуса странным взглядом, будто определяя, всё ли нормально с его головой.

— А им это знать необязательно. — Бродяга подмигнул крестнику. — Маги, изгой, какая разница?

— Кроме той, что маги их убивали столетиями и даже за людей не считали? — саркастично вырвалось у Гарри.

— Это давно было, а сейчас у нас то-ле-ран-тность, — произнёс Сириус по слогам. — Ты же их убивать не собираешься?

— Нет, — выдохнул Гарри.

— Ну вот. Как я и говорил: найти школу было совсем нелегко... в магические тебе нельзя, а чтобы попасть в маггловскую, пришлось бы изрядно извернуться. Директор Невермора любезно согласилась сделать исключение, взяв тебя в середине учебного года.

— И что же ты такого сделал, чтобы она меня взяла? — чуть прищурив глаза, спросил Гарри, с подозрением уставившись на Сириуса, который вертел в руке один из двух чёрных шлемов.

— Пара улыбок, взгляд моих честных глаз, — заюлил Бродяга, а после взглянул крестника и всё же произнес: — Небольшое пожертвование школе...

— Знаешь, у меня уже такое чувство, что деньгами можно решить любую проблему. — Гарри снял с ручки свой шлем.

— Тогда Блэки были бы слишком сильны, — засмеялся Сириус.

Крёстный сел первым, вставил ключ в зажигание и завёл мотор. Мотоцикл приятно заурчал, и чистый звук разнёсся по парковке, привлекая к ним внимание зевак.

— Постой, мои вещи! — неожиданно вспомнил Гарри, усаживаясь позади Бродяги.

— Не волнуйся, — прикрикнул Сириус, — я их ещё утром забрал! Их привезут в Невермор к вечеру!

Гарри кивнул, надел шлем и полностью застегнул свою кожаную куртку. Он был более чем уверен, что в поездке будет совсем не жарко.

Они летели по шоссе — по-другому Гарри это описать не мог. Сириус разогнался практически до двухсот миль в час, ловко лавируя в потоке машин. На их счастье, в пригороде Филадельфии автомобилей оказалось не так много, или — что гораздо вероятнее — шоссе, по которому они двигались, было не очень популярно.

Гарри не боялся ехать настолько быстро: при полёте на метле он порой разгонялся до таких же скоростей, особенно когда уходил в глухое пике. Но что его успокаивало больше всего, так это Сириус, который уверенно вёл мотик. Хотя, как признался себе позже Гарри, вся уверенность заключалась в чарах на мотоцикле. Наверняка, если они врежутся в какую-то машину, то в фарш превратятся не они, а чужой автомобиль. В этой ситуации было больше жаль людей, что ехали по той же дороге.

За ними даже началась настоящая полицейская погоня. Сквозь шум ветра отчётливо

слышался лающий смех Сириуса, в один момент он ещё сильнее схватился за руль мотоцикла и рванул так, что, по ощущениям Гарри, байк чуть не развалился на части. Оторвались они буквально за две минуты, молнией пролетая над дорогой.

Вскоре Сириус начал сбрасывать скорость и сворачивать на двухполосную дорогу. Их окружили высокие деревья. Здесь Бродяга уже не стал разгоняться, а после и вовсе остановился на небольшой заправке.

Погода стала портиться: откуда ни возьмись налетели тяжёлые чёрные тучи, поднялся небольшой ветер, однако дождь всё ещё не начался.

Гарри с удовольствием слез с мотоцикла и с глухим стоном размял затёкшее тело. Ехать на спортивном мотоцикле в роли пассажира — то ещё удовольствие, особенно когда водитель гонит с бешеной скоростью, заставляя тебя вжиматься в его тело, чтобы сохранить обтекаемость воздуха.

— Необязательно было так гнать, — упрекнул его Гарри. — И полиция эта ещё...

— Весело было, да? — Сириус словно и не услышал его слова. В глазах Бродяги плясали бесята, и он широко улыбался.

— Да, — хмыкнул Гарри и, не выдержав, тоже улыбнулся.

— Осталось немного. Пятьдесят миль, и будем на месте...

— Классный мотоцикл!

Из магазинчика на заправке вышел высокий русский парень. Он с восхищением приблизился к ним.

— А то! — Сириус похлопал по баку.

В то время, когда Гарри оглядывался вокруг, его крёстный разговаривал с заправщиком.

Пока они ехали, всю дорогу встречались ухоженные домики с красивыми лужайками и невысокие деревья по обе стороны от шоссе. А вот дорога, по которой они теперь двигались к школе, была не особо популярна; пока что Гарри не заметил ни одной проезжающей машины. Вокруг росли высокие мощные деревья, пахло смолой и сырой землёй, пели птички.

— А вы в Джерико едите?

— Не совсем, мы в школу. — Сириус бросил короткий взгляд на собеседника, тот неуловимо изменился в лице.

— В Невермор, что ли? — нахмурился парень.

— Ага. Сын туда поступает. — Бродяга кивнул на прислушивающегося к их разговору Гарри.

— Так вы изгой...

— Это проблема? — Сириус нахмурился.

— Никаких проблем, — моментально заверил их заправщик. Он выдохнул и продолжил: — Люди погибают, а мэр Джерико заявляет, что это просто животные, но уже двое погибли, так что... слухи ходят.

Парень повёл плечами, неприязненно посмотрел на лес, который был буквально в двух шагах от заправки, и пошёл обратно в здание. Сириус бросил быстрый взгляд на Гарри, пожал плечами и отправился вслед за заправщиком. Нужно было расплатиться за бензин.

Назад Сириус вернулся уже с двумя гамбургерами и газировкой. К сожалению, на заправке не было места, куда присесть, так что они остались стоять рядом с мотоциклом, поставив напитки на сиденье.

— А изгой ведь знают о магах, верно? — поинтересовался у крёстного Гарри, прожевав

кусок.

Сам Гарри никогда не лез в тему изгоев: они как-то ему были не интересны. Просто жили рядом с людьми, в магический мир не лезли. Так что маги предпочли забыть о существовании таких интересных существ. Хотя профессор Бинс что-то рассказывал на втором курсе, собственно, оттуда Гарри и помнил, что маги и магглы уничтожили изгоев, как любых других чудовищ, не делая различий.

— Тут странная ситуация. По идее, они должны знать, на них Статут о Секретности не распространяется. Всё-таки, как ни крути, в изгоях течёт магия. Но вот с другой... старшее поколение точно в курсе о нас, но не все младшие знают. Им это и не нужно. Магией владеть они не могут, так что волшебниками им не стать, в какой-нибудь Хогвартс не поступить. Живут бок о бок с магглами, — пожал плечами Сириус.

Между тем впервые с тех пор, как они заехали на заправку, сюда прибыла ещё одна машина, причём очень старая — годов шестидесятых прошлого века. Но выглядела она очень хорошо.

Гарри с Сириусом замолчали, наблюдая, как из неё вылазит пёстрая компания: толстый мексиканец, похожий на свинью; красивая темноволосая женщина в узком чёрном платье до пола; толстый мальчик в полосатой кофте и длинных шортах ниже колен; а также бледная девочка с двумя косичками. Водителем был высокий странно выглядевший мужчина, который вышел и принялся пусть и медлительно, но споро заправлять машину. Он был в смокинге и выполнял, скорее всего, роль дворецкого или слуги.

— Спорим, это изгой? — тихо спросил Сириус.

Гарри отрицательно мотнул головой. Это вроде как было очевидно.

Сириус быстро выкинул обёртки от гамбургеров и пустые бутылки из-под газировки. Не оставив Гарри выбора, он отправился налаживать контакт с новоприбывшим семейством изгоев.

— Здравствуйте! — Сириус широко улыбнулся, подойдя ближе к странной семье. Те обернулись к ним. Гарри попытался повторить улыбку крёстного, но вышло это у него не очень. — Вы тоже в Невермор?

— Добрый день, — ответил глава семейства и шагнул вперёд. Он обменялся рукопожатием с Сириусом. — Да, везём Уэнсдей в её новую школу, — сказал мужчина, кивком указывая на свою дочь.

— Позвольте представиться, — спохватился Сириус, который галантно улыбнулся и слегка поклонился, — Сириус Блэк, а это мой сын — Гарри. Он также поступает в Невермор.

Гарри столкнулся глазами с рассматривающей его Уэнсдей. Девушка была совсем невысокой — примерно метр пятьдесят. Между тем он заметил в её тёмных глазах отблески недовольства, чем оно было вызвано, Гарри ответить затруднялся.

— Гомес Аддамс, — любезно представился в ответ испанец, — моя дорогая супруга Мортиша, — женщина присела в идеальном книксене и приподняла уголки губ в улыбке, — этот малолетний бандит — Пагсли, — мальчик обещал вырасти похожим на своего отца, — и, конечно же, Уэнсдей. — Девочка чуть-чуть наклонила голову в знак приветствия.

— Неужели Лариса приняла кого-то в середине семестра? — Мортиша обняла своего мужа за руку, а тот в ответ погладил её локоть.

— Лариса? — не понял Сириус, но через секунду осознал. — А... мисс Уимс, мне пришлось приложить немало усилий, чтобы уговорить её.

— Но вы справились. Уверена, было непросто...

— Мисс Уимс упомянула, что делает исключение для кого-то ещё, так что именно благодаря, я так понимаю, вам мне удалось пристроить Гарри в эту школу.

Сириус разговорился с семьей Аддамс, а вот младшие ребята помалкивали. Несколько раз Гомес и Мортиша отвлекались друг на друга, осыпая комплиментами, но всегда вовремя останавливались, не скатываясь в лобызания, за что их дети были благодарны, но вряд ли подобное могло продолжаться достаточно долго.

— Вы ведь не американец, мистер Блэк? — после небольшого разговора поинтересовался Гомес. Он явно услышал английский акцент Сириуса.

— О нет, мы прибыли из Англии...

— Ах, дорогой... Туманный Альбион... — Мортиша прильнула к своему мужу, заглядывая в его глаза.

— Да, сага mia, — густым бархатом голоса Гомес окружил свою супругу, аккуратно целуя бледные пальцы, — быть может, отправиться туда и провести отличный отпуск?

— Пройтись по следам Джека-потрошителя... — произнесла женщина мечтательно, почти эротично, глядя мужа по щеке.

— Аддамсы танцевали, наблюдая за Великим пожаром, — пылко отозвался испанец, полностью развернувшись к жене, готовясь её поцеловать.

— Мама, отец, прекратите, — послышался спокойный голос Уэнсдей. — Мы же не дома.

— Да, можно без всего этого? — поддержал свою сестру Пагсли.

У Сириуса во время этого представления не дрогнула ни одна мышца на лице. Он в целом не показал никакой реакции, полностью проявив английский такт. А вот Гарри слегка покраснел и закашлялся: он не привык к подобному демонстрированию эмоций на людях.

Они поговорили ещё немного, но волшебникам следовало уже отправляться. Приехать в Невермор поздно вечером было бы не очень хорошо, да и отвлекать Аддамсов не следовало. Знакомства для начала было вполне достаточно.

— Что ж, приятно было познакомиться, мы уйдём первыми, — сказал Сириус.

Бродяга по-доброму распрощался с новым семейством, однако, чуть отойдя, всё же развернулся к Аддамсам.

— Но если вы действительно хотите посетить старушку Англию, вам лучше повременить. Это хороший совет.

— Почему же повременить? — поинтересовалась Мортиша.

— Думаю, мы скоро все услышим причину, — неожиданно даже для самого себя ответил Гарри.

У него действительно были плохие предчувствия относительно своей родины.

Погода окончательно испоганилась, когда они уже подъезжали к школе. Кованные ворота, украшенные изображениями ворон и большой табличкой «Nevermore Academy», сами отворились, пропуская новых посетителей.

Территория академии была достаточно большой. Тут росли вековые деревья, верхушки которых более-менее защищали Сириуса и Гарри от небольшого дождика, который усиливался с каждой минутой. Опавшие листья, прижатые к земле водой, не спешили разлетаться от потока ветра проезжавшего рядом мотоцикла. Благодаря медленной езде Гарри успел осмотреться и вдали он заметил краешек водной глади. Река это или озеро, определить отсюда было невозможно.

Они остановились перед Невермором, который представлял из себя замок с высокими башнями, большими окнами внутри и бойницами снаружи. На высоких стенах стояли статуи уродливых горгулий, кое-где были заметны потускневшие от времени рисунки: пейзажи, изображения животных и птиц, в основном ворон.

— Как будто мини-Хогвартс.

Гарри оглянулся вокруг: мимо проходили немногочисленные студенты в синей форме школы, которые то и дело бросали на них с Сириусом любопытные взгляды.

— Действительно, — согласился с ним крёстный, — мне тут нравится. — Бродяга хлопнул своего крестника по плечу.

К ним навстречу вышла высокая светловолосая женщина. Сириус подтолкнул крестника вперёд, и они подошли к ней. Вблизи она оказалась ещё выше, чем виделось Гарри издали. Женщина возвышалась над Блэком на шесть — семь сантиметров, а над самим Гарри на целую голову.

— Мистер Блэк, — доброжелательно улыбнулась она и протянула ухоженную руку в перчатке вперёд. Сириус галантно поклонился, поцеловав воздух над ней. — А это, как я понимаю, ваш сын Гарри?

— Здравствуйте.

Гарри никакой воздух ни над какой рукой целовать не стал. Он всё ещё смотрел по сторонам. Подвывая, мимо пронесли несколько пацанов, все как один лохматые.

— Спасибо, что согласились его принять, — с благодарностью проговорил Сириус, растягивая губы в улыбке.

Директор вела их за собой сквозь немногочисленные переходы и залы. Коридоры были заставлены живыми растениями в горшках, обитыми бархатом креслами и лавочками; в свете ламп сверкали до блеска начищенные латы; стены оказались сплошь увешаны дорогими картинами и боевым средневековым оружием: мечами, копьями, саблями и множеством других вариаций смертельных игрушек. Гарри казалось, что даже воздух здесь такой же, как в Хогвартсе, — пропахший временем, тайнами и магией.

— Почему бы не сделать два исключения вместо одного, — пожала плечами Уимс. — Эдгар Аллан По. — Женщина указала ухоженной рукой в сторону статуи мужчины, стоявшей в тупичке, в конце коридора. На одной его руке готовилась ко взлёту ворона, в другой он держал раскрытую книгу.

Гарри чуть в удивлении не ляпнул: «Он что, был изгоем?», но вовремя остановился. Наверняка каждый изгой знал, кем был Эдгар Аллан По.

— Время, проведённое в Неверморе, способствовало его безумию и вдохновило на самые болезненные литературные произведения, — сказала она с большой экспрессией и восхищением.

Гарри с Сириусом, шедшие вслед за директором, переглянулись, и, если бы Уимс не слышала, Гарри обязательно поинтересовался бы у крёстного, не учился ли здесь кто-нибудь из Блэков.

Углубившись в школьные коридоры, наполненные снующими туда-сюда студентами, Гарри замечал всё больше странностей. Например, некоторые из его будущих сокурсников ходили в тёмных очках прямо внутри слабо освещённых закоулков замка. Мимо проходили изгои, у которых буквально не было лиц. Гарри стоило большого труда не засматриваться на них. Благо он много чего пережил в Хогвартсе, чтобы люди, не имеющие лиц, его не пугали.

Наконец они прибыли в кабинет директора, который как раз находился в одной из башен. Он был погружён в приятный сумрак, который разбавлял приглушённый тёплый свет от ламп. Слева располагался большой камин в виде головы горгоны, который в данный момент не работал; на полу лежали ковры; у дальней стены напротив дверей стоял большой стол. На нём, выбиваясь из общей гаммы, лежал серебристый ноутбук с логотипом надкусанного яблока. Рядом примостились два чучела ворон и какой-то чёрный цветок в стеклянной колбе.

Директор Уимс усадила их в мягкие кресла, а сама в это время достала из незаметного комода папочку, на которой красным было отпечатано: «Harry Black».

Уимс не спеша развязала тесёмки папки, в которой сиротливо лежало несколько листочков. Гарри с такого расстояния и ракурса не видел, что именно в них было написано.

— Итак, Гарри, изгоем какого типа ты являешься? — неспешно начала женщина.

Директор вытащила один листок из папки и положила перед собой.

Поттер слегка стусевался. Такие вещи они с Сириусом не обговаривали: то ли Бродяга забыл, что об этом стоит рассказать, то ли сам не знал.

— Он телепат, — ответил Сириус, не давая паузе разрастись.

Наверняка Уимс не заметила заминки Бродяги, но Гарри знал своего крёстного достаточно хорошо, чтобы заметить, что тот напрягся.

— Хорошо, — Уимс положила на край стола ручку, — Гарри, сдвинь её.

Сириус перевёл взгляд на крестника, ободряюще улыбаясь.

Гарри подавил желание достать палочку. Сердце забилося чуть быстрее, а в висках застучала кровь. Он ещё раз посмотрел на Сириуса, одним взглядом передавая бурю эмоций в его душе, но после всё же вытянул ладонь вперёд.

Гарри сосредоточился на ручке. До этого ему никогда не приходилось использовать беспалочковую магию, но понимание, что это возможно, придавало ему сил. Он нахмурился и попытался сдвинуть предмет силой мысли.

Ручка на столе немного зашаталась и сдвинулась вперёд, ближе к мисс Уимс. Гарри незаметно выдохнул. На самом деле, особой уверенности в том, что это сделал именно он, не было.

— Великолепно, — констатировала женщина, — простите, что пришлось провести это маленькое испытание. Вы прибыли из Англии. Никаких документов, подтверждающих сверхъестественные способности Гарри, предоставлено не было. Нужно было подстраховаться.

Уимс мило улыбнулась, хотя теперь Гарри казалось, что она просто-напросто любит

улыбаться в любых ситуациях.

— Ничего страшного, мы всё понимаем. — Сириус почему-то устало вздохнул.

— Замечательно. — Уимс вписала что-то в документ и вложила его обратно в папку. В это же время кто-то постучался в дверь. — Войдите!

Внутри кабинета шагнула рыжеволосая женщина в крупных очках. Директор вежливо улыбнулась и кивнула двум волшебникам. Невысокая, опрятная, она чуть-чуть выделялась на общем фоне. Что-то в ней было не так, но понять, что именно, у Гарри не выходило.

— Гарри, это мисс Торнхилл — преподаватель ботаники. Она проведёт тебя в твою новую комнату, — благожелательно улыбнулась директор, — а нам с твоим отцом есть что обсудить.

— Здравствуйте, — вежливо поприветствовал своего нового учителя Гарри. Он бросил взгляд на крёстного, который кивнул и шепнул, что они встретятся чуть позже.

— Рада встречи, Гарри. — Мисс Торнхилл пропустила его вперёд и закрыла за собой двери. — Директор Уимс сказала, что ты прибыл из Англии.

— Да, мы с отцом... переехали, — с трудом подобрал слова Гарри.

— Что же побудило вас уехать в Америку? — с неподдельным интересом поинтересовалась женщина, но, увидев, что Гарри ступешался и не знал, как ответить, она увела разговор в другое русло, начав рассказывать интересные факты о Неверморе.

Мисс Торнхилл провела его по школе, и в этот раз они направились в другую башню, которая вплотную граничила с лесом. Несколько раз по пути женщина делала замечания ученикам, которые носились по коридору: она покачивала головой и закатывала глаза.

— Обратни... слишком энергичны, — пояснила их поведение Торнхилл. — А это четырёхугольный двор.

Гарри нахмурился и для верности два раза сосчитал углы небольшого школьного дворика, в который его вывела преподавательница. Посередине двора росло дерево, уходившее корнями в небольшой бассейн; вокруг него были расставлены длинные столы, за которыми небольшими группками сидели студенты. Кто-то собирался у стен, некоторые присаживались на ограждение бассейна.

— Но тут пять углов.

Гарри в своей кожаной куртке порядком выбивался из общей синей гаммы учеников, отчего на него обращали внимание буквально все. Впрочем, он ещё с Хогвартса привык к постоянному пригляду других людей, так что его это не смущало.

— Тебе тут понравится, — резюмировала Торнхилл, пропустив его замечание об углах мимо ушей.

— Мисс Торнхилл, вы ведь не изгой? — Гарри было трудно это объяснить, но что-то в этой женщине было не так. Вернее, нет, она казалась слишком нормальной — не такой, как все.

— Да, я — нормис, — женщина улыбнулась, — первый преподаватель нормис в Неверморе. Кент! — неожиданно окликнула она какого-то парня, проходившего мимо, — подойди, пожалуйста.

Парень приблизился к ним. Он имел красивые голубые глаза, буквально светившиеся в тусклом свете ламп, а свои длинные волосы парень зачёсывал в хвост.

— Мисс Торнхилл, добрый день, — сказал он и чуть приподнял уголки губ в улыбке, а после обратил внимание и на Гарри. Они были примерно одного роста.

— Здравствуй, позволь представить тебе Гарри Блэка. Отныне он твой сосед по

комнате.

Кент в удивлении приподнял брови, а затем протянул руку Гарри для приветствия, и они обменялись рукопожатиями. Длинноволосый парень оказался на удивление сильным.

— Покажешь Гарри, где находится ваша комната?

— Конечно, — кивнул Кент.

— Тогда я побежала, закончи за меня экскурсию! — Торнхилл на прощание помахала рукой и скрылась в коридоре. Поттер проводил её скептическим взглядом.

— Она всегда такая, ты привыкнешь. — Кент развернулся и оглядел двор, затем бросил взгляд обратно на Гарри и, не выдержав, поинтересовался: — А ты изгой какого вида?

— Телепат.

— Есть! — Кент победно сжал кулак и показал его стайке девочек на другой стороне двора. Все они были весьма красивы и имели такие же голубые глаза, как и у самого парня. — Мы просто поспорили, — слегка смутившись, ответил подросток и улыбнулся.

— Почему ты подумал, что я телепат?

— Ну, у нас есть ещё один пацан в очках. Он тоже телепат, вот я и подумал...

Гарри не нашёл, что ответить на это. Он мог оказаться любым изгоем, а Кент подумал, что он телепат лишь потому, что носил очки. Либо Кент гений, либо идиот.

— Я, кстати, сирена. — Гарри нахмурился, пытаясь вспомнить, чем знамениты сирены, но Кент истолковал его взгляд по-своему. — О нет-нет, я ношу это, — парень указал на небольшую цепочку на шее с какой-то безделушкой, — так что не зачарую, не волнуйся. Пойдём, покажу нашу комнату.

Они быстро покинули двор и пришли в одну из башен. Их комната располагалась на первом этаже, а достаточно большое окно выходило в сторону леса, до которого было буквально несколько метров.

— Над нами живёт Ксавьер и Роуэн, — проговорил Кент, открывая своим ключом дверь в комнату. — Добро пожаловать в Чёрную башню! — Он посторонился, пропуская Гарри внутрь.

Комната выглядела неплохо: две кровати стояли напротив друг друга, у каждого был свой отдельный стол, комод и небольшой шкаф. Всё было выполнено из чёрного дерева. Кент обклеил стену над кроватью несколькими плакатами каких-то футболистов, а его стол был завален тетрадами и учебниками, и на нём тоже стоял ноутбук, но не «Мас», как у директора, а явно какой-то помощнее. Вторая половина комнаты была девственно-чистая, только разве что над пустой кроватью висела картина с вороном, взиравшим вверх, а на спинке лежали несколько вещей, которые быстро убрал Кент.

— Тебе сколько полок нужно в ванной?

Изгой прошёл по комнате и завернул к неприметной двери рядом со своей кроватью.

— У вас отдельная ванная на каждую комнату? — удивился Гарри.

— Конечно, — Кент выглянул из-за двери. — а ты думал, что всё общее будет?

— Да, в прошлой школе так и было.

— Ну и ну, — присвистнул Кент, — не, это же дорогая школа, так что...

Гарри прошёл вслед за новым соседом и заглянул в ванную. В комнате был крохотный коридор, дверь слева вела в комнату с унитазом и раковиной, а правая к душевой кабине, где располагалась вторая раковина с зеркалом. Рядом с ней стоял столик, над которыми ровными рядами выстроились полочки, что все были завалены... У Гарри даже в глазах зарябило от количества всяких баночек. У Кента зачем-то было аж три разноцветных зубных

щётки и три бритвы. Гарри пересчитал своё добро по памяти: зубная щётка, паста, мыло, шампунь, мочалка, бритва и крем после бритья.

— Так сколько полочек? — любопытствовал Кент, потихоньку сгружая своё добро на столик.

— Половины одной полки будет достаточно.

— А, ты из настоящих мужчин? — с долей сарказма произнёс парень и хмыкнул. — Лично я считаю, что мужчина должен выглядеть настолько хорошо, насколько хороша его девушка. Или парень... Вот, держи, — сказал Кент, споро открыв одну из баночек и протянув её Гарри.

— Что это?

Внутри лежали какие-то непонятные бумажки.

— Это «патчи».

Теперь длинноволосый подросток смотрел на него подозрительным взглядом.

— Что ещё за «патчи»? — устало выдохнул Гарри.

— От мешков под глазами, а у тебя они начинают появляться.

Наблюдая, как Гарри вытаскивает патчи, а затем вертит их в руках, Кент фыркнул, отобрал у него баночку и собственноручно наклеил их ему под глаза.

— Спасибо.

Гарри заглянул в зеркало. Оттуда на него смотрели слегка измученные зелёные глаза, под которыми теперь блестели два патча, как их назвал Кент.

— Шрам крутой кстати, — между делом отметил парень. — А ты плохо спишь что ли?

— Ага, — хмыкнул Гарри. Посвящать в свои проблемы соседа по комнате ему не хотелось.

— Плохо, — авторитетно заметил Кент, — купи себе беруши. Или наушники с шумодавом. Лично мне они не нравятся. Спать неудобно, но многие используют.

— Зачем?

— Оборотни воют громко во время полнолуний. В глубине замка слышно их не так сильно, но мы рядом с лесом, так что здесь без беруш никак. Ещё они любят разыгрывать. Услышишь рык или увидишь светящиеся глаза в лесу — смело шли их нахер. Всё равно ничего не сделают. — Кент засмеялся, и Гарри поддержал его улыбкой.

В прошлую встречу с оборотнем тот чуть не убил Гарри и его друзей, если бы не Сириус и... Снейп, то всё бы закончилось печально.

Кент порылся в своей прикроватной тумбочке и перекинул Гарри второй ключ от комнаты.

— В общем, нам надо в прачечную, чтобы взять тебе комплект постельного белья. Затем зайдём за расписанием и пойдём на обед, — кивнул своим мыслям Кент.

Выйдя из комнаты, ребята столкнулись с двумя парнями, как раз спускавшимися с лестницы. Кент представил их, и это оказались живущие сверху Ксавьер с Роуэном.

— Узнаю почерк Кента. — Ксавьер — высокий длинноволосый парень — указал на патчи на лице Гарри.

— Мешки под глазами человека не красят, — заметил Кент.

— Увидимся на обеде.

Светловолосый парень в крупных очках — Роуэн — мазнул по Гарри безразличным взглядом и, развернувшись, ушёл.

— С ним в последнее время что-то не то, — поморщился Ксавьер, будто отгоняя

неприятные воспоминания, — раньше был нормальным парнем.

— Подросток... — вздохнул Кент.

Ребята переглянулись и засмеялись. Весело болтая, они вышли во двор. У дальней колонны стоял Сириус, который о чём-то говорил с девушкой — сиреной, как моментально определил Гарри по такому же, как у Кента, кулону на её шее.

— Мой отец, — Гарри указал на Сириуса, — извините, он уезжает, так что надо проводить.

— Мы будем во дворе, — за двоих ответил Кент.

— Передай, что мотик у него классный! — вдогонку бросил Ксавьер.

Гарри махнул на прощание рукой и пошёл к Сириусу. Крёстный его быстро заметил, а когда тот подошёл, то поспешил представить крестнику свою собеседницу, которой оказалась Бьянка Барклай. Сирена мило улыбалась, а её тёмная кожа симпатично — хоть и неестественно — поблёскивала.

— Красивая девушка, — похвалил её Сириус, когда они уже выходили из замка.

— Симпатичная, — согласился с ним Гарри.

— Волосы... — в один произнесли Гарри и Бродяга. Они переглянулись и засмеялись.

— Зря она их так коротко стрижёт, — закончил за двоих Сириус.

Усаживаясь на мотоцикл, мужчина оглядел Гарри с ног до головы и вздохнул.

— Ты сильно вырос, Гарри. — Подросток промолчал: говорить было нечего. — Попробуй раскрыть дневник, может, получится. Ах да, насчёт телепатии. Потренируйся, это несложно. В кабинете Ларисы это я сдвинул ручку.

— Хорошо, — согласился Гарри, — чем ты займёшься?

— Попробую поискать союзников, боюсь, без Альбуса всё станет намного сложнее. — Сириус передал мальчику второй шлем, в котором тот сюда приехал. — Пусть напоминает обо мне. Если что, используй связанное зеркало. Я постараюсь всегда носить его с собой.

Сириус крепко обнял крестника, а через секунду отпустил. Гарри прикусил губу. Ему было горько расставаться с Сириусом, ведь они только-только встретились — буквально неделю назад.

Крёстный завёл мотоцикл, надел шлем, ещё раз взглянул на Гарри и тронулся с места, уезжая куда-то вдаль. В это же время на территорию как раз въезжал автомобиль семейства Аддамс. Гарри постоял несколько секунд, держа в руках мотоциклетный шлем, а затем направился обратно в академию, где его уже ждал Кент вместе с Ксавьером.

Ребята втроём спустились в прачечную, где Гарри получил постельное бельё и неожиданно свою новую школьную форму. После они разошлись: Кент с Гарри отправились в комнату, а Ксавьер куда-то вглубь школы.

— Занимаешься фехтованием? — Кент плюхнулся на свою кровать, пока Гарри переодевался в новую форму.

— Нет. А ты?

— Не-а, по фехтованию проводят внеклассные занятия три раза в неделю, завтра как раз один из таких дней. Тогда стрельба из лука?

Гарри отрицательно помотал головой. Если так подумать, он мало чем увлекался в жизни. Разве что мётлами и квиддичем, но ни того, ни другого рядом не было.

— А компьютерные игры? Я вот состою в кружке по ним. Дота 2, КС? — с потихоньку утихающим интересом продолжал спрашивать Кент.

Гарри знал об этих играх, учитывая, что Дадли всё детство в них рубился, но скорее

кузен отгрыз бы себе руку, чем подпустил «очкарика» к своему компьютеру или игровой приставке.

— Нет, — просто отозвался Гарри. У него даже телефона не было никогда.

— Плохо, — заявил Кент, — у нас обязательно посещение какого-нибудь внеклассного занятия, так что тебе придётся что-то себе подобрать.

— Надо найти что-то непрехотливое, желательное, где поменьше людей, — проговорил Гарри и пожал плечами.

— О, это тебе к пчеловодам, — поморщился Кент. Видимо, пчёлы его не впечатляли. — Точнее, к пчеловоду. Он у нас такой один.

Гарри не успел ничего ответить — в комнату вежливо постучались, а затем ручка повернулась и к ним вошёл высокий светловолосый мужчина. Это оказался ещё один преподаватель, к тому же тренер по фехтованию и сегодняшний дежурный по мужскому общежитию. Он рассказал о простых правилах пребывания тут, а также упомянул Джерико — городок, расположенный поблизости от Невермора.

— ...люди нас не любят, — говорил учитель спокойно, но от этого веса в его словах было лишь больше, — поэтому не нужно подтверждать нелепые стереотипы об изгоях, а значит, не душить людей приёмом Дарта Вейдера, — он пристально посмотрел на Гарри, — и... — преподаватель перевёл взгляд на Кента.

— И не очаровывать голосом, — закончил за него Кент, — вы мне это уже говорили, — возмущённо отозвался он, присев на кровать.

— Я бы повторял это сиренам каждый день, — сказал учитель, ни на грамм не смутившись, а затем вновь повернулся к Гарри. — Занимаешься фехтованием?

К вечеру доставили вещи, которые Гарри перенёс в свою комнату не без помощи Кента. После этого парень погрузился в свой ноутбук, в одну из онлайн игр. Гарри же в это время раскладывал своё добро. Наконец его часть комнаты стала приобретать живой вид, а полочка в ванной, которую любезно выделил Кент, заполнилась наполовину.

Последним из недр чемодана показался старый кожаный дневник, обитый по углам железом; застёжка держалась на заклёпке. Гарри попытался его открыть, но снова потерпел неудачу, как и много раз до этого. Снизу было выбито длинное имя владельца этого дневника.

— Пройдусь по школе, — предупредил соседа Гарри, но тот не услышал. Он, кажется, с кем-то ругался в чате игры, яростно набирая текст на клавиатуре.

Близилась ночь и быстро темнело — лампы разгорались всё сильнее. Студенты разбрелись по всей территории, больше всего их было во дворе, и Гарри даже успел заметить Уэнсдей, которая расположилась за одним из столов. Её очень выделяла чёрная форма школы в сравнении с остальными, которые ходили в синей. Она была белой вороной. Рядом с ней вертелась светловолосая девочка с окрашенными в разные цвета прядями.

На дальней стене что-то рисовал Ксавьер, кажется, это был очередной ворон, который, как нетрудно было догадаться, являлся символом Невермора. Гарри внимательнее пригляделся к рисунку парня; казалось, что ворон шевелился. Кент раньше обозначил Торпа как «художника в муках», что именно это значило — никто уточнять не стал, однако теперь догадаться о способностях Ксавьера было нетрудно.

Гарри успел заметить, как к нему, оставив Уэнсдей в покое, вприпрыжку бежала та самая светловолосая девочка. Она широко улыбалась и всем видом показывала своё хорошее настроение. В два прыжка она преодолела расстояние до него и затараторила:

— Привет, я — Инид Синклер, оборотень, будущий журналист, — тут она многозначительно подмигнула, — а ещё у меня самый большой блог о Неверморе. Обязательно подпишись! — Гарри слегка опешил от такого напора и пожал протянутую Инид руку, а после удивился тому, насколько крепкая оказалась у той хватка. — Я прошерстила весь интернет, но нигде не нашла о тебе или твоём отце упоминаний!

— Мы не ведём социальных сетей, — подавил улыбку Гарри, припомнив, что в Хогвартсе любой аппарат сложнее механических часов выходил из строя моментально.

— Тебе обязательно надо завести инсту!

— Что такое инста? — не понял Гарри, а Синклер же чуть инфаркт не схватила. Её глаза закатились, и девушка, приложив руку ко лбу, ненатурально изобразила потерю сознания, стоя на двух ногах.

— Ты что, брат Уэнсдей?

— Брат Уэнсдей... попахивает катастрофой, — сказал подошедший к ним подросток. Худощавый, высокий, с арабскими чертами лица. Он носил шапку, под которой, кажется, что-то шевелилось.

— За что мне всё это, Аякс? — Инид обернулась к новоприбывшему.

— Что — всё? — недопонял подросток.

Синклер громко и выразительно фыркнула, затем всплеснула руками:

— Ну почему до горгон так всё поздно доходит? — Вопрос был риторическим, Аякс же в непонимании уставился на неё.

— А почему брат Уэнсдей? — поинтересовался Гарри.

— Она такая же: нет телефона, нет ноутбука, нет ни инсты, ни тиктока, ни снапчата! А может, у тебя тоже нет телефона?! — Инид сощурилась и упёрла руки в талию, отчего Гарри стало не по себе, ведь у него действительно не было телефона.

— Нету. — Гарри смущённо потёр затылок рукой.

— Реально? — поразился уже Аякс, пока Синклер хватала ртом воздух как рыба, выброшенная на берег. — Ладно Уэнсдей, она странная, но ты...

— Там, где я жил, не ловило сети, так что...

— Ты что, в пещере жил? — Инид наверняка не хотела обидеть Гарри, но тот всё же нахмурился. — Извини, — девушка в мольбе сложила руки перед собой, — просто завтра полнолуние, вот и колбасит.

— Я жил в Шотландии, в замке, а там... стены толстые, — неуверенно объяснил Гарри. Ему трудно было объяснить, что магия и электрические приборы несовместимы.

— Ничего себе! — Аякс в шоке раскрыл глаза. — В настоящем замке? Типа как в Неверморе?

Ещё около десяти минут Гарри пытался рассказать о Хогвартсе так, чтобы случайно не раскрыть какую-нибудь тайну, вроде той, что он маг, а замок — это магическая школа.

На прощание Инид хихикнула и похвалила пагчи на лице Гарри, сказав, что те замечательно подходят под его зелёные глаза. Он чертыхнулся, потому что совсем забыл, что Кент их ему наклеил пол дня назад.

Остаток вечера Гарри провёл, гуляя по школе. Он запоминал все лестницы, двери и переходы и постоянно ловил себя на мысли, что ведёт себя так, будто снова попал в

Хогвартс, хотя здесь не появлялись фантомные двери, переходы не путались между собой, а лестницы не имели свойства передвигаться, иногда и вовсе убирая ступеньки под ногами идущего. Здесь всё было более-менее пристойно, но перебороть себя, не пройдясь по всей школе, он не мог.

Перед сном Гарри тридцать минут просидел в одном из закутков и старательно пытался сдвинуть небольшой камешек силой мысли, но тот даже не пошевелился. Гарри тужился, вытягивал то одну руку вперёд, то другую; прижимал указательные пальцы к вискам, как в каком-то фильме делал лысый телепат, но ничего не получалось. Сириус бы на это сказал, что Гарри в этот момент выглядел так, словно пытался родить ёжика.

Гарри вернулся в свою комнату под самый отбой, Кент же не сдвинулся со своего места ни на миллиметр. Он вроде как даже пропустил ужин, по крайней мере, Гарри не видел своего нового друга на нём.

Гарри успел переодеться в пижаму, принять душ, почистить зубы, улечься в кровать — и только в этот момент его сосед захлопнул крышку ноутбука. Кент пробурчал что-то неллицеприятное о своих сокомандниках, игре и человечестве в целом, а после развернулся и прямо в одежде плюхнулся на кровать.

— Ты прямо так спать собираешься? — удивился Гарри, наблюдая за этим.

— Нет, — пробурчал Кент в подушку, а затем спрыгнул с кровати, — я пойду прогуляюсь.

— Так отбой же, разве пустят?

— Если ты не расскажешь, то отпустят, — подмигнул парень Гарри.

Естественно, Гарри никому ничего рассказывать не собирался, однако ему было очень интересно, куда такой человек, как Кент, мог уйти в одиннадцать ночи. Может, на свидание? Гарри с сомнением взглянул на то, как сосед, воровато оглядевшись, выскользнул из комнаты, а затем с тихим шипением открыл дверь повторно, так как каким-то образом умудрился зажать кончик своих волос.

В любом случае Гарри не собирался ни за кем следить, потому что довольно сильно устал за прошедшие дни: перелёт, а затем шоппинг и приезд в Невермор вымотали его морально и физически. Но вся эта суэта отвлекла от плохих мыслей и воспоминаний. Возможно, впервые за несколько недель Гарри ложился спать и понимал, что сегодня не будет вертеться в кровати, кричать, а его магия не начнёт крушить всё вокруг.

За ночь Гарри просыпался всего несколько раз, один из которых был во время возвращения Кента, но на утро он всё равно чувствовал себя невыспавшимся. Отражение в зеркале показывало измученное лицо в очках с круглыми линзами, бледноватую кожу и слегка уменьшившиеся мешки под глазами.

День проходил размеренно. К своему удивлению, Гарри понял, что не отстаёт от остальных студентов на уроках, а на некоторых и вовсе — опережает. Кент оказался весьма слабым в математике, а вот на уроке английского блистал своими знаниями. Уэнсдей успела что-то не поделить с Бьянкой, разбавив урок ботаники небольшим состязанием в знаниях о растениях. К сожалению, Гарри намного больше знал об окружающем мире с магической точки зрения, нежели с маггловской.

После обеда Гарри решил выйти прогуляться по территории академии. К его несчастью, на улице снова была плохая погода, так что пришлось заглянуть в комнату за зонтиком.

На выходе из академии мимо него буквально продрейфовала Уэнсдей, которая явно была чем-то расстроена. Адамс раскрыла зонт и, не обращая более внимания на дождь,

пошла к главным воротам.

Гарри словно в замедленной съёмке наблюдал, как зашатавшаяся статуя горгульи летит вниз — на голову Уэнсдей. Он успел выхватить палочку из заднего кармана джинс, но применить заклинание — нет. Адамс спас Ксавьер, сбив с ног своим телом.

— Там кто-то был! — Гарри выскочил под дождь, забыв о зонте, но капающая вода его мало смущала.

— Уэнсдей! — Ксавьер потряс девушку за плечи. Она сильно ударилась головой при падении и, видимо, потеряла сознание. Возглас Гарри, казалось, парень даже не услышал.

Волшебная палочка была быстро убрана в карман, чтобы не привлечь ненужное внимание.

— Кто-то скинул горгулью, — нахмурился Гарри, осматривая ближайшую башенку с видом на статую.

— К ней нельзя было даже подойти! — Ксавьер поднял Уэнсдей на руки. — Горгулья стояла прямо на воротах.

— Значит, её сбили не прикасаясь, — логично предположил Гарри.

— Извини, но у тебя зрение плохое, — Торп прошагал мимо него, — и сейчас времени нет.

Парень быстро заскочил обратно в академию, держа Уэнсдей на руках. Гарри посмотрел ему вслед, затем перевёл взгляд на разбитую горгулью и нахмурился.

— Я точно кого-то видел.

Вечером того же дня Гарри нашла сама Уэнсдей. Девушка выглядела неплохо, была всё так же безэмоциональна, бледна, а в глазах плескалось недовольство вперемешку с интересом.

Аддамс прижала Гарри к стене и начала практически профессиональный допрос. Она пыталась узнать: что именно он видел, как упала гаргулья, уверен ли он, что видел кого-то, а по окончании поинтересовалась, насколько тот плохо видит без очков.

— Доверять в вопросах убийства парню, что без очков даже пройтись не сможет, — не рационально, — вполне справедливо заметила Уэнсдей. — Ты ведь телепат, вполне возможно, что это ты скинул на меня статую.

— Это было бы очень глупо, — фыркнул Гарри. — Зачем мне тогда помогать тебе в чём-то?

— Увести следствие от правды? — пожала плечами девушка.

— Какое следствие? — устало выдохнул Гарри. — В любом случае у меня нет никакого повода желать тебе зла.

— Чтобы убить человека, необязательно желать ему зла. — Уэнсдей отвернулась. — Ты в списке подозреваемых.

Гарри даже ответить ничего не успел — Аддамс просто ушла, оставив его стоять посередине коридора. Обижаться на такое поведение он не стал. Уэнсдей была именно таким человеком — едва ли она понимала, что такое такт.

Больше никаких покушений на чью-либо жизнь не было или Гарри о них не слышал. Дни недели быстро пролетали мимо в ежедневных заботах, уроках и домашних заданиях. Он неплохо сдружился с Кентом и Ксавьером, посетил несколько раз внеклассные занятия по фехтованию и стрельбе из лука, но ничего из этого его не зацепило. Учителя тоже не наседали и пока что не пытались вынудить Гарри вступить в какой-нибудь кружок по интересам, так что у него оставалось достаточно много свободного времени, которое он проводил с пользой. Например, пытался освоить телекинез. За всю неделю у него так и не получилось сдвинуть хоть что-нибудь. Однажды листочек, на котором он тренировался, зашатался, но Гарри так и не понял, он это сделал или сквозняк. В любом случае успехов так и не последовало.

До выходных Гарри с гордостью мог похвастаться тем, что облазил чуть ли не всю школу и ближайшую территорию. В прошлое полнолуние, как и говорил сосед по комнате, спать было практически невозможно: казалось, что все оборотни собрались специально у них под окном и выли, не замолкая. Сам Кент пользовался берушами, а вот Гарри ничего подобного при себе не имел, и он даже в какой-то момент подумал использовать магию, чтобы лишиться себя слуха на время, но решил, что идея эта не такая хорошая, как казалось изначально.

А ещё пригляд за студентами был практически никакой. Дежурные учителя по общежитию вообще редко выходили из своих комнат, не говоря уже о систематических обходах школы. Студенты этим пользовались; ни для кого не было секретом, что жизнь в школе ночью совсем не затихала. Многие бегали на свидания, кто-то выбирался в лес, другие просто бродили по школе, ловя адреналин и кайф.

Однако Гарри так и не удалось определить, куда это иногда отлучается Кент.

Специально он за ним не следил, потому что это было бы слишком, но интерес с каждым днём возрастал.

Ночные кошмары вернулись. Несколько раз Гарри будил сосед, а в ночь перед выходными всё стало совсем плохо. Он в бреду заставил полетать вещи по комнате: кровати, столы, шкафы. Все предметы, насмерть не прибитые к полу, подлетели на добрые десять сантиметров вверх, а после с ужасным грохотом рухнули вниз, оставив после себя полную разруху. Благо в башне были очень толстые стены — практически звуконепроницаемые, так что никого, кроме Кента, Гарри своим телекинезом не разбудил.

— Теперь я верю, что ты телепат.

Кент ошалелыми глазами разглядывал разруху в их комнате: везде валялись вещи, а шкаф самого Гарри лежал на боку.

— Извини.

Гарри сглотнул, представив, что этот самый шкаф мог упасть ему или Кенту на голову.

Следующий час подростки убирались в комнате. Хоть Гарри и просил своего соседа не помогать, так как считал себя во всём виноватым, но Кент отказал и принялся за дело споро и с огоньком.

Больше в это утро Гарри не засыпал. До подъёма оставалось полтора часа, за которые, как ему казалось, выспаться будет невозможно, зато Кент не разделял это мнение и улёгся дрыхнуть.

Время было потрачено плодотворно на занятие телекинезом и медитацией над дневником в надежде найти способ его открыть. Выходные в Неверморе были весьма сонными; половина изгоев вообще не явилась на завтрак, а те, что пришли, вид имели лихой и придурковатый (в основном потому, что это были оборотни).

Гарри рано утром столкнулся лицом к лицу с запыханным Ксавьером. Как оказалось, тот каждый день выходил на утреннюю пробежку, оббегая всю территорию академии. Не поразиться такой силе воли однокурсника было невозможно, особенно учитывая, что художник параллельно уделял время фехтованию, стрельбе из лука и изобразительному искусству.

Вечером же студентов отпустили в Джерико, так как наступил праздник урожая. Не все изгои пошли в городок, особенно в этом плане отличались вампиры: их более всех не любили нормисы. Учеников сопровождала директор Уимс.

Как Гарри заметил, Уэнсдей сильно была заинтересована в этом походе, по крайней мере, ему так казалось. Девушка всё время бросала недовольные взгляды на директора Уимс, а также на Инид, которая щебетала рядом.

Дуэт Синклер и Аддамс был весьма примечательным: гиперактивная, экспрессивная Инид и молчаливая, угрюмая, недовольная всем и всеми Уэнсдей. Удивительным образом девушки дополняли друг друга. Даже их одежда — цветастая с одной стороны и чёрная с другой — резко контрастировала друг с другом и выделяла их на фоне остальных.

— Как две части одного целого, — как-то верно подметил Ксавьер, одновременно зарисовывая на бумаге бабочку, зависшую над носом чёрной кошки.

Сам праздник урожая был обычной американской ярмаркой — такой, как в каком-нибудь фильме. Вкусно пахло сладкой ватой, играла навязчивая музыка, раздавались крики с аттракционов. Территория праздника была совсем небольшой, людей было не так уж и много, развлечений — тоже. Город Джерико был крохотным и, как выяснил Гарри, жил только за счёт Невермора, что невероятно бесило всех нормисов, а многие изгои задирали

нос перед местными.

Гарри успел купить беруши, за которыми в общем-то и вышел из академии, а потом, возвращаясь на ярмарку, он стал свидетелем неприятной картины: три подростка с битами увязались за Уэнсдей и каким-то высоким русым парнем.

Гарри достал палочку, прикидывая в уме, сможет ли он вырубить этих троих заклинаниями так, чтобы никто не заметил. Но жертвы успели сбежать, затерявшись в толпе. Гарри же, несмотря на своё плохое зрение и в отличие от трёх остолопов с битами, их не потерял. Так что он увязался следом за Уэнсдей и её новым другом, предполагая, что им может понадобиться его помощь.

Ребята отыскились на другой части ярмарки под колесом обозрения. Неизвестный парень держал на руках Уэнсдей, которая застыла в нелепой позе: её голова была откинута, а руки вытянуты вдоль тела; Аддамс дрожала, словно в припадке. Гремели салюты, мешая услышать что-нибудь дальше десяти метров.

Пока Гарри бежал к ним, Уэнсдей уже успела отойти от своего непонятного состояния. Она вскочила на ноги и ошалелыми глазами, что так выбивались из её образа, смотрела на Роуэна, который откуда-то тоже оказался здесь.

Уэнсдей что-то сказала ему, но Гарри не расслышал. Роуэн огрызнулся и бросился бежать в сторону леса, подальше от чужих глаз. Уэнсдей, не обращая внимания на крики своего знакомого, побежала за Роуэном, а за ней бросился и Гарри, который мало что понимал в сложившейся ситуации, но его чуйка на неприятности орала как сирена.

Русоволосый парень же застыл на месте, явно не зная, что делать. Пробегая мимо, Гарри так и хотелось буркнуть, что тот какой-то тормоз.

Уэнсдей и Роуэн бежали несколько минут, миновали длинный мост, увешанный гирляндами, и скрылись в лесу. Гарри, проклиная свою физическую форму и недоумевая, откуда у изгоев столько сил, сильно отстал и примчался уже в разгар разборок.

— Гаргулья... это был ты?!

— Да, — едва слышно ответил Роуэн.

Гарри в этот момент выскочил из-за дерева. Он тяжело дышал, на лбу выступила испарина, очки сбились в сторону. Роуэн первым сообразил, что происходит, а вот Гарри сплеховал: ему потребовалось несколько секунд, чтобы найти глазами Уэнсдей, которая висела, пригвождённая силой Роуэна к дереву на высоте нескольких метров. На миг время замерло — и светловолосый очкарик вскинул вторую руку. Гарри снесло в сторону дерева за его спиной, буквально вдавливая между могучими корнями.

— Какого чёрта ты тут делаешь?! — почему-то недовольно вскрикнула Уэнсдей.

— Пытаюсь тебя спасти, — сдавленно захрипел Гарри, хотя он сомневался, что его кто-то услышит. Чёртов Роуэн своей телепатией сдавил его так, что тот едва мог двигать даже одной рукой.

Палочка ещё при полёте вылетела у Гарри из руки и осталась лежать в куче опавших листьев.

Из кармана Роуэна вылетела бумажка и зависла прямо напротив головы Аддамс. Они начали обсуждать какой-то крах Невермора и участие в этом Уэнсдей. Гарри не вслушивался, потому что боролся с телепатией, пытаясь достать одну руку.

— Роуэн! — захрипела Уэнсдей, и её ещё сильнее вдавило в дерево. — Роуэн... — стал слабеть голос девушки.

Гарри, всёещё не в силах даже встать, направил освобождённую руку на палочку, и та

едва заметно затряслась, но влетать в руку не спешила. От напряжения он прокусил губу, и тонкая струйка крови побежала вниз по подбородку, но Гарри едва это заметил. От обиды ему хотелось завывать: он целую неделю каждый день упражнялся с телекинезом, но практически ничего не добился — даже его волшебная палочка не хотела подлетать к руке. Она лишь раскачивалась из стороны в сторону.

Подмога пришла откуда не ждали. Совсем рядом раздался рёв монстра, и Гарри почувствовал, как сила Роуэна спала с него. Он обернулся, наблюдая за тем, как огромное горбатое чудовище рвёт на части телепата.

Упавшая на землю Уэнсдей была слишком близко к монстру, и Гарри не успевал подхватить своё оружие. Но монстр лишь глянул на Аддамс, а самого Гарри, кажется, не заметил и бросился в лес, оставив двух живых и одного мёртвого подростка на поляне посреди леса.

Когда Гарри поднялся с земли, Уэнсдей уже сидела рядом с трупом Роуэна. Тот, несомненно, был мёртв: его живот представлял из себя один большой разрез, достигший позвоночника. Толчками выливалась кровь, но Аддамс это совсем не волновало. Она рассматривала тот самый рисунок, что телепат показывал ей до этого.

— А ведь предупреждали не душить никого приёмом Дарта Вейдера, — нервно усмехнулся Гарри, подходя ближе.

— Жалкая попытка разрядить обстановку, — безразлично ответила Аддамс. — Если боишься мертвецов — сходи, позови полицию.

— И оставить тебя тут одну? — нахмурился Гарри. Иногда заносчивость Уэнсдей доканывала даже его. Она чем-то напоминала Малфоя, но тот вываливал всё как на духу, а Аддамс наоборот — держала всё в себе. — И я не боюсь мертвецов. В одиннадцать лет я убил своего учителя.

Уэнсдей заинтересованно развернулась, отвлекаясь от рисунка, и словно по-новому взглянула на Гарри.

— Буквально своими руками, — закончил Гарри. Воспоминания о том случае не доставляли ему какого-то садистского удовольствия или удовольствия в целом, но ему до чёртиков хотелось осадить колкую на язык Уэнсдей.

— Ты что, псих?

— Как там школа?

Сириуса было видно не очень хорошо. Зеркало могло детально передавать изображение, но лишь когда к нему подходили близко.

Гарри в голове прикинул: его едва не убили, два раза чуть не убили Уэнсдей, всё-таки убили Роуэна, а по окончании из леса вылезло двухметровое горбатое чудовище. Так что Гарри ответил:

— Всё хорошо, это место напоминает Хогвартс даже больше, чем иногда сам Хогвартс. Адреналин давно схлынул, и сейчас Гарри ощущал себя вымотанным.

— Надеюсь, в хорошем смысле? — весело оскалился Сириус.

— В самом лучшем. — Гарри выдавил из себя улыбку.

Он находился на пристани рядом с Невермором — вряд ли тут могло ему что-то угрожать. Гарри поднял с земли плоский камешек и запустил по воде, тот подпрыгнул пару

раз и скрылся в тёмной реке.

— Круги под глазами стали ещё больше, видения из Англии всё ещё приходят? — озабоченно спросил Сириус.

Бродяга тоже не был похож на человека, что прохлаждался на отдыхе: лицо его заросло бородой, а волосы были спутанными и нуждались в шампуне.

— Не так часто. Видимо, Он, — Гарри выделил местоимение, — чем-то занят.

— Что последнее было?

— Вчера Он пытал какого-то человека. Лица я не видел, всё смутно и обрывисто.

— Связь получается заблокировать? — Сириус прикусил губу. Было видно, что он волнуется за крестника.

— Практически нет, — выдохнул Гарри и присел на холодные доски, свесив ноги над водой. Благо они до неё не доставали. — Мне иногда кажется, что я схожу с ума.

— Окклюменция? — Гарри помотал головой в отрицании. — Ты дочитал книгу?

— Нет.

— Гарри, она должна помочь, обяза...

— Не помогает! — сорвался он. Гарри прикрыл глаза руками, убирая зеркало так, чтобы Сириус его не видел. — Ничего не помогает! Он залезает мне в мозг почти каждую. Проклятую. Ночь! — Гарри замолчал, как и Сириус. — Я... прости, — он шумно выдохнул, — сегодня был странный день, а ночью снились пытки, и я чуть не разнёс всю комнату.

— Гарри, ты должен дочитать книгу, — сказал Сириус, пропустив срыв своего крестника мимо ушей. В зеркале отражалось его хмурое заросшее лицо. — Окклюменция создана для защиты разума.

— Для нападения извне, я знаю, — Гарри вновь поднял зеркало, — но такое чувство, что он сидит где-то внутри моей головы.

— Даже при поражении сознания окклюменция поможет тебе выгнать эту тварь, — убеждённо ответил Сириус. Он неожиданно обернулся, к чему-то прислушиваясь. — Мне надо идти.

— Да, хорошо.

— В Неверморе точно всё в порядке? — неожиданно поинтересовался Бродяга, внимательно разглядывая крестника в отражении зеркала.

— Да, всё пучком, — кивнул Гарри с самым честным лицом, на какое был способен.

— Если что, я всегда помогу, — Сириус расслабился и по-отцовски улыбнулся, — не забывай.

— Не забуду, — с благодарностью ответил Гарри, но в зеркале уже никого не было. Крёстный ушёл.

Гарри постоял на пристани ещё несколько минут, обдумывая диалог и вспоминая недавнюю стычку в лесу. Уэнсдей выбила из него обещание, что он не станет никому ничего говорить: никто не должен был знать, что на поляне помимо самой Аддамс кто-то был. Гарри не понимал, для чего это нужно, но Уэнсдей была уверена, что так надо. Спорить с ней он не решился.

Как Гарри узнал впоследствии, Уэнсдей встретила Бьянку и попросила привести полицию, а сама ушла в Невермор, кажется, у неё был назначен созвон с родителями, как и у Гарри с Сириусом. Чуть-чуть понимая характер Аддамс, Гарри очень сомневался, что девушка расскажет что-то своим родным. Вполне возможно, что произошедшая ситуация

лишь раззадорила её.

По возвращении в комнату Гарри застал Кента за его обычным занятием: тот играл в видеоигры. Пройдя мимо соседа, Гарри начал рыться в своём чемодане, спрятанном под кроватью, и наконец нашёл то, что искал. Это был учебник для авроров, который достал Сириус за пару дней до того, как они улетели в Америку.

Гарри вздохнул и кинул книжку на кровать, а сам ушёл в душ. Когда же он вернулся, вытирая волосы полотенцем, то учебник с интересом вертел Кент.

— Окклюменция, — прочитал парень заглавие, — способы защитить сознание. Пособие для авроров.

— Отдай. — Гарри шагнул к своему соседу и требовательно протянул руку, Кент тут же вернул книгу.

— Это что-то для телепатов? — с любопытством поинтересовался парень.

— Не совсем, — раздражённо буркнул Гарри.

— А! — неожиданно громко вскрикнул Кент, — так ты из этих... — Гарри замер на месте, подумав, что его тайну раскрыли. — Типа йогов что ли?

Гарри облегчённо выдохнул и засунул учебник под подушку.

— Да, типа йогов, — согласился он, надевая очки. — Только не говори никому, а то я... стесняюсь, — нашёлся Гарри.

— У меня мама занимается йогой, — простодушно отозвался Кент, — но если ты хочешь — я никому не скажу, — пообещал парень.

— Спасибо.

Гарри оставил себе зарубку в памяти: больше не оставлять компрометирующие вещи без присмотра.

Кент был неплохим парнем, хорошим соседом, но звёзд с неба не хватал: учился плохо, а всё свободное время посвящал играм и ночным вылазкам непонятно куда. Так что Гарри сомневался, что оглавление книги стало зацепкой, по которой Кент смог понять, кем на самом деле являлся его сосед.

Следующий день не задался с самого начала, хоть на этот раз Гарри не снилось ничего плохого и никакие Волдеморты не пытались залезть к нему в голову. Встал он явно не с той ноги: поскользнулся в душе, уронил зубную щётку в раковину и порезался, пока брился. А когда Гарри выходил из комнаты, то чуть не разбил нос проходившему мимо Ксавьеру, слишком сильно дёрнув дверь.

После завтрака он столкнулся с Инид, которая откуда-то знала уже буквально всё о вчерашней ситуации с Роуэном — включая то, что полиция почти три часа рыскала по всему лесу с собаками в поисках трупа, но так его и не нашла. Гарри для верности переспросил целых два раза, но ответ был один и тот же: полиция ничего не нашла.

А позже в Невермор прибыл сам шериф со своим помощником. Они выцепили Уэнсдей и скрылись в кабинете директора, пока вся школа обсуждала эту ситуацию.

Инид, Ксавьер и Гарри тоже принимали участие в обсуждении, Торп и Синклер справедливо сомневались в словах Адамс, а вот Гарри, наоборот, всеми силами поддерживал девушку, упрямо заявляя, что верит её словам.

Но он оказался буквально разбит видом вышагивавшего довольного Роуэна, который

перемещался по территории школы с видом победителя. Гарри наблюдал эту картину с разинутым от удивления ртом, а затем, не слушая, что там говорят его однокурсники, ринулся наперерез телепату.

— Стоять, — Гарри припёр удивлённого Роуэна к стене, — почему ты ещё жив?

— Не понимаю, о чём ты, Гарри, — проговорил телепат, чуть улыбнувшись. Он никогда не называл Гарри по имени, а несколько раз обращался к нему только как «Блэк».

— Ты практически убил нас, — зашипел не хуже змеи Гарри, — а потом тот монстр разорвал тебе... — осёкся на полуслове Гарри. Глаза за круглыми очками расширились в удивлении вперемешку с подозрением. Он отступил на шаг назад. — Ты не Роуэн.

— Что ты несёшь, я перед тобой стою, — удивлённо хмыкнул телепат и указал на себя. — Кто же я тогда?

— Роуэн погиб на моих глазах, монстр почти на две части разорвал его тело. — Гарри медленно потянулся за палочкой, что находилась в заднем кармане джинсов. — Ты кто такой?

— Я — Роуэн, а тебе надо сходить к психиатру, как и Аддамс, — фыркнул телепат. — Повторяю: я перед тобой стою, кем я ещё могу быть?

— Навскидку могу назвать несколько способов превратиться в другого человека.

Гарри уже намеревался вытащить палочку и направить её на телепата, но их прервали.

Помощник шерифа — крупная чернокожая женщина — громко вскрикнула: «Так вот ты где, парниша!». Она, подхватив Роуэна за руку, потащила его внутрь академии. Сам телепат не предпринял никаких попыток вырваться из цепких рук полицейской, но несколько раз обернулся на Гарри, смерив его взглядом, в котором плескалось удивление, насторожённость и странное подозрение в чём-то.

— Всё-таки он жив, — пробормотал Ксавьер, подойдя к Гарри. Инид крутилась рядом.

— Это не Роуэн, — всё так же упрямо завёл шарманку Гарри. Сокурсники смерили его странным взглядом.

— Но, Гарри, он прямо перед нами прошёл, а ты вообще с ним о чём-то разговаривал, — отметила Синклер.

— Это не он. — Гарри недовольно посмотрел на них.

— Это невозможно, — покачал головой Ксавьер.

— О, прямо уж невозможно? — Гарри несколько раз мазнул по ним взглядом, подыскивая слова. — Ты, — он указал на Инид, — в полнолуние превращаешься в огромного антропоморфного волка, — именно так называл оборотней Снейп на своих уроках, — а ты можешь оживлять рисунки, — теперь Гарри смотрел на Торпа, — ну, а я могу двигать вещи силой мысли.

— Тебе надо выспаться, — посоветовал Ксавьер, переглянувшись с Инид.

— Т-с, — недовольно фыркнул Гарри. Он махнул рукой и, не прощаясь, пошёл в Невермор явно недовольный тем, что ему не верят.

— Он точно не брат Уэнсдей? Например, двоюродный, — сказал Ксавьер, обернувшись к Синклер.

— Фыркает прямо как она, — согласилась Инид.

Через несколько часов Гарри перехватила Уэнсдей, которая была в таком же шоке, как

и он сам недавно. Это явно выдавала её растрёпанная причёска и слегка расширенные зрачки. Мимо проходили ученики, которые нет-нет да бросали на них двоих насмешливые взгляды. Все прекрасно знали о том, что именно Аддамс настаивала на убийстве, а Блэк её в этом поддерживал.

Они проговорили минуты три, как Гарри подметил, шли на рекорд. Раньше все их разговоры занимали считанные десятки секунд. Гарри ясно видел, что она сомневалась в том, что произошло в лесу, либо сомневалась в собственном рассудке.

— Роуэн действительно мёртв. Это не он, — уверенно заявил Гарри. — Этот Роуэн не знал, что я был на поляне, и выглядел растерянно, как только я об этом упомянул.

— Зря ты это сделал, — моментально нахмурилась Уэнсдей.

Он в ответ неприязненно фыркнул, потому что и сам понимал, что зря вспылит и вывалил на телепата новость о своём пребывании в лесу. В свою защиту Гарри мог заявить, что растерялся и вспылит, а также попробовать оправдаться тем, что он никак не ожидал увидеть этого парня живым, но зачем? Вряд ли Уэнсдей интересовали чужие отмазки, а он не обязан был перед ней отчитываться.

— В любом случае, — спохватилась Аддамс, — директор попросила меня передать тебе, что нам нужно вступить в кружок до конца сегодняшнего дня, — девушка выглядела недовольной, — а по поводу Роуэна... Уимс запретила с ним разговаривать. Он был исключён и сегодня же отбывает первым поездом.

Гарри чертыхнулся. Теперь даже с этим псевдотелепатом поговорить не получится, по крайней мере, пока тот находится на территории школы.

— Ты выбрала себе клуб?

Гарри быстро пролистал бумаги, закреплённые на планшете. Там были названия и краткие описания всех клубов Невермора, коих оказалось порядочно.

— Нет. Тебе что-то приглянулось? — скорее для проформы спросила в ответ Аддамс.

— «Жужжащие», — сказал Гарри, указывая в списке на клуб, который был одним из последних. — Единственный клуб, где всего один человек.

— Один человек... — задумчиво пробормотала Уэнсдей, — теперь, получается, будет двое. — Гарри кивнул. — Что ж, мне это подходит. Идём.

Уэнсдей быстрым шагом направилась на выход и буквально не оставила ему выбора, кроме как следовать за ней. Видимо, Аддамс знала, где обитали пчеловоды, так что он не стал с ней спорить.

Они прошли мимо четырёхугольного двора, где ребята занимались хоровым пением; как показалось Гарри, в этом кружке были одни сирены. Во дворе за академией они наткнулись на Ксавьера, стрелявшего из лука. Гарри он показался весьма умелым в этом деле, хотя при них ни разу не попал в центр мишени. Они втроём немного поговорили. Как оказалось, Роуэн был всегда со странностями, но после приезда Уэнсдей и Гарри вовсе крышей поехал, напугав Торпа.

— Телепатия влияет на мозг, ну... вы понимаете. — На секунду Ксавьер задумался, а потом, видимо, вспомнив, что тот как бы телепат, обратился к Гарри: — Извини.

— Ничего страшного, — безразлично пожал плечами Гарри. Ему действительно было всё равно, потому что он к телепатии вообще никакого отношения не имел.

Пока Аддамс показывала виртуозное владение луком, на лету прострелив яблоко, а затем пригвоздив его в центр мишени, Гарри смотрел на Ксавьера, который в свою очередь восхищался Уэнсдей.

Гарри вряд ли можно было назвать глупым парнем, так что догадаться о симпатии, которую Торп испытывал к Аддамс, было несложно. За прошедшие недели он несколько раз наблюдал, как Ксавьер рисовал портреты Уэнсдей у себя в блокноте, когда думал, что его никто не видит.

Всё это наталкивало его на определённые мысли, которые он не спешил озвучивать: для этого следовало бы найти хоть какие-то доказательства.

В любом случае они оставили Ксавьера в покое и на этот раз без остановок добрались до небольшой пасеки. Не то чтобы Гарри любил пчёл, но именно этот клуб ему казался подходящим.

Встретил их невысокий пухлый паренёк, который носил очки в толстой оправе и в целом производил впечатление наивного ребёнка. Представился он Юджином Оттингером и сразу же потащил Гарри с Уэнсдей внутрь небольшого сарайчика переодеваться. Паренёк был весьма возбуждён из-за возможности заполучить в свой клуб сразу двух новичков.

Когда уже переодетые в специальные защитные костюмы ребята вышли на белый свет, Юджин принялся тарыхтеть о пчёлах и матриархате в их ульях; почему-то Гарри показалось, что Оттингер пытался этим фактом впечатлить Уэнсдей. Аддамс же вела себя странно: она быстро шепнула Гарри на ухо, что Роуэн уезжает, и в ту же секунду сбежала, оставив ребят вдвоём. Гарри даже не успел спросить, откуда она узнала эту информацию, но, право слово, это было наименьшей странностью Уэнсдей.

— Она сбежала, да? — улыбаясь, но немного грустно спросил Юджин.

— Вернётся. Мне кажется, ты ей понравился, — решил поддержать нового знакомого Гарри, который после его слов засиял, как начищенная монетка.

— Тогда займёмся пчёлами! — уже куда более весело воскликнул мальчик, потому что парнем Юджина язык назвать не поворачивался.

Гарри смог пересечься с Уэнсдей только через час. Девушка выглядела чрезвычайно задумчиво и недовольно, то есть — как и всегда. Делиться подробностями своего разговора она не хотела, но всё же под напором Гарри сдалась. Оказалось, что толком им с Роуэном поговорить не удалось, зато откуда-то Аддамс точно была уверена в том, что телепат никуда с вокзала не уехал, в поезд не сел, да и вообще всё это очень странно.

К тому же она притащила к Гарри и Юджину на пасеку Инид. Оборотень выглядела нервно, скорее всего, из-за близости насекомых, и брезгливо бросала взгляды по сторонам.

— Подытоживая, ты хочешь пойти в лес поискать доказательства того, что Роуэн мёртв? — Гарри смотрел на Уэнсдей достаточно скептическим взглядом.

— Да.

— И тебя не смущает, что битых три часа полицейские обыскивали весь лес, но так ничего и не нашли? — проговорил Гарри.

Его слова поддержала Инид, закивав так яростно, что казалось, с неё сейчас слетит не только антипчелиная шапка, но и голова.

— Нет. — Уэнсдей развернулась, чтобы уйти.

— С собаками, — уже прямо источая скепсис к её затее, добавил Гарри.

— Они могли что-то упустить, — безразлично пожала плечами Аддамс, уходя в сторону леса.

Гарри только махнул рукой. Переубедить в чём-то Уэнсдей было совершенно невозможно.

— Как ты думаешь, у меня есть шанс с Инид? — Юджин был на своей волне. Он поглядывал на Инид, которая задумчиво водила пальцем по банкам с мёдом, стирая с них слой пыли.

— Вряд ли, — честно ответил Гарри, положив руку на плечо пасечника. Оттингер грустно кивнул, признавая его правоту.

Следующие два часа, пока Уэнсдей шлялась по месту предполагаемой гибели Роуэна, а Инид вместо неё слушала бесконечный поток фактов о пчёлах, Гарри выполнял роль «защитника». Ребята запрягли его держать дымарь и иногда активно им размахивать, отгоняя раздраженных пчёл подальше от него или Синклер. Причём, как подметил Гарри, к Юджину насекомые относились очень терпимо: за то время, пока они досаждали пчёлам, ни одна из них не предприняла попытки напасть на мальчика. Зато Инид они невзлюбили со страшной силой, отчего Гарри постоянно приходилось торчать возле неё и махать чёртовым дымарём, как палкой в каком-нибудь кунг-фу.

Но всё подходит к концу, даже, казалось бы, неисчерпаемый запас фактов и историй о пчёлах в исполнении Юджина. Это же заметила и Инид... Гарри так и не понял, приняла ли Синклер бубнёж Оттингера как вызов или решила отомстить, но теперь уже она напоминала пулемёт из сплетен.

В какой-то момент Гарри поймал себя на мысли, что сходит с ума. Возможно, он попал в циклический ад, где с одной стороны его атаковали пчелиные истории, а с другой сплетни об учениках Невермора и жалобы на какого-то тугодума, что не понимал намёков. И когда к Гарри на ум начали приходиться крамольные мысли, например, разбить чёртов дымарь о голову своих собеседников, словно рыцарь на белом (в её случае чёрном) коне прибыла неподражаемая Уэнсдей, которая в руке несла очки Роуэна. Кажется, они до сих пор были в крови — уже засохшей, но всё же.

Они вчетвером собрались в сарае. Уэнсдей кинула очки на стол, чтобы все, кто хотел, могли ими полюбоваться.

— Это то, о чём я думаю? — Синклер нервно поглядывала на очки мёртвого Роуэна.

— Да, — Аддамс совсем не сдерживалась и победно смотрела на Инид, — он мёртв. А это значит, что я не схожу с ума.

— Тогда вопрос другой: кто был под личиной Роуэна? — категорично спросил Гарри, мало обращая внимания на значимую улику. Он, в отличие от Уэнсдей, в своём рассудке не сомневался.

— Вопрос на миллион долларов, — приподняв верхнюю губу, задумчиво кивал Юджин, который меньше всех остальных разбирался в ситуации.

Планы на вечер у Гарри были, но для них был необходим Ксавьер.

Он подозревал именно художника; отчего-то его интуиция буквально вопила, что Торп как-то замешан в том, что происходило в школе. Парень неровно дышал к Уэнсдей, а его силы, как изгой, были мало понятны. Вполне возможно, что он нарисовал монстра и выпустил тогда, во время ярмарки, чтобы защитить Аддамс. С другой стороны, это не объясняло убийств туристов и жителей Джерико — зачем подобное делать Ксавьеру? Просто

так? Потому что он псих? Гарри не был в чём-то уверен наверняка, но ему было необходимо проверить свою теорию.

После ужина Гарри незаметно следил за Торпом. Он точно знал, что Ксавьер принимал душ после каждой своей пробежки, а бегал он по утрам и вечерам. Гарри не зря просидел перед башней почти час, дожидаясь, когда прибежит художник, и выждал момент, в который тот зайдёт в свою комнату, а после просто встал рядом с дверью, подслушивая, что там происходило. Как и ожидалось, Торп отчётливо хлопнул дверью в ванную. Гарри очень не хотелось доставать палочку и применять «Alohomora», но делать этого не пришлось: Ксавьер не запер дверь.

— Что я делаю? — прошептал себе под нос Гарри, проникая внутрь.

Комната Ксавьера и Роуэна ничем особым не отличалась от комнаты Гарри и Кента. Разве что часть, где жил телепат, сейчас была пуста, а на стороне Торпа не висели плакаты с футболистами, а вот стол был завален различной макулатурой и учебниками.

Гарри быстрым шагом пересёк комнату. Он аккуратно, стараясь не двигать ничего, стал шерстить скетчбуки, блокноты и альбомы в поисках рисунка монстра. Тогда, в лесу, было темно, и он не успел досконально запомнить, как выглядело чудовище, но Гарри был уверен, что точно сможет его распознать. Однако ничего компрометирующего не обнаружилось. Ксавьер рисовал много и весьма неплохо, чего только у него не было: портреты (среди которых было несколько с изображением младшей Аддамс), живопись, натюрморты, но превалировали рисунки животных и насекомых, преимущественно хищных.

Гарри замер, не успев перейти к тумбочке под столом; за окном отчётливо что-то зашуршало, а также послышались тихие шаги. Гарри, не издав ни звука, юркнул под кровать Ксавьера, прячась от неизвестного гостя. Кто-то бесшумно открыл окно, а затем забрался внутрь комнаты, мягко ступив на пол. Гарри с удивлением рассматривал явно женские чёрно-белые кроссовки с массивной подошвой, что-то они ему напоминали.

Неизвестная девушка, как и Гарри до этого, быстро пробежалась по рисункам Ксавьера, но почти не задержалась возле них, а сразу перешла на сторону, где жил Роуэн. Она выключила лампы в комнате, а затем Гарри заметил свет фонарика, правда, какого-то странного.

Пока Гарри размышлял, что это она делает, неизвестная наклонилась и стала светить под кровать телепата. Показались две чёрные косички, и он разглядел Уэнсдей. Ну конечно! Гарри едва не ударил себя ладонью по лбу — кто ещё из его знакомых ходит в обуви на массивной подошве, чтобы казаться выше? Только она!

Между тем Аддамс что-то нашла. Она приподняла половицу и достала оттуда маску, кажется, бронзовую. Очень знакомую Гарри маску. Уэнсдей едва слышно хмыкнула и поднялась с пола, так и не заметив знакомого под соседней кроватью. Пока Гарри раздумывал над тем, вылезать ли ему или дожждаться пока она уйдёт, Аддамс сделала несколько шагов к окну, но замерла перед столом Ксавьера. В этот же момент в комнату постучались, послышались шаги в ванной комнате. Торп собирался выйти и встретить своего гостя.

Уэнсдей не оставалось ничего иного, и она быстро залезла под ближайшую кровать — прямо к Гарри, столкнувшись с ним лицом к лицу. Они смотрели друг на друга добрую секунду, а когда она прошла, то Аддамс с силой ударила его бёдрами, заставляя подвинуться. По итогу Гарри пришлось лечь на бок, чтобы Уэнсдей могла поместиться — слишком уж кровать была узкой.

Аддамс смотрела на Гарри страшными глазами, буквально метая молнии от удивления и недовольства; её рука сжимала его предплечье, а бронзовая маска неприятно колола в грудь. Он не понимал, чем она может быть недовольна, ведь сама залезла в чужую комнату.

Между тем Ксавьер уже открывал дверь, за которой стояла Бьянка. Гарри даже не удивился, что её пропустили на территорию мужского общежития, зная, как тут следят за студентами.

Для Торпа тоже не стало неожиданностью появление Барклай в своей комнате. Они прошли внутрь, обсуждая что-то не слишком важное. Как заметил Гарри, красавица была одета по-спортивному и, в отличие от Уэнсдей, носила вполне лёгкие и удобные кеды.

Ксавьер облокотился о свою кровать, та с угрозой скрипнула, Бьянка же сделала то же самое, но с кроватью Роуэна. Они обсуждали Уэнсдей и симпатию Ксавьера к ней. Гарри с удивлением узнал, что эти двое встречались ранее и расстались из-за чар сирены.

Как показалось Гарри, известия, что девушка нравится Торпу, Аддамс не впечатлили. По крайней мере, выражение её лица совершенно не изменилось, зато он обратил внимание на другой факт. Одна рука Уэнсдей лежала под её щекой, не позволяя голове прикоснуться к полу, а второй та держала маску, упирая её в грудь Гарри, но кто тогда держал его предплечье?

Он медленно перевёл непонимающий взгляд вниз, натываясь на руку. Отдельную мужскую руку, всю в старых шрамах, которая немного шевелила пальцами. Гарри раскрыл было рот, то ли чтобы громко возмутиться, то ли заорать, но его быстро заткнула узкая ладонь Уэнсдей. Собственно, Гарри орать не собирался. Он очень быстро взял себя в руки и теперь глазами метал молнии в сторону Аддамс.

Он слегка поводит головой, и Уэнсдей убрала свою руку, снова прислушиваясь к диалогу. Ксавьер и Бьянка обсуждали завтрашнюю игру, и чернокожая красавица была уверена в своей победе.

Спустя пару минут они наконец-то прекратили разговаривать и разошлись в разные стороны: Бьянка за дверь, Ксавьер в ванную.

Уэнсдей и Гарри всё так же молча выбрались из-под кровати, по дороге стряхивая пыль, а затем вышли через окно на крышу. Рука вылезла последней и аккуратно закрыла за собой их импровизированный вход.

Гарри пошёл за Уэнсдей, потому что не был уверен, что Бьянка действительно ушла из Чёрной башни, а не стояла под дверью у Ксавьера и что-нибудь обдумывала.

Они спустились на землю при помощи водосточной трубы. Учтывая, насколько ловко это проделала Аддамс, Гарри почти на сто процентов был уверен, что она в этом большой спец. Наконец они могли спокойно поговорить, но, естественно, это не могло пройти гладко.

— Что это? — Гарри указал на руку, которая спокойно сидела на плече девушки.

— Что ты делал у Ксавьера в комнате? — вопросом на вопрос ответила Уэнсдей. Но в этот раз Гарри не собирался сдаваться и упрямо молчал, ожидая, когда она начнёт говорить. Спустя примерно минуту тяжёлой тишины Аддамс всё-таки не выдержала первой: — Егс зовут Вещь. Он мой помощник.

— Человеческая рука? — Гарри с сомнением ещё раз уже более внимательно осмотрел Вещь, в ответ получив что-то вроде приветствия — махание двух пальцев.

— А ты бы предпочёл ногу?

— Ладно... — Гарри выдохнул, — я думал, что монстр, возможно, — Гарри

интонационно выделил это слово, — Ксавьер.

— Почему? — поинтересовалась Уэнсдей.

— Ну, он влюбился в тебя...

— И только из-за этого?

— Не перебивай, — нахмурился Гарри, — ещё я не очень понимаю его способности, может, это он нарисовал чудовище.

— Это невозможно, — отмахнулась девушка. — Нарисовать и воплотить в жизнь? Нет. Но этот монстр может быть не талантом Художника в муках, а кем-то ещё...

— Типа оборотня?

— Да.

— В любом случае такую маску, — Гарри указал на предмет в руках Аддамс, — я уже видел.

— Где? — Уэнсдей аж дёрнулась — настолько ей было интересно услышать ответ.

— Кент. У него такая есть. Он пару раз слишком плохо её спрятал среди своих вещей, так что я заметил, — поделился Гарри.

Аддамс что-то обдумывала, осматривая свой трофей.

— На рисунке, что мне достался от мёртвого Роуэна, я нашла водяной знак. — Уэнсдей передала маску Вещи, который двумя пальцами подхватил её, остальными придерживаясь на плече, чтобы не упасть. Она, вытащив из кармана бумажку, развернула её и показала Гарри. Он приблизился и благодаря свету действительно различил какой-то рисунок. — Это символ сообщества Белладонны.

— Тайных сообществ ещё не хватало, — пробурчал Гарри. Ему и Пожирателей Смерти достаточно.

— Их распустили примерно тридцать лет назад, — пожала плечами Уэнсдей, — это всё, что я знаю.

— Спасибо, что рассказала. Не ожидал, — вполне искренне поблагодарил Гарри.

— Откровенность за откровенность.

Аддамс в своём стиле развернулась и, не прощаясь, бодро пошла в сторону женского общежития. Глядя на это, Гарри фыркнул, пнул небольшой камешек под ногами и пошёл к окну в свою комнату, молясь, чтобы Кент не играл в свои игры, иначе ждать, пока тот услышит его стук в окно, можно будет часами.

Следующее утро не принесло Гарри ничего хорошего, хотя начиналось вполне себе неплохо: не было ни плохой погоды, ни мрачного настроения. С тех пор как он взялся за освоение окклюменции, видения стали приходить всё реже и были не такими чёткими, а также боль в голове утихла и общее самочувствие потихоньку улучшалось.

Первое, что Гарри увидел, войдя в столовую, — это сочувствующий взгляд голубых глаз Инид, направленный прямо на него. Девушка заёрзала на скамье, сжимая одной рукой смартфон, а другой ложку. Гарри её взгляд совсем не понравился. Его губы напряглись, превращаясь в узкую линию, а взгляд посмурнел. Что-то явно шло не так, как обычно. Он быстро пересёк расстояние до стола, где расположилась Инид вместе с Уэнсдей.

Упав на соседнее место рядом с оборотнем, Гарри повернулся к ней, ожидая пояснений.

— Ты ещё не знаешь, да? — вместо приветствия спросила Инид.

— Не знаю чего? — вопросом на вопрос ответил Гарри, внутренне готовясь к неприятным новостям.

— Мне очень-очень жаль, — прокомментировала Синклер, передавая свой телефон парню. — Это огромная трагедия.

Гарри неловко подхватил довольно большой смартфон, совсем неуверенно сжимая его в руке. На экране светилась статья с громким заголовком:

«За ночь в Британии и Шотландии прогремело семь взрывов»

Гарри нахмурился и прикусил нижнюю губу, быстро пробегаясь глазами по тексту.

«На нынешний момент известно: 195 человек погибло, 231 ранены, более 100 объявлены пропавшими без вести. Всё ещё ведутся спасательные работы.

Три взрыва прогремели в районе трёх утра в Лондоне. Улица Wirzard уничтожена полностью, пострадали многочисленные магазины и бары, взорваны два моста: Millennium и Albert, а также дорожная развязка в Лидсе. На центральной площади Годриковой впадины — деревни на юго-западе Англии — был взорван памятник солдатам Второй мировой войны. Обошлось без жертв.

Два взрыва произошло в Даффтауне — небольшом городе Шотландии. Погибло 45 человек, 59 раненых, 14 пропавших без вести.

На данный момент никакая террористическая организация не взяла на себя ответственность за эти теракты.

Три дня, начиная с сегодняшнего, объявлены в Англии и Шотландии траурными.

Более 10000 британских военнослужащих подняты по тревоге.

Чтобы посмотреть речь премьер-министра Англии, перейдите по ссыл...»

Гарри изменился в лице, даже его зелёные глаза потемнели, и он аккуратно положил телефон на стол, затем зашипел что-то явно неприятное и замолчал. Инид пододвинула свой смартфон к себе, не решаясь что-то сказать. Она наблюдала, как побледневший Гарри вцепился в стол двумя руками, до хруста в пальцах сжимая его край.

Уэнсдей, которая в целом не отличалась какой-то политкорректностью или чувством такта, тоже молчала, хотя на её языке вертелось несколько фраз, например: «В Африке каждый год совершаются тысячи терактов, но всем плевать, а стоит чему-то такому произойти в Америке, Европе или Англии, — все тут же начинают переживать». Но девушка благоразумно промолчала, не желая начинать бесполезный конфликт.

Ничего не говоря, Гарри встал из-за стола, подхватил свой рюкзак и быстрым шагом направился на выход. Он не смотрел по сторонам, понимая, что на него сейчас смотрят все.

Через пару минут Гарри уже углублялся в коридоры академии. Из-за Кубка По, проводимого сегодня, большинство учеников и преподавателей находилось возле реки, другая часть завтракала, поэтому натолкнуться на кого-то он не боялся.

Ноги сами привели Гарри к статуе Эдгара Аллана По, которая находилась на достаточно удалённом расстоянии от столовой и от выхода к реке. Он со вздохом присел рядом со статуей на железный постамент и, вытащив из кармана зеркальце, позвал Сириуса.

Крёстный не ответил, в отражении был лишь сам Гарри. Он ещё несколько раз позвал Бродягу, но снова ничего не вышло — Сириус не отвечал. Гарри едва сдержался, чтобы не разбить зеркало о ближайшую стену. Шрам стал неприятно пульсировать, а в висках начала биться кровь. Он откинулся назад, прижимаясь затылком к холодному железу статуи, и глаза наткнулись на знакомый рисунок, изображённый на задней поверхности книги, которую в руках держал знаменитый писатель. Точно такой же рисунок ему показала Уэнсдей вчера вечером: человеческий череп на фоне раскрытого цветка.

— Белладонна... — прошептал себе под нос Гарри, но его неожиданно окликнули.

— Чего расселся, Гарри?

Это была Бьянка. Девушка уже приготовилась к предстоящему соревнованию, закончив свой боевой раскрас. Жёлтые тени, видимо, должны были подчёркивать цвет костюма, в который она ещё не успела переодеться. Вряд ли, подумалось Гарри, Барклай слышала о терактах в Англии: слишком занята та была сегодняшним соревнованием.

— Да вот, отдыхаю.

Гарри попытался улыбнуться как можно менее вымученно, и у него это даже получилось. Бьянка с сомнением оглядела сидевшего на постаменте и державшего в руках небольшое зеркальце Гарри, а затем недоверчиво хмыкнула.

— Не участвуешь в Кубке По? — поинтересовалась девушка, заглядывая в его зелёные глаза.

— Нет, — отрицательно помотал головой Гарри.

— Вроде Роуэн же вылетел... — Барклай приложила палец к накрашенным чёрной помадой губам.

— Меня никто не приглашал, — равнодушно отозвался Гарри.

— Не приглашал, говоришь? — Бьянка неожиданно ухмыльнулась. Она стрельнула глазами в статую за спиной Гарри. — Приглашал... — вновь повторила она, а затем выдала что-то неожиданное: — Эдгар Аллан По любил загадки.

— И что это значит? — недовольно спросил Гарри, хмурясь.

— А ты подумай, — рассмеялась девушка, а потом махнула ему на прощание рукой и скрылась за поворотом.

— Подумай, — эхом отозвался он и снова кинул взгляд наверх, осматривая символ.

Гарри забрался на постамент, заглядывая в раскрытую каменную книгу, и наткнулся на бессмысленные, шедшие в ряд строки. Он попытался хоть что-то понять в мешанине слов, но ничего не получалось. Новость о теракте в Англии всё никак не хотела уходить из его головы.

— Что бы сказала Гермиона? — Гарри представил свою подругу, которая сейчас должна была находиться в Хогвартсе. Именно ей он оставил Хедвиг, зная, что Гермиона позаботится о сове.

«То, что произошло в Англии — ужасно, но ты ничего с этим сделать не можешь. Так что стоит сосредоточиться на том, что происходит вокруг», — наверное, так сказала бы самая умная ученица Хогвартса.

— Эдгар Аллан По любил загадки, — продекламировал он, водя пальцем по строкам. Гарри уже не в первый раз слышал эту фразу: сначала от директора Уимс, теперь от Бьянки.

Гарри достал из рюкзака блокнот с ручкой и попытался составить слово из первых букв каждой строки, но получилась ерунда.

— Конечно, всё не может быть так просто. — Он вздохнул, пытаясь отвлечься от мыслей о родной стране. — Это загадка для школьников, она не может быть очень сложной...

Гарри ещё несколько раз полностью перечитал то, что записал в блокнот. Общий смысл едва ли угадывался, каждая строка словно была вырвана откуда-то, да и в целом общее содержание не вязалось между собой.

— Тогда это не одна загадка, а множество, — прошептал себе под нос Гарри, медленно следуя к пристани, откуда уже можно было расслышать шум от собравшихся людей.

На новой странице блокнота он потихоньку начал выписывать то, что смог разгадать. Получилось так:

«Противоположность ночи — день;

Самосевный цветок — ...;

За два месяца до июня — апрель;

Кислое растение — ...;

Животное-прачка — ...;

Он тает на солнце — лёд;

Чай и специя — ...;

Без начала и конца — круг;

Неоспоримый постулат — аксиома»

Гарри был даже доволен собой, не унывая из-за того, что большинство загадок остались без ответа. Он не очень хорошо разбирался в ботанике, на которой споткнулся. «Животное-прачка» вертелось на языке, но Гарри так и не смог поймать слово.

Раздался громкий выстрел, от которого он вздрогнул. Оказалось, Гарри уже подошёл к причалу и остановился позади толпы. Директор Уимс держала револьвер на вытянутой руке, а значит, веселье началось. Толпа заволновалась, послышались крики в поддержку команд, вверх вздымались флаги, несколько учеников громко свистели.

Гарри был не очень интересен Кубок По как соревнование. Несколько месяцев назад он лично сражался с Венгерской хвосторогой, а затем с кучей русалок на дне Чёрного озера, поэтому здешняя битва на каноэ его не могла впечатлить. Но вся эта ситуация заставила всплыть не самые лучшие воспоминания. Например, о том, как Дамблдор погиб, спасая его от возрождённого Волдеморта; о том, как разорвали контракт с Кубком огня для всех участников, а также последовавшим за этим огромном политическом скандале; о мытарстве по множеству кабинетов в Министерстве магии и допросах. О том, как Сириусу пришлось выкрасть его из застенков Фаджа, а затем последовало недельное бегство с десятком аппаратов в день. Тогда казалось, что все авроры Британии гонятся за ними.

— Привет, — поприветствовал Юджин стоящего рядом Гарри, тем самым вырывая его из мыслей.

Низкий мальчик не мог видеть, как каноэ уплывали по реке всё дальше, но его это не

расстраивало, судя по улыбке.

— Привет. — Гарри пожал протянутую пухлую рук.

— Ни черта не видно, — пожаловался Оттингер.

Каким образом можно было поддержать низкорослого приятеля, Гарри не знал, так что просто задал интересовавший его вопрос, не особо надеясь на ответ:

— Какое животное могут называть «прачкой»?

— Кенгуру, — серьёзно закивал Юджин. Гарри недовольно вздохнул. — А что? Ты не знаешь? Кенгуру, вообще-то, очень любят топить своих врагов в реках. У них мощные как и руки, так и ноги, — азартно улыбался паренёк, — намного сильнее, чем у тебя или у меня. Окажешься в Австралии — берегись!

— Сомневаюсь, что они стирают, а прачка это про то, чтобы стирать одежду.

— Тогда енот, — скучающе ответил Юджин, — они же всё подряд в воду тащат...

— Точно! Енот! Как же я сам не додумался! — Гарри хлопнул своего товарища по плечу. — Спасибо!

— Да не за что.

— А какие самосевные цветы ты знаешь?

— Да их целая куча! — Юджин развёл руками. — А нельзя ли как-то сузить поисковой запрос? — Оттингер улыбнулся, на что Гарри в отрицании покачал головой. — Алиссум, календула, космея, васильки, портулак... мне продолжать?

— Нет. — Гарри покрутил в руках ручку. — Про кислые растения тоже спрашивать не надо, да?

— Они все кислые. Попробуй траву на вкус, — иронично посоветовал пчеловод, — этот вопрос ещё хуже предыдущего, там хотя бы цветы...

— Тогда последнее: «И чай и специя».

Это заставило Юджина задуматься на добрую минуту.

— Честно говоря, — неуверенно начал Оттингер, — я не очень хорош в специях и чае, мне больше нравятся медоносные пчёлы и цветы, так что на ум приходит только чабрец. — Заметив непонимание в глазах Гарри, Юджину пришлось дополнительно пояснить: — Так называют тимьян. И приправа и чай. У него много названий, но это — самые распространённые.

Гарри кивнул и начал расписывать то, что получилось:

«Д...а...елчка»

— Плынут!

— Смотрите!

Толпа перед ними заволновалась, слышались возгласы, а директор Уимс объявила, что в финале две команды: «Золотые жуки» и «Чёрные коты». Ребята в толпе стали размахивать своими флагами, поддерживая команды, хотя многие были расстроены, что их фавориты так до финала и не добрались.

Гарри на всё это внимания не обращал, медленно читая то, что у них с Юджином получилось. Оттингер подпрыгивал на месте, пытаясь из-за спин более рослых учеников увидеть то, что происходило на воде.

Гарри закусил нижнюю губу. Ему что-то приходило на ум, но он никак не мог ухватить мысль за хвост. Тогда он разделил буквы на слова, несколько раз меняя вариации, пока в голове не зажглась лампочка.

— Юджин, какое есть кислое растение на букву «щ»? — Гарри повернулся. В его глазах

мерцали искры азарта.

— Щавель, — быстро отозвался Оттингер, даже не повернувшись.

Гарри дописал букву, уже полностью уверенный в своей правоте.

— Самосевный цветок на букву «в»?

— Василёк.

«Дващелчка»

— Два щелчка, — прочитал вслух Гарри, но его никто не слышал.

Люди кричали приветствия и поздравления для команды-победителя. Юджин утянул Гарри в сторону, давая проход бежавшим вперёд девочкам из «Чёрных котов». Неся в руках флаг, впереди мчались Инид и Уэнсдей. Синклер блистала улыбкой, словно выиграла миллион долларов. Она постоянно подпрыгивала на месте, не в силах сдерживать кипящую энергию. Адамс выглядела задумчиво, точнее, более задумчиво, чем обычно, и не стремилась присоединиться к общему веселью. Девушек тут же окружили остальные ученики, которые почти все радовались тому, что наконец-то победила не Бьянка, а кто-то другой. Рядом крутился Юджин, попеременно что-то рассказывая то Уэнсдей, то Инид.

Кто-то положил руку на плечо Гарри. Он обернулся: рядом с ним стояла директор, загораживая собой солнце.

— После награждения не мог бы ты зайти в мой кабинет? — спросила Уимс. Она внимательно разглядывала лицо Гарри, будто стремясь найти на нём что-то такое, чего не видели другие. На секунду она задержала взгляд на шраме в виде молнии.

— Конечно, директор, — согласился Гарри.

Он подозревал, о чём может пойти разговор — только о происшествии в Англии. Ибо Гарри не совершал ничего плохого, не привлекал к себе внимания администрации, учился более-менее прилежно, так что оставалось только одно: теракт на родине.

Под град аплодисментов Уимс вручила кубок сияющей Инид, упомянув, что рада его возвращению в Офелия-холл, в котором она сама когда-то училась. На этом официальная часть была окончена, и директор отошла в сторону, дабы не мешать ученикам праздновать победу. Гарри стоял чуть в стороне, поглядывая на директора, так что легко перехватил её взгляд и, не задерживаясь, подошёл.

Они молчали, пока шли по обезлюдившим коридорам. Тишина была нарушена лишь когда они оказались в директорском кабинете. Гарри присел в кресло напротив стола, рассматривая чучела ворон.

На этот раз кабинет был хорошо освещён: из окон лился солнечный свет, а камин в виде головы горгоны мягко мерцал всполохами огня. Уимс села на своё место.

— Гарри, то, что произошло в Англии сегодняшней ночью, — ужасно.

По серьёзному лицу директора сложно было сказать, что она чувствует на самом деле. Не выдержав, Гарри хмыкнул. Уимс снисходительно не обратила на это внимания.

— Возможно, тебе стоит сходить к психологу и выговориться?

— Со мной всё нормально! — возмущённо отозвался Гарри.

— Нам всем иногда необходимо поговорить с кем-то.

— Я не собираюсь резать вены или лезть на стены, — фыркнул он, поджимая губы.

— С твоими родными или друзьями всё хорошо? Ты связывался с ними? — участливо

спросила Уимс.

Этот вопрос больно уколол Гарри. У него не было ни одной возможности хоть как-то узнать, пострадал ли кто-то в этих нападениях и всё ли хорошо с Хогвартсом, с Роном и Гермионой, с семьёй Уизли. Да, он сейчас рад бы был услышать, что с Дурслеями всё нормально. Но не мог. Единственной ниточкой в Англию был Сириус, но тот не отвечал.

— Да, связывался, с ними всё в порядке, — как можно уверенной ответил Гарри.

— Насколько мне известно, у тебя нет телефона или ноутбука. Каким же образом ты с ними поддерживаешь связь? — Уимс прищурилась.

— Телепатически, — процедил Гарри, едва удерживаясь, чтобы не рывкнуть. — Попросил у соседа по комнате позвонить.

— Я тебе не враг, Гарри, — неожиданно тепло сказала Уимс, откидываясь на спинку кресла. — Я, как директор, могу вынудить тебя ходить к специалисту, — она нахмурилась, не давая ему вставить слово, — но не буду. Я бы хотела, чтобы ты понял: в Неверморе мы помогаем друг другу вне зависимости от того, кем являемся.

— Я понимаю, директор, — медленно кивнул Гарри. — Я могу идти?

— Ещё один вопрос: ты бы не хотел мне ничего рассказать?

В этом вопросе Гарри подспудно чувствовал не одно дно. Положение её тела, наклон головы, пронизательный взгляд, лёгкая полуулыбка на губах директора, — всё это непостижимым образом отзывалось в его голове простой мыслью, что она что-то знает или о чём-то подозревает.

— Нет, директор Уимс.

— Тогда вы свободны, мистер Блэк.

Гарри бросил на неё последний странный взгляд и вышел из кабинета, рассуждая, о чём могла догадаться директор. Он пытался заставить себя думать о чём угодно, лишь бы не об Англии и ночном происшествии.

Вскоре его мысли перескочили на статую Эдгара Аллана По, но, подходя к ней, Гарри понимал, что ни сейчас, ни позже проверить «два щелчка» не получится: слишком много вокруг было людей. Ученики разбрелись по школе, и особенно много их собралось во дворе, где была и обнимавшаяся с кубком Инид. А ещё был Кент. Подбитый Кент, прижимавший к распухшему синяку под глазом пакет со льдом. На все вопросы Гарри он отмахнулся, сказав, что упал, когда спускался по лестнице. Каким образом можно было упасть так, чтобы у тебя остался ровненький синяк, как от удара, Гарри понять не смог, но Кент явно что-то недоговаривал, бросая недовольные взгляды на мрачную Бьянку, сидевшую в окружении подруг-сирен.

Время до вечера Гарри коротал за своими ежедневными делами, которые уже были ему как кость в горле. Практика телекинеза и чтение учебника по окклюменции были очень скучными вещами, но необходимыми и позволяющими не думать ни о чём другом. Несколько раз Гарри срывался, прятался от взглядов других людей и пытался дозваться до Сириуса, но ответа всё так же не было.

Он решил, что проберётся к статуе Эдгара ночью, после отбоя. По опыту Гарри уже знал, когда лучше всего выходить из комнаты, чтобы не попасть на учителей, так что он решил подождать полчаса. Однако его опередил Кент. Соседу стали массово слать сообщения на телефон, отчего аппарат буквально разрывался на столе, не давая сирене поиграть в игры. Зато, когда Кент всё же взглянул, кто ему пишет, — быстро выключил ноутбук и сорвался с места, практически не пытаясь спрятать бронзовую маску.

Гарри, пытаясь не показываться на свету, шёл за приятелем. Они миновали несколько коридоров и четырёхугольный двор, следуя точно к закутку со статуей писателя. Ему пришлось притормозить в одном из коридоров, спрятавшись в нише, дабы Кент, встретившийся со своими приятелями, не заметил его. О чём говорили несколько подростков, Гарри не слышал. Те стояли слишком далеко, да и переговаривались шёпотом.

Через минуту ребята скрылись за поворотом, ведущим к тупику со статуей. Гарри выждал несколько минут и аккуратно заглянул за угол, но там уже никого не было — они просто исчезли, но уходить тут было некуда. Он глубоко вздохнул и, не таясь, встал напротив Эдгара Аллана По. Вскинув одну руку, Гарри два раза щёлкнул пальцами, издавая сухие, чёткие звуки.

Крылья ворона на правой руке Эдгара Аллана По опустились, рука прижалась к животу, и статуя стала быстро отъезжать назад под тихий шум механизма, который давно не смазывали.

Гарри вступил в открывшийся проход и прислушался: снизу шёл звук чьих-то голосов. Туда же вела широкая лестница. Он сделал несколько шагов вперёд.

— Я высвободилась пять минут назад, — отчётливо прозвучал девичий голос.

Гарри быстро зашагал по лестнице вниз, сжимая палочку в кармане штанов, но всё оказалось немного не тем, что он ожидал увидеть.

На полу в центре большой комнаты был изображён символ сообщества «Белладонна», вокруг него полукругом стояли ученики, причём знакомые Гарри. Тут была и Бьянка, и Ксавьер, даже Аякс с Йоко. Каждый из них был облачён в фиолетовую мантию и маску, впрочем, последние уже были сняты, не скрывая лиц.

Длинные стеллажи с книгами, множество портретов на стенах, резные столики и стулья, молочный свет луны, — всё это создавало неповторимый шарм.

— Хочешь получить ещё один синяк? — равнодушно спросила Аддамс у перегородившего ей дорогу к выходу Кента. Тот нехотя отошёл в сторону, бросая взгляд на лестницу, на которой стоял Гарри.

— А ты как сюда попал? — изумлённо спросил Кент.

— Разгадал загадку.

Ребята из общества переглянулись. Ксавьер прикрыл глаза рукой. Аякс недоумённо переводил взгляд то на Уэнсдей, которая поднималась по лестнице, то на Гарри. Бьянка недовольно упёрла руки в бока. Её позу зеркально повторяла Йоко.

— Что у нас за тайное элитное общество такое, если сюда может проникнуть любой желающий?! — выразила общее мнение вампирша.

— Вы позорите ремесло похитителей! — поравнявшись с Гарри, достаточно экспрессивно заявила Уэнсдей ребятам снизу. Кажется, она действительно была разочарована. — Здесь ничего полезного, — девушка перевела взгляд на Гарри, — всего лишь кучка идиотов, играющих в тайные общества.

Не медля ни секунды и не обращая внимания на недовольный возглас Бьянки «кто это тут идиот?!», Аддамс ушла. И теперь Гарри чувствовал себя неуютно под прицелом нескольких пар глаз.

— Только не говори мне, что ты тоже откажешься принять приглашение в «Белладонну»? — как-то даже жалобно спросила Бьянка.

— Извините, — Гарри развёл руками, — хватит с меня тайных обществ.

Он тоже пошёл на выход вслед за Уэнсдей. Сзади донёсся последний возглас, конечно

же, от Кента: «Кто-нибудь объяснит мне, что ещё за загадка?»

Идя по коридорам школы, Гарри думал, зачем кто-то создаёт тайные ложи и общества — для чего? Показать свою исключительность? Обсуждать запретные темы? Для чего существовало общество «Белладонна»?

Поток его мыслей прервал тихий голос Сириуса, раздавшийся из внутреннего кармана куртки — там как раз лежало связанное зеркало. Гарри быстро его достал, оттуда смотрел Бродяга. Шепнув «подожди» и воровато оглянувшись вокруг, Гарри быстрым шагом вышел из школы за внешнюю стену, немного углубившись в лес. Лишь скрывшись за рядом деревьев, он наконец остановился и присел на пенёк, заглядывая в зеркало.

— Как ты, парень? — спросил Сириус, рассматривая своего крестника.

Бродяга выглядел ещё хуже, чем во время их предыдущего созвона: черты его лица заострились, щёки впали, глаза мерцали чуть утихшим адреналиновым огнём, губы были искусаны, а лицо покрывала недельная щетина, грозившая в скором времени превратиться в бороду.

— Ты слышал, что произошло в Англии? — вместо ответа спросил Гарри. Сейчас он вряд ли мог думать о чём-то другом.

— Да, — Сириус кивнул, — я надеюсь, ты не считаешь себя виноватым в этом?

— Нет, — Гарри вздохнул, — даже если бы я был там — вряд ли это что-то изменило бы.

— Хорошо, — устало выдыхая, сказал Сириус и пристально взглянул на него. Бродяга явно готовился к другому разговору. — Я рад, что мой крестник больше не винит себя во всех бедах человечества.

— Что там произошло? — Гарри закусил губу. Он действительно себя не винил, однако переживать от этого меньше не стал.

— Он произошёл, — просто ответил Сириус. — Насколько мне известно, напали на Азкабан, а все эти взрывы по двум странам — не больше, чем отвлекающий манёвр. Чуть ли не всё Министерство было задействовано для урегулирования скандала. До сих пор сотни магов накладывают конфундусы и обливиэйты пачками.

— Он освободил Пожирателей? И ради этого сотни человек погибли? — ужаснулся Гарри.

— Хуже того, Фадж до сих пор отрицает возвращение ты-знаешь-кого.

— Идиот. — Гарри уронил голову на грудь в бессильном гневе на министра магии.

— Пока ты-знаешь-кто лично не придёт к нему на поклон, он не поверит.

— Или его не убьют, — мрачно дополнил Гарри. Бродяга кивнул, соглашаясь.

— Помнишь твоё видение про пытки неизвестного человека? — неожиданно поинтересовался Сириус, взгляд которого был грустным.

— Да, а что? — Гарри наострил уши. Ничего хорошего от ответа крёстного он не ожидал.

— Это... — Бродяга замолчал, а затем отрицательно повёл головой из стороны в сторону, — ничего.

— Что значит «ничего»? Что ты хотел сказать? — Гарри был недоволен таким ответом и не скрывал этого.

— Ничего. — Сириус чуть отвернулся в сторону, уводя взгляд. Гарри прекрасно знал этот почти ребяческий жест крёстного, означающий, что тот ничего не скажет даже под пытками. — Есть более важная информация. Меня находят, Гарри.

— В каком смысле? — Гарри не до конца понял, что имел в виду Бродяга.

— В прямом, — буркнул Сириус, — уже три раза пособники змеемордого меня нашли. Я не понимаю, как. В первый раз в стычке мы уничтожили целый этаж в одной из гостиниц.

— Ничего об этом не слышал.

— Американские обливиэиторы не зря едят свой хлеб, — по-собачьи фыркнул Сириус. — Важно другое — я не понимаю, как меня находят. А это означает...

— Что меня могут найти в любой момент, — закончил за Сириуса Гарри и вытянул вперёд ноги, рассматривая носки своих кроссовок, белый цвет которых мерцал в лунном свете.

— Да. Так что попытайся не привлекать к себе внимания и всегда держать палочку наготове.

— Как и всегда.

— И вот ещё что... В субботу на следующей неделе нам с тобой нужно посетить одно место. Это займёт примерно полдня или что-то вроде того. С Уимс я договарюсь. Она горячая штучка, да? — смазывая последнюю часть разговора, неожиданно оскалился Сириус.

— Что ещё за место? — не давая сбить себя с толку, спросил Гарри. Ему не очень хотелось думать, насколько горяча директор Уимс, учитывая, что она на двадцать лет (или больше) его старше.

— Там принимает один знакомый доктор. Это в Вирджинии. — Гарри с сомнением глянул в глаза крёстного. — Что? Это не маггловский доктор.

— Да понятно, что не маггловский, — фыркнул в ответ Гарри.

— Твой шрам меня беспокоит. Доктора зовут Стефан Шмидт. Да, он немец. И да, он сбежал из Германии. Его там хотят сжечь, — предвосхищая все вопросы, начал сыпать ответами Сириус. — Он тёмный маг, но, насколько мне известно, неплох в медицине.

— Не думаю, что это хорошая идея, Сириус.

— Выбора нет, — крёстный пожал плечами, — твоя связь с ты-знаешь-кем ненормальна. И у Поттеров никогда не было змееустов.

— Если даже Дамблдор не стал ничего делать со шрамом, то вряд ли какой-то немецкий доктор сможет помочь, — произнёс Гарри с сомнением.

— Гарри, Альбус — великий человек и маг. Но он никогда не был святым, — Сириус прищурился. Ему самому было неприятно это говорить, но и сдержаться тот не мог. — Ни когда меня посадили в Азкабан, ни в ситуации с твоими родителями. Он мог умолчать о чём-то, что знал.

— Бред! — жарко воскликнул Гарри. — Он бы не стал так делать, зачем ему это?

— Затем, что мы не знаем всех его мотивов. Мы не знаем, чего он пытался добиться! — Бродяга упрямо сжимал губы, желваки на его лице играли. Судя по его взгляду, этот разговор назревал уже давно.

— О чём ты? — недовольно буркнул Гарри.

— О том, чего ты натерпелся за годы в Хогвартсе, — вот о чём. — Сириус хмурился, чеканя каждое слово.

— Я не понимаю.

Сириус сжал зубы и начал перечислять факты:

— Детская полоса препятствий на первом курсе. Квирелл, носивший в голове Вол... ты-знаешь-кого, — лишь распался Сириус. Было видно, что он давно держал это в себе, а сейчас выговаривался. — Василиск на втором, идиот Локонс преподаватель. А третий?

Сотня дементоров и Ремус? Люпин ведь не хотел становиться преподавателем, Гарри. Дамблдор его упросил. Ремус — мой лучший друг, прекрасный человек, но он оборотень! Даже я понимаю, что ему не место в преподавательском составе. Стоит один раз забыть принять... да ты и сам всё знаешь... От проклятия луны нет исцеления. Если бы Ремус укусил кого-то — он бы себя никогда не простил. — Сириус рвано вдохнул, пытаясь успокоиться. — А в этом учебном году тебя и вовсе выбрали четвёртым участником в Турнире Трёх Волшебников! — Бродяга оборвал себя, а после устало выдохнул, но закончил: — Я бы очень хотел задать несколько вопросов Альбусу, но его больше с нами нет, так что мы будем выкручиваться без хитроумных планов.

— Никогда об этом не думал... — Гарри увёл взгляд в сторону.

— У тебя на это есть неделя. В следующую субботу расскажешь, до чего смог додуматься, — раздражённо буркнул Сириус.

Они замолчали, думая каждый о своём.

— Ты ведь связываешься с миссис Уизли? У неё узнаешь все новости из Англии? — прервав тишину, поинтересовался Гарри, пытаясь увести разговор от неприятной для него темы.

— Да, в основном. Но у Молли своих дел достаточно... так что это происходит не так часто. Друзья передавали тебе привет и что с ними всё в порядке. «Хедвиг вкусно ест, а мы вкусно занимаемся», — процитировал Сириус кого-то, наверняка Гермиону.

— Кто теперь директор Хогвартса? — поинтересовался Гарри.

— Ньюниус, — презрительно выплюнул кличку своего школьного недруга Сириус, — он, конечно, за нас и всё такое, но...

— Понимаю. — Гарри с неприязнью вспомнил своего школьного учителя зелий. Учитывая, что тот стал директором, школу ждали непростые времена. — Это, наверное, всё-таки хорошо, — неуверенно проговорил он, — ты-знаешь-кому меньше повода лезть к школьникам.

— Да ему и так до них дела нет, — махнул рукой Сириус, — когда Дамблдора не стало, Хогвартс стал бесполезен для ублюдка.

Они разговаривали ещё более часа до того, как наконец решили прерваться по инициативе Гарри. Он так и не смог заставить себя рассказать о том, что происходит в Неверморе: ему очень не нравилась идея навешивать лишние проблемы на крёстного.

На обратном пути в академию Гарри рассуждал о будущем визите к немецкому доктору и тайнах Дамблдора, о которых ему совсем не хотелось узнавать.

— Готов?

Сириус ждал рядом с главным входом в Невермор, находясь под коваными воротами и сенью высоких деревьев. Солнце едва пробивалось через пышные верхушки зелёных гигантов. Одет крёстный был просто, но при этом со вкусом, как и принято в Англии: чёрные брюки, блестящие на свету лакированные туфли с острым носком, белая футболка и стильный, явно дорогой пиджак, в данный момент не застёгнутый.

Гарри оделся совсем иначе, чувствуя, что произойдёт нечто плохое: чёрные кроссовки, свободные спортивные штаны, серая футболка и мастерка с капюшоном. Рядом с Сириусом его крестник был похож на какого-то оборванца, ну, или трудного подростка. Впрочем, Гарри волновало в последнюю очередь, что подумают окружающие.

— Готов, — утвердительно кивнул Гарри.

— Гарри, мы идём не драться. Мог и поприличнее что-нибудь надеть. — Сириус осмотрел его наряд многозначительным взглядом.

— У меня плохое предчувствие. — Гарри поёжился и накинул на голову капюшон.

— В последнее время оно другим не бывает, — согласился крёстный.

Более часа назад ребята из Невермора уехали на школьном автобусе напрямик в Джерико на какой-то «День сближения». Как понял Гарри, это что-то вроде дня, когда изгои и нормисы должны проявить свою доброту друг к другу. Так что ученики заступали на волонтерские посты в различные магазинчики. Гарри эта участь миновала благодаря Сириусу, но, как признался он сам себе, лучше приносить кому-нибудь кофе, чем отправляться на встречу с немецким доктором. Зная Невермор, он предполагал, что на празднике обязательно произойдёт что-то эдакое, но теперь у него и свои проблемы появились, так что он старался не думать о чужих.

Сириус оглянулся вокруг, пытаясь найти глазами посторонних. Никого не обнаружив, он положил свою руку на плечо крестника, и они с тихим хлопком исчезли.

Гарри глубоко вдохнул прохладный воздух, ощущая не очень приятные запахи. Проморгавшись, он оглянулся: крёстный переместил их в какую-то подворотню между домами. Они стояли за высокими мусорными баками. Подхваченные ветром, мимо пролетело несколько листов какой-то газеты. Сириус поманил Гарри за собой, и они вышли из-за баков, направившись по переулку вперёд. Бродяга поморщился от неприятного запаха: рядом с мусором лежал бомжеватого вида человек, закутанный в дырявый плед. Гарри не чувствовал вони от мужика, но нюх Сириуса был многократно лучше, чем у него.

— Это штат Вирджиния? — подстраиваясь под длинный шаг Бродяги, спросил Гарри.

— Да, крохотный городок Нортон. Здесь всего пять тысяч человек живёт, не разгуляешься, — ответил Сириус, оглядывая открывшуюся их взору улочку.

Они вышли на тротуар возле дороги. Гарри оглянулся: людей на улицах практически не было, лишь изредка проезжали недорогие машины. Он успел заметить, что весь город окружён холмами, а дома тут встречались небольшие с редкой примесью магазинчиков. Сириус уверенно шёл вперёд, практически не оборачиваясь, зато Гарри временами вертел головой вокруг. Ему ещё не доводилось бывать в таких крохотных городах Америки, если не считать Джерико, но там была своя специфика. А вот в Нортоне, казалось, сам воздух пах по-американски. Частные дома местных жителей почти все были двухэтажные, с зелёными

лужайками перед входом и почтовыми ящиками рядом с тротуаром. Дороги блестели свежей разметкой, а старые кирпичные здания представляли из себя архитектурный американский ансамбль.

Спустя десять минут неспешной ходьбы Сириус привёл их к высокому по местным меркам четырёхэтажному зданию. Оно было старым, на первом этаже располагалась парикмахерская, но Сириус указал Гарри на незаметную дверь рядом, что сливалась со стеной.

— Что-нибудь чувствуешь? — поинтересовался Бродяга.

— Да, — Гарри прислушался к своим ощущениям, — как будто воздух рядом со зданием другой. Насыщенный.

— Это чары. Антиаппарационные, — пояснил Сириус.

Бродяга залез рукой во внутренний карман пиджака и достал небольшой, покрытый царапинами белый предмет. На нём поблескивала красная краска. Гарри пригляделся получше: царапины представляли из себя странный рисунок, чем-то напоминающий руны, которые учила Гермiona, иногда рассказывая о них своим друзьям.

— Это, — Сириус указал на предмет в руке, — кость единорога. На нём руны с моей кровью. — Бродяга кинул костяшку под порог двери. — Если кто-то пройдёт над ней с недобрыми ко мне намерениями — я узнаю.

Говорил Сириус негромко, но всё равно достаточно уверенно; почему-то он не боялся быть подслушанным. Гарри интересовало, откуда у его крёстного подобные вещицы, как кости единорога, но спрашивать об этом он не стал, как и том, почему Сириус использует кровь в рунах, хотя это вроде как запрещено.

Они зашли в дверь и оказались сразу перед лестницей, ведущей наверх. Ничего более внутри не было.

— А почему его в Германии хотят сжечь? — поднимаясь вслед за Бродягой, поинтересовался Гарри.

— Я точно не знаю...

Договорить Сириус не успел — его перебил строгий голос, исходивший сверху. Чёткий немецкий акцент сразу дал понять, кто заговорил.

— За тройное убийство, расхищение могил, использование запрещённых заклинаний, кровавых рун и, конечно же, за экспериментальную медицину. Guten Tag, meine Herren!

Гарри и Сириус остановились на лестничном пролёте третьего этажа, задрав головы вверх. Их встречал сам доктор, представляющий из себя невысокого лысеющего мужчину с цепким взглядом. Медицинский халат не мог спрятать объёмный живот, скрытый за полосатым свитером.

— Guten Tag, Dr. Schmidt, — поприветствовал в ответ Сириус на родном доктору языке.

— Как приятно слышать родную речь, хоть и с английским акцентом. — Шмидт расплылся в широкой улыбке, показывая зубы с жёлтым налётом. — Проходите, господа.

Мужчина посторонился, пропуская их вперёд. Гарри молча пошёл за Сириусом, и они оказались в очень длинном коридоре. Многочисленные двери шли по обе стороны, но все они были закрыты, кроме двух в конце коридора. Доктор подгонял их сзади, указывая на самую последнюю. Подходя к ней, Гарри успел заглянуть в ещё одну, но там оказалась всего лишь крохотная кухня, не более.

Зато помещение, в которое они с Сириусом попали, навевало не очень приятные ощущения посещения стоматолога. Белые потолки, стены, пол; висящий в воздухе запах

каких-то лекарств, обшарпанные стулья, деревянная кушетка, две раковины и прикрытое простыней с бурыми пятнами кресло, похожее на гинекологическое, — всё это не вызывало у Гарри доверия. А ещё тут было холодно — как будто они вдруг оказались в холодильнике.

— Для меня честь приветствовать у себя на приёме представителя Блэков, — высокопарно начал говорить доктор. Кажется, он любил театральность. Шмидт отвесил небольшой поклон Сириусу, а после обратил взор уже на самого Гарри. — А поработать с мальчиком, который выжил... невероятная возможность!

Гарри неприязненно взглянул на доктора, всё так же сохраняя молчание. Застыв за плечом крёстного, Гарри было очень некомфортно, отчего он чувствовал, как вспотели ладони даже в такой холодной комнате.

— В разговоре вы так и не упомянули, с какой именно проблемой решили ко мне обратиться, — продолжил разговор Шмидт, переключаясь полностью на Сириуса.

Доктор присел на стул рядом с кушеткой, жестом пригласил занять такой же Бродягу, что тот и сделал.

— Для этого мне потребуется взять с вас Непреложный обет, — как само собой разумеющееся проговорил Сириус. Шмидт в ответ горько вздохнул.

— Я понимаю, мистер Блэк, вашу озабоченность безопасностью, но дать подобную клятву не могу по независящим от меня причинам. — Он развёл руками, как бы говоря, что ничего с этим поделать не может.

— Тогда нам не о чём разговаривать. — Бродяга хотел встать, но твёрдый голос доктора его всё же остановил.

— Я сомневаюсь, что вы найдёте кого-то более квалифицированного, чем я. Темномагические проклятия, руны плоти, кровавые ритуалы и их последствия... без лишней скромности: в Новом свете никто лучше меня в них не разбирается. — Шмидт говорил твёрдо, глаза его горели нескрываемой гордостью.

Сириус перевёл взгляд на Гарри, рассматривая его и его шрам. Чёрные глаза крёстного были серьёзны как никогда; он будто что-то понял и сейчас мысленно решался на следующий шаг. На миг в глазах Сириуса промелькнуло сожаление, но Гарри не понял, с чем оно было связано.

— Я заплатил вам достаточно, чтобы всё, что тут будет сказано, осталось только между нами, верно? — Бродяга заулыбался, отворачиваясь от Гарри.

— Конечно же! — заверил его Шмидт. — Тогда... Гарри, прошу, располагайся. — Доктор указал рукой на кушетку, а сам в это время достал очки без линз из кармана своего халата.

Гарри совсем неуверенно лёг на твёрдую кушетку, ощущая холод материала даже сквозь одежду.

Шмидт поманил пальцем, и сверху приблизилась лампа, зависнув точно над головой Гарри. Стефан нажал на какую-то кнопку на ней, но та не загорелась. Совсем ничего не произошло. Но для доктора что-то явно стало понятнее. Он заохал и, привстав, наклонился над лицом Гарри, рассматривая шрам.

— Что вы знаете о своём шраме, мистер Поттер? — Шмидт откинулся обратно на стул, опустив очки на нос. Он с прищуром смотрел на Гарри.

— Что его мне оставил Тот-Кого-Нельзя-Называть, когда пытался убить, — пожал плечами Гарри, пытаясь не морщиться в ответ на цепкий взгляд доктора.

— Что-нибудь ещё? — подбодрил его немец.

— Директор Дамблдор говор... — продолжил Гарри.

— Ах, Дамблдор! — неожиданно его перебил Шмидт, недовольно фыркая. — Я слышал он погиб? Тогда у нас назначено рандеву в аду, — явно припомнил что-то нехорошее доктор, отчего поморщился и поджал губы. — Так что он там говорил?

— Что мама наложила на меня заклинание любви, когда погибла...

Не выдержав, Шмидт зло засмеялся, с хрипотцой. Гарри перевёл взгляд на крёстного, едва сдерживаясь, чтобы не шандарахнуть по доктору каким-нибудь заклинанием. Сириус был напряжён, хотя его поза не изменилась, не говоря уже о лице, но Гарри чувствовал, как кровь горит в жилах Бродяги. Крёстный едва заметно отрицательно поводит головой, попросив этим не делать глупостей.

— Теперь я понимаю, почему вас хотят сжечь, — бросил Гарри, всё-таки не сдержавшись.

— Прошу прощения, — отсмеявшись, проговорил Шмидт, — я вовсе не хотел вас обидеть, мистер Поттер. И я не смеялся над гибелью вашей матушки. Это ужасная трагедия. Моя *geliebte Mutter* тоже погибла, спасая меня. Я смеялся над словами вашего директора, не более. — Никакого раскаяния Шмидт не показывал, глаза его всё ещё были холодны как лёд. — Скажите, мистер Поттер, как много матерей отдали свои жизни, спасая своих детей? — Это был явно риторический вопрос, ибо немец продолжал, не давая вставить ни слова: — Быть может, ваша мать любила вас больше, чем любая другая мать любит своего ребенка?

— Нет, но... — попытался возразить Гарри, но его вновь перебили.

— Или любовь её была особенной? Такой, что может даровать защиту от Непростительного заклятия? Может, вы считаете себя особенным? — Шмидт явно не испытывал приязни к Гарри, скорее даже чувствовал неприязнь к нему и его словам.

— Нет, но...

— Тогда не нужно говорить глупости о «заклинаниях любви», — в конце передразнил Гарри Шмидт.

— Вы определили, что не так со шрамом Гарри? — вмешался Сириус, пытаясь сбить накаляющуюся атмосферу.

— Ещё нет, — отмахнулся от него Шмидт. Он сделал замысловатое движение рукой, и по краям кушетки загорелись до этого невидимые руны, отливая красным. — Что вас заставило обратиться ко мне?

Гарри обернулся к Сириусу. Бродяга, задумавшись на несколько секунд, всё же кивнул крестнику, соглашаясь рассказать правду.

— Иногда я вижу Его глазами, — стал говорить Гарри, — шрам начинает болеть, когда я злюсь.

— Видеть глазами другого человека — это ненормально, — покивал головой Шмидт, кажется, даже не удивившись этой информации, — что-то ещё? Необычное, что связывает вас и вашего врага?

— Парселтанг.

— В семье Поттеров никогда не было никого с этим даром, — дополнительно рассказал Сириус.

— Это вполне могло перейти от вашей матери, — пожал плечами Шмидт. — Она ведь маглорождённая, верно?

— Да, — подтвердил Гарри.

Стефан кивнул, пояснив, что кто-то в предках Эвансов вполне мог быть магом, владевшим языком змей.

— В любом случае я вижу лишь сгусток тьмы. Ничего больше. Это может быть всё что угодно. — Шмидт откинулся назад и снял очки. Руны погасли, а лампа отъехала назад к стене.

— Значит, всё это бесполезно? — недовольно выдохнул Сириус.

— Не совсем, — тут же отозвался доктор, глаза которого нездорово заблестели. — Право слово, я ведь мастер. У меня есть теория, но я никогда не думал, что ЭТО можно поместить в живого человека. Да и, честно признаться, никогда с такими вещами в своей практике не сталкивался.

— О чём вы? — Сириус нахмурился, наконец-то пошевелившись на своём стуле.

— Будет больно, — игнорируя Сириуса, предупредил немец Гарри. Доктор потянулся вперёд, сжал три пальца на руке, вытянув указательный и средний, и начал нараспев читать какое-то длинное заклинание на немецком.

Шмидт с силой надавил на шрам, вызывая острую боль — как будто Гарри укололи иглой и теперь ковырялись ей, расширяя ранку. Начало жечь, и Гарри почувствовал, что в его голове начал шевелиться червячок. Он застонал, вцепившись руками в края кушетки. Подушечки пальцев, которыми Шмидт давил на его лоб, нагревались всё сильнее, а червячок в голове двигался всё активнее. Гарри едва не сорвался на крик, но немец быстро отдернул руку, дую на пальцы.

Сириус пристально рассматривал шрам, который, казалось, начал шевелиться. Отметина потемнела, а кожа вокруг налилась кровью. Но через длинную секунду всё вернулось на круги своя: шрам вернул свой обычный цвет, перестав наполняться чернотой, а кожа вокруг стала приобретать здоровый вид. Гарри тяжело дышал, но всё-таки разжал руки, отпустив кушетку.

— Теория подтвердилась. — Шмидт рассматривал собственные покрасневшие пальцы, которые были обожжены.

— И что же это? — хрипло спросил Гарри, потирая лоб.

— Крестраж, — отозвался доктор, переведя взгляд на Сириуса, зная, что представитель такой тёмной семьи, как Блэки, должен знать, что это такое.

Бродяга глубоко вздохнул и откинулся на стуле, спрятав руки в карманах. Его глаза темнели с каждой секундой, и он с недоверием смотрел на Шмидта.

— Вы в этом уверены, доктор? — Сириус был бледен и говорил тише обычного. Его разум занимали какие-то мысли.

— Абсолютно, — последовал твёрдый ответ. — Но крестраж странный. Он почти не сопротивлялся, как будто частичка столь мала, что единственное, на что она способна, — это обжечь пальцы.

— О чём вы говорите? — встрял Гарри с вопросом. — Что за частичка? Что за крестраж?

— Позже, — отрывисто бросил Сириус, даже не повернувшись к крестнику. Он смотрел на доктора, и в глазах его была стальная решимость.

Бродяга вытащил палочку — медленно, без резких движений. Шмидт смотрел на это как замороженный, не в силах отвести взгляд от руки Сириуса. Кончик деревяшки смотрел точно в грудь Шмидта, но тот не проявлял никаких опасений — лишь улыбался, обнажая зубы.

— Вам придётся дать мне клятву, доктор Шмидт, — твёрдым и уверенным голосом оповестил немца Сириус.

— Я не могу, мистер Блэк, — последовал ответ. — Они знали, что вы придёте ко мне.

Бродяга напрягся и кинул быстрый взгляд назад, на дверь за своей спиной, как будто что-то услышав, хотя Гарри мог поклясться, что стояла гробовая тишина.

— Тогда вы простите меня, я полагаю? — Сириус поднялся на ноги, всё ещё держа на прицеле доктора.

— Сириус! Что ты делаешь?! — Гарри попытался перехватить руку своего крёстного. Шмидт же молча откинулся назад и хотел что-то произнести, но не успел.

— *Avada Kedavra!* — хлестнул словами Сириус, и зелёный луч ударил в немца. Его глаза моментально остекленели, а голова упала на грудь.

Застыв, Гарри повис на руке крёстного, не веря своим глазам. Он хотел что-то произнести, но его перебил Сириус:

— Не сейчас! — Не церемонясь, он перехватил Гарри за шиворот и толкнул в сторону окна.

Гарри прикусил губу и повернулся, собираясь задать несколько вопросов, но сдержался: из коридора послышался громкий шум бегущих людей, а также их крики. На Сириусе откуда-то была надета другая одежда — спортивная, совсем как на самом Гарри. Он осознал, что его крёстный был готов к такому повороту событий.

Сириус молча дёрнул палочкой, и половина дальней стены вместе с небольшим окошком взорвалась, осыпая осколками кирпичей и стёкол задний двор. Из коридора послышались проклятия и отборный мат.

Бродяга побежал вперёд, увлекая за собой крестника. Раздался звон крошащегося под обувью стекла, и они прыгнули в созданный Сириусом проём. Стоило двум англичанам пересечь границы здания, как они исчезли, аппарировав.

В нос Гарри ударил смрад, под ногами что-то зашевелилось и противно запищало. Он проморгался и обнаружил себя в зловонной канализации; под потолком мигало несколько ламп накаливания, разгоняя темноту. Снизу пробежало целое семейство серых крыс, скрываясь в тьме дальше по тоннелю.

Сириус, так и не убравший свою руку с плеча Гарри, широкими шагами направился вперёд, утягивая за собой крестника. Через десяток секунд он развернулся и, направив палочку в потолок как раз под тем местом, где они стояли несколько секунд назад, отчётливо произнёс:

— *Bombarda!*

Как оказалось, он сделал это вовремя. Заклинание взорвало потолок, обрушивая камни, землю и огромный поток воды с нечистотами прямо на головы аппарировавших за ними приспешников Волдеморта. Послышались крики боли, но большинство всё же смогли защититься и напасть.

— Протего! — Гарри наконец-то вскинул собственную палочку. В его магический щит тут же ударило несколько заклинаний, но они рассеялись без видимого эффекта.

— *Incarcero! Expulso! Seko!* — каскадом заклятий разразился Сириус, крутя своей палочкой как шпагой.

— *Avada Kedavra!* — заорал кто-то из тёмных магов, подывая от боли. Бродяга задел того одним рассекающим заклятием.

Гарри почувствовал, как крёстный повалил его на пол, прямо в вонючую лужу, но зато

зелёное заклинание пролетело прямо над их головами и скрылось где-то вдали. Сириус грязно выругался, а Гарри в это время наотмашь резанул палочкой в сторону, откуда прилетело Непростительное.

Гарри почувствовал, как его вновь утягивает в аппарацию. Он успел заметить, как его заклинание с силой ударяет одного из магов в грудь, и тот отлетает назад наверняка с переломанными рёбрами. Послышался негромкий хлопок, и они исчезли.

Гарри и Сириус оказались на тёплой земле. Сверху пылало солнце, уже начавшее клониться к закату. Гарри чихнул из-за пыли, попавшей в нос. Он кожей чувствовал, как к его одежде липнет грязь. Он перевернулся на живот и живо поднялся, оглядываясь.

Они находились в ущелье. Слева и справа высились огромные жёлтые горы, на свету отливая красным. Рядом протекала река, по берегам которой росла чахлая зелёная трава и одно несчастное скрюченное дерево. Гарри бросил взгляд вперёд: река с мутно-зелёной водой начинала идти зигзагом между огромными скалами, исчезая за поворотом.

— Это Гранд Каньон? — ошарашенно спросил Гарри.

— Не тормози! — прикрикнул Сириус, споро отбегая подальше от места их аппарации.

Гарри пришлось последовать совету крёстного. Они успели отдалиться на несколько десятков метров, как рядом с его головой просвистело розовое заклинание и ударилось о ближайшую скалу, оставляя на ней выжженный след.

— Вместе! — вскрикнул Бродяга, на ходу разворачиваясь.

Что именно задумал крёстный, Гарри понял быстро — стоило только развернуться. Под скалой столпились в разнообразных одеяниях несколько тёмных магов; на свету они стали отчётливо видны. Каждый из последователей Волдеморта с виду был вполне приличным человеком: в хорошем костюме и с приличной причёской.

— *Bombarda Maxima!* — в один голос рявкнули Сириус и Гарри.

Два насыщенных магией заклинания бордового цвета пролетели мимо четырёх врагов и с огромной мощью взорвались у основания скалы. Расколовшись на несколько громадных кусков, порода не выдержала и начала падать на головы магов. От бессилия они просто аппарировали обратно по своему же следу, чтобы не быть погребёнными под массой земли, камней и песчаника.

Сириус прикрыл себя и крестника магическим щитом, от которого тут же начали отскакивать долетевшие до них мелкие — и не очень — камушки. Через минуту пыль потихоньку улеглась, и всё вокруг стало вновь таким же, как и прежде, если не считать огромный завал под скалой.

— Вряд ли они смогут найти точку выхода, — устало произнёс Сириус, присаживаясь прямо на землю и рассматривая то, что они натворили с Гарри. Он направил палочку себе на лицо и прознёс: — *Aguamenti.*

Поток пресной воды хлынул Бродяге в лицо, и тот принялся одновременно и пить, и умываться.

Гарри поступил примерно так же, но вместо того, чтобы направлять палочку на себя, он трансфигурировал один из ближайших камней в кружку и наполнил её водой, а затем жадно начал глотать живительную влагу.

Они просидели в тишине несколько минут. Гарри в это время прокручивал всё произошедшее у себя в голове. Он постепенно хмурился, пока наконец не повернулся к крёстному.

— Сириус, то, что произ... — начал говорить Гарри требовательно и с немалым гневом,

но его прервали несколько синхронных хлопков совсем рядом.

— Как?! — раненым зверем взревел Сириус, отбивая несколько заклятий в сторону.

Один из тёмных магов оказался обезоружен точным попаданием заклинания *Expelliarmus*. Гарри взмахнул своей палочкой, сдувая потоком сильного ветра мужчину в чёрной куртке далеко в сторону.

В это время Сириус успел выбить палочку из рук одного, связать другого и проклясть чем-то неприятным третьего, отчего тот упал, выблёвывая на землю пол-литра крови, если не больше. Бродяга требовательно протянул руку Гарри, и он, не раздумывая, вцепился в неё. Они исчезли, успев услышать ещё несколько хлопков.

На этот раз Сириус выбрал точкой аппарации вершину очень высокого здания. Бешеный ветер едва не снёс Гарри вниз, но крёстный успел удержать крестника от падения. Они стояли на узком парапете. Гарри поводит головой из стороны в сторону: всюду высились высотки; справа протекала какая-то река, впадая в, по всей видимости, океан. От поражённого возгласа его остановил хлопок аппарации рядом, затем ещё один.

Один из тёмных магов стоял настолько близко к Сириусу, что мог протянуть одну руку вперёд и схватить Бродягу за грудки, но вместо этого мужчина вскинул руку с палочкой и заорал:

— Тебе кон... — договорить тёмный маг не смог. Сириус молниеносно зарядил тому в челюсть, отчего враг прикусил язык и с громким мычанием упал с Эмпайр-стейт-билдинг, как определил их нынешнее расположение Гарри.

Он перевалился в сторону, пытаясь удержаться от падения со здания, и воскликнул:

— *Expelliarmus!*

От вложенной силы заклинание не просто вырвало палочку из рук зазевавшегося мага, пытавшегося найти равновесие на парапете, а швырнуло мужчину на несколько метров назад в то время, когда его палочка описала крутую дугу и скрылась где-то за крышей.

Сзади Гарри послышался громкий хлопок — кто-то аппарировал ему за спину. Но враг не ожидал оказаться на узком парапете, отчего потерял драгоценные секунды, позволив Гарри полуобернуться и выкинуть в его сторону свободную левую руку и толчком телекинеза скинуть того со здания. Но, даже падая, мужчина всё равно успел произнести напоследок заклинание:

— *Seko!*

Он не попал в Гарри полностью, но того всё равно задело: разрезающее заклятие коснулось его плеча краешком, оставив разрез на плече. Но хотя бы не отрубив голову.

Сириус попытался достать врага каким-то хитроумным заклинанием, но тот исчез в обратной аппарации, отчего заклятие Бродяги разбилось о стену ближайшего здания.

Крестный смотрел, как медленно пропитывается кровью мастерка Гарри. Он перехватил руку крестника и зажмурился на несколько секунд, после чего они вновь исчезли, чтобы через мгновение вывалиться в каком-то переулке. Сириус хрипло и часто дышал, но всё же нашёл в себе силы произнести:

— Спина к спине.

Гарри не был так измотан: ему не пришлось таскать сразу двоих в аппарации через всю Америку так много раз за такой короткий промежуток времени. Но его плечо страшно болело, однако он всё равно, закусив губу, прижался к широкой спине крёстного и выставил вперёд палочку, держа её здоровой рукой. Они простояли так несколько минут, удерживая руки вытянутыми, но никто так и не пришёл по их следу. Наконец Гарри не выдержал и

опустил палочку. Аналогично поступил и Сириус.

— Я знаю... как они нас находят, — облизнув губы, проговорил Бродяга и сделал несколько шагов вперёд, разворачиваясь к крестнику. Гарри молчал, потому что сил говорить не было. — По палочкам... или магии... проходящей через них, — сказал крёстный с паузами, очень хрипло.

— Они тебя именно так находили все предыдущие разы? — поддерживая правую руку, спросил Гарри.

— Да, — тихо отозвался Сириус, приваливаясь к стене здания. — Только сейчас дошло. — Он рассмеялся, прерываясь на кашель. — Мне нужно несколько минут, зажми свою рану. Судя по количеству крови и тому, что ты ещё на ногах, царапина не такая глубокая.

Сириус сполз по стене вниз и уселся на холодный асфальт. Гарри в это время со стоном стянул с себя мастерку, а затем приложил к плечу, тоже приваливаясь всем телом к стене.

— Что тут... — через несколько минут в переулке показалась женщина, которая, впрочем, не успела даже договорить, как заметила недобрый взгляд Сириуса. Она тут же развернулась и скрылась за поворотом, из-за которого вышла, на ходу доставая телефон.

— Пора идти. — Бродяга рывком поднялся, чуть покачнувшись.

— Куда мы? — Гарри морщился. Кровь уже стала стекать по руке.

— В безопасное место.

Сириус в последний раз положил руку на плечо крестника, и они исчезли из переулка, не оставив за собой никаких следов. Приехавшие чуть позже полицейские ничего не обнаружили, а камеры наблюдения, установленные по оба выхода из переулка, не записали, как туда кто-то входил или выходил, так что женщине выписали штраф за ложный вызов.

Гарри морщился, ощущая, как бинты плотно зажимают рану на плече. Сириус не церемонился: он быстро и сноровисто забинтовывал крестника, параллельно разговаривая через зеркало с каким-то человеком.

— Значит, через Олливандера? Они пытали его? — задал вопрос Сириус, на секунду отвлекаясь на зеркальце.

— Мы не знаем. Его так и не нашли. — Чернокожий мужчина на другой стороне зеркала грустно вздохнул.

— Думаешь, по магии они теперь могут отследить вообще любого?

Наконец плечо Гарри было крепко перебинтовано. Бродяга перекусил конец бинта и завязал его бантиком, подмигнув крестнику.

— Только тех, кто им нужен. — Мужчина прикинул что-то в уме и добавил: — И если вокруг целей не так много магии.

— Мы не можем себе позволить появиться в магически насыщенных местах, так нас с Гарри раскроют ещё быстрее, — с сожалением прокомментировал Сириус.

— Найди другие палочки, — пожал плечами чернокожий.

— Чтобы что? — хмыкнул Бродяга. — Чтобы по их владельцам нас искали?

— А что насчёт крес... — вмешался Гарри, но его моментально заткнул Сириус, рукой зажав рот. Глаза крёстного обещали адские кары, если он промолвит ещё хоть слово.

— Не расслышал... Гарри, можешь повторить? — с интересом попросил мужчина.

— Ничего, Кигсли, ерунда. — Бродяга убрал руку со рта крестника, отвечая старому другу вместо него: — Ты лучше скажи, как там в Англии?

— Притихли все, — вздохнул Бруствер, — и наши, и ваши... вы-знаете-кто притаился. Ждёт, пока его слуги восстановятся. Фадж не делает ничего, кроме выступлений и заверений, что всё скоро наладится. Один Хогвартс как стоял, так и стоит, но многие начали забирать детей из школы. Бегут за границу.

— Понять их можно, — проговорил Сириус.

Ещё около пятнадцати минут Бродяга разговаривал с Кингсли, пока чернокожий маг не ушёл, сославшись на дела. Гарри, не участвовавший в диалоге всё это время, расхаживал по хоромам своего крёстного. Это был небольшой домик где-то посреди штата Техас. Обстановка тут была спартанская. Как объяснил позже сам Сириус, это экстренное убежище, где их искать точно не станут.

Гарри плюхнулся на жёсткую кровать — одну из двух стоявших тут — и выжидательно посмотрел на Сириуса.

— Что? — наконец Бродяга не выдержал взгляда Гарри.

— Что такое крестраж? — Само слово не вызвало у Гарри никакого доверия, а учитывая, что эта штука была внутри его тела, то и давно.

Сириус прикус губу, отложил зеркальце в сторону и прошёлся до Гарри, а затем присел рядом.

— Крестраж — это кусок души мага, заключённый в какую-то оболочку. Вроде как, позволяет жить вечно, — сказал Бродяга, оглядывая крестника с ног до головы.

— Во мне кусок души Вола... — Гарри прикусил собственный язык, чуть не проговорив имя врага. Он ещё не до конца осознал сказанное.

— Если Шмидт не солгал, — кивнул Сириус, — какой смысл ему лгать?

— Почему ты не рассказал про это Кингсли? — дозрел Гарри до ещё одного вопроса.

На лице Сириуса заиграли желваки. Ему было неприятно говорить такие вещи, но точки стоило расставить над «i» прямо сейчас.

— Лучше об этом никому не знать, — Бродяга серьёзно смотрел на крестника, — они могут сделать всё что угодно. Если слова про крестраж правдивые, то тебя могут убить свои же. Или использовать как заложника.

Гарри откинулся назад, ложась на кровать. Затылком он упёрся в деревянную дощатую стену. С такого положения было удобно отслеживать тускло светящуюся лампочку под потолком, которая единственная давала свет, разгоняя темноту. Думать о том, что его могут предать друзья и соратники, не хотелось совершенно.

— Помнишь, Сириус, — Гарри неожиданно по-простому улыбнулся, — тогда, в конце третьего курса, ты сказал, что заберёшь меня от Дурслей и что мы будем жить вместе.

— Когда вы с Гермионой спасли меня? Конечно, — подтвердил Сириус, не понимая, к чему клонит крестник.

— С Гермионой, — с теплотой повторил за ним Гарри. — Да. Я тогда подумал, как хорошо будет жить с тобой. Может, мы бы сходили на футбол болеть за Манчестер. Или в океанариум — там я никогда не был.

— Гарри, если бы...

— Я был готов уйти прямо тогда, — перебил своего крёстного Гарри, но, кажется, даже не заметил этого, — готов был даже бросить Хогвартс. — Гарри перевёл взгляд на Сириуса. — Может, мне действительно стоит умереть, раз во мне часть его души? Тогда он умрёт?

— Не смей так говорить, — твёрдо, но ужасно устало произнёс Сириус. — Не для того твои родители отдали свои жизни, не для того мы с тобой скакали по Англии, а затем улетели в Америку. Ты хочешь так легко сдаться? Ты ведь сын Джеймса...

— Но я не Джеймс. Я не мой отец. Не знаю, кого ты во мне видишь, но я — Гарри! Просто Гарри, — с внутренним надрывом произнёс он.

— Конечно, — согласился с ним Сириус, который откинулся назад, заняв точно такую же позу, как и Гарри. — Ты — Гарри Поттер, мой крестник. Талантливый маг и добрый парень, готовый отдать жизнь за других людей. — Сириус замолк на целую минуту, но потом продолжил: — Умереть легко. Аппарируй на Эмпайр-стейт и прыгни с крыши — вот и дело концом... Знаешь, — Бродяга повернул голову, заглядывая в зелёные глаза, — магглы говорят, что на долю человека выпадает столько испытаний, сколько он сможет выдержать. Я с ними согласен.

— И что тогда делать?

— Не умирать уж точно, — преувеличенно бодро сказал Сириус. — Давай для начала немного переждём. Вернёшься в Невермор ближе к ночи, не хотелось бы притащить кого-то с собой на хвосте.

Бродяга поднялся с кровати и двинулся к другой части домика. Он достал палочку и хотел было что-то сделать при помощи магии, но в последний момент вспомнил, что их тогда вычислят, и, чертыхнувшись, убрал её обратно в карман. Он сделал несколько шагов вперёд и поставил чайник на плиту, разжигая под ним огонь.

— Зачем ты убил Шмидта? — неожиданно раздался вопрос Гарри, который сидел на краю кровати, вертя в руках палочку. — Почему именно так?

Сириус обернулся, опёрся о стол бедром и сложил руки на груди. Он глубоко вздохнул. Поднимать ещё и эту тему ему совершенно не хотелось.

— Ты об Аваде?

— Да. — Гарри внимательно смотрел на крёстного.

— Так было нужно. — Чайник под напором огня начал тихонечко свистеть. — Непростительное заклятие, которое я использовал на Шмидте, — не такое ведь простое, как кажется.

— Дамблдор говорил, что убийство уничтожает частичку души убийцы, — произнёс Гарри, хотя с некоторых пор он сомневался в Дамблдоре, но хоть в чём-то директор Хогвартса должен же был быть прав?

— Беллатриса бы с этим поспорила и Тот-Кого-Нельзя-Называть тоже, — невесело хмыкнул крёстный. — За мою душу не беспокойся, от неё и так мало чего осталось. Раскрою небольшую тайну: когда ты хочешь стать аврором, есть несколько тайных испытаний. Одно из них — вызов телесного патронуса. Если человек не может его материализовать, хотя по всем признакам понятно, что он достаточно для этого силен, тут есть несколько вариантов. Два из них: либо ты слишком много убивал, либо слишком долго соседствовал с дементорами. Как ты понимаешь, эти два фактора не могут быть не связаны между собой. — Сириус поднял чайник с плиты и начал разливать кипяток по кружкам. — Я не могу вызвать патронуса, Гарри. Как бы ни пытался. Интересно, Альбус счёл бы меня человеком без души?

Сириус поставил две чашки на небольшой столик, кинул в них простенькую заварку, хорошенько размешал и долил молока. Бродяга отодвинул стул и присел, отхлёбывая горячий чай.

— Как я и говорил, *Avada Kedavra* — непростое заклятие. Оно не позволяет связаться с людьми, которых убили с его помощью. Понимаешь? Благодаря моей дорогой матери я знаю пять способов вызова духа умершего. Сколько таких способов знают тёмные маги — понятия не имею. Но *Avada* решает эту проблему. Я не мог допустить, чтобы хоть кто-то, кроме меня и тебя, узнал о крестраже.

Сириус не оправдывался — лишь констатировал факты.

— Ясно.

Гарри присел за стол рядом с крёстным, взял вторую кружку в руку, да так и замер. Он был буквально опустошён этим днём, а схлынувший адреналин после битв с тёмными магами принёс усталость.

Последующие несколько часов они почти не болтали, хотя Сириус и пытался разговаривать Гарри, но ничего этим добиться не смог. Его крестник, учитывая, что в доме заняться было нечем, практиковался в телекинезе. У него неплохо получалось отталкивать предметы, но вот притягивать их к себе или заставлять парить над землёй или собственной рукой — нет.

Когда часы пробили девять вечера и стало абсолютно понятно, что их никто не преследует, Бродяга поднялся, подозвал Гарри к себе и аппарировал их к Невермору.

— Гарри, — Сириус наклонился, чтобы они были на одном уровне, и заглянул крестнику в глаза, положив руку на здоровое плечо, — мы прорвёмся, я обещаю.

— Конечно.

Гарри попытался выдавить из себя улыбку, но получилось у него это из рук вон плохо — настолько он устал за этот длинный день. Сириус, не выдержав, резко притянул его к себе, обнял и прижал к своей груди.

— Ты, главное, не сдавайся. Если я потеряю ещё и тебя, то... — Сириус замолчал. Он так и не смог подобрать слова.

Бродяга отделился от парня, совсем как собака помотал головой и, ещё раз взглянув на крестника, аппарировал в неизвестном направлении.

Гарри, не выдержав, начал от души бить ворота Невермора ногой. Молча. Яростно. В исступлении он со всей силы ударил по железу кулаком, сдирая кожу на костяшках. Боль его слегка отрезвила. Гарри тяжело вздохнул и поморщился, разглядывая, как выступает кровь. Он провёл рукой по штанине, оставляя алые, практически невидимые на тёмном материале разводы, и поплёлся к школе.

От главных ворот к самому замку нужно было топать примерно пятнадцать минут по прямой дороге, которую обступал лес, начинавший потихоньку редеть и выглядеть более ухоженно лишь рядом со школой.

Через пять минут неспешной ходьбы Гарри привлёк свет фонарика неподалёку в лесу. Он остановился и пригляделся: из-за деревьев показалась знакомая округлая фигура, чёрные волосы и толстые очки на лице. Это, несомненно, был Юджин с походным рюкзаком за плечами. Паренёк что-то с упоением разглядывал на дереве, кажется, какой-то гриб.

Гарри упрямо сжал зубы, что-то раздражённо проворчал и направился к своему знакомому по клубу. Фонарик в руках Оттингера испуганно задрожал, выскивая, кто к нему подходит.

Гарри не пытался скрыться — он шёл напролом, пока под ногами трещали ветки и низкие кустарники.

— Какого черта ты здесь делаешь?! — рассержено зашипел он, едва не срываясь на парселтанг.

— Г-Гарри? — икнул пчеловод. Кажется, вид друга его изрядно напугал.

Гарри действительно выглядел не очень: взмыленный, с разбитой рукой, в потёртой одежде и горящими зелёными угольками глаз он навевал неприятные мысли. Лунный свет лишь ухудшал картину.

— Ты что, не знаешь, что вокруг школы бродит чёртов монстр?! — не успокаиваясь, проговорил Гарри.

— Да я ведь... — попытался оправдаться Юджин, но ему не позволили, перебив.

— Что — ты?! — Гарри двинулся вперёд и навис над невысоким мальчиком. — В школу. Сейчас же.

Он не кричал, но от этого Юджину не становилось лучше.

— Но...

— Живо! — гаркнул Гарри.

Оттингер спорить не решился. Он, более не смотря на своего друга по клубу, развернулся и сбежал, быстро перебирая ногами в сторону Невермора по той же тропинке, по которой сюда и пришёл.

Когда спина Юджина, как и свет от его фонарика, скрылась за стеной леса, Гарри разжал кулаки.

— Что я делаю? — тихо шепнул сам себе Гарри. Он взглянул вверх, на луну, а затем прижался лбом к холодной коре дерева прямо над грибом, который так привлёк пчеловода. — Когда этот день закончится?

Выходя обратно на дорогу, Гарри прикидывал, как лучше всего будет извиниться перед Юджином за эту неприятную сцену в лесу. Он отдавал себе отчёт в том, что поступил как

минимум некрасиво, но в тот момент злость настолько его захватила, что ничего другого сделать было просто невозможно.

Его мольбы о прекращении этого дня тоже никто не услышал, потому что, выйдя на стоянку перед Невермором, Гарри застал следующую картину: выпустив когти, разозлённая Инид хотела, кажется, нанести непоправимый ущерб имуществу школы в виде повреждения автобуса. Услышав звук шагов Гарри, девушка замерла на месте. Она быстро обернулась, пряча когти и сдувая с лица прядь светлых волос.

Синклер оделась в своём стиле: розовая кофточка, шляпка, белая юбка и цветастые колготки. Гарри же был в чёрной футболке на два размера больше, в вымазанных кровью и грязью широких спортивных штанах, а также в тёмных кроссовках.

— Давай сделаем вид, что я ничего не видел, — пробормотал Гарри, неловко показывая за спину на дорогу, которая его сюда привела.

Инид дышала рассерженной кошкой; кажется, в её голове происходили тяжёлые вычисления.

— Это катастрофа! — Синклер поменялась практически мгновенно из рассерженной в грустную. Она зашмыгала носом, собираясь расплакаться. — Это худший день в моей жизни!

— Что случилось? — Гарри сделал несколько шагов вперёд, выходя на свет фонаря поближе к знакомой.

— Сначала какой-то сумасшедший сжёг статую Крэкстоуна и из-за него я не смогла выступить на сцене, — Инид экспрессивно жестикулировала, время от времени ударяя ладонями по своим ногам, — а теперь ещё хуже — Аякс меня продинамил со свиданием!

Гарри едва сдержался, чтобы истерически не засмеяться. Вместо этого он просто кивнул головой, так как не знал, что на такое можно сказать, но его ответ девушке совершенно не требовался. Глаза Синклер наполнились влагой. Она несколько раз с шумом вдохнула, но после всё же взяла себя в руки, не позволив слезам покатиться по лицу.

— Ну нет, — неожиданно решительно произнесла Инид. Она сделала два больших шага вперёд, схватила Гарри за рукав футболки и потянула за собой. — Если он думает, что просто так меня можно бросить... меня! То он пожалеет и сам ко мне приползёт!

— Куда ты нас ведёшь? — всё же встречая в монолог подруги, поинтересовался Гарри.

— За теплицу. Сегодня «Голубая луна», не хочу её пропустить! — шикнула на него Инид, ведя Гарри за собой, как овцу на верёвочке.

Пока они шли к месту назначения, Гарри раздумывал, как выкрутиться из этой ситуации, а ещё о том, откуда столько сил в изгоях: вырваться из хватки Синклер едва было для него возможно.

— Может, он глянул в зеркало и обратил себя в камень? — ни на что не надеясь, предположил Гарри вслух, пригибаясь под ветками. Теплица была уже совсем рядом.

— Даже горгоны не настолько тупы. Хотя... — Инид немного замедлилась, раздумывая. — Да ну нет, чтобы подобное произошло как раз перед нашим свиданием? Нет, категорически — нет!

Наконец они вышли к месту назначения. Пыхтя, как паровоз, Синклер вывела Гарри за здание. Он здесь никогда не бывал, но все выглядело очень неплохо.

Вниз шёл небольшой склон с вырубленными деревьями, открывая вид на свежую весеннюю траву; сверху светила полная луна — только обычного цвета, но никак не голубого; под теплицей в окружении низкорослого кустарника расположилась небольшая скамейка, которая могла вместить только двух человек.

— Ты же знаешь, что сюда приходят целоваться? — невпопад спросил Гарри. Инид бросила в ответ странный взгляд.

— Может, это не горгоны такие тупые? — Синклер присела на скамейку. Гарри плюхнулся рядом, сразу опёршись спиной о спинку. Он действительно ужасно устал за сегодня. — Зачем, по-твоему, я пригласила сюда Аякса?

— А-а-а, — протянул Гарри, почёсывая затылок, — о-о-о! — наконец до него дошёл смысл сказанного. Инид, не выдержав, засмеялась. — Тогда получается...

— Нет! — перебила его девушка. — Я тебя сюда не для этого тащила! Ты что думаешь, я с любым парнем готова целоваться?!

— Да я бы с тобой тоже не стал... — Инид возмущённо глотала ртом воздух. Такого ответа она точно не ожидала. Гарри, стараясь сгладить ситуацию, спросил: — Значит, тебе нравится Аякс?

— А незаметно что ли?

Девушка не думала забывать прошлую фразу. Она надула щёки и отвернулась, став похожей на бурундучка.

— Да я как-то не обращал внимания, — честно отозвался Гарри.

— Парни... что с вас взять.

Инид всё ещё не поворачивалась. Нахохлившись, она глядела в сторону леса. Гарри нагнулся, поднял с земли несколько камешков и начал кидать их вниз по склону, наблюдая, как те скрываются в траве.

— Мне нравится одна девочка. Она добрая, красивая, очень умная, — Гарри улыбался, с теплотой вспоминая Гермину, — много раз спасала меня и помогала во всех... ситуациях. У неё вечно растрёпанные волосы, гора учебников в сумке, а сама пахнет свежими чернилами.

Инид заинтересованно заёрзала на месте, но пока ещё не повернулась, хотя ушки всё же навестила.

— Она из Англии, мы учились в одной школе, — между тем продолжал Гарри, развеивая предположение оборотня о том, что он говорит о Уэнсдей, — а сейчас я даже не знаю, всё ли у неё хорошо.

— Почему не позвонишь?

Не выдержав, Синклер всё же повернулась. Кажется, даже её собственные проблемы отошли на задний план, так как глаза сияли чистым интересом.

— Не всё так просто, — уклончиво ответил он. Камешки закончились, так что Гарри просто уставился на луну.

— Ну ты ей хоть сказал, что она тебе нравится? — задала вопрос Инид.

— Нет.

— Почему? — искренне удивилась она.

— Она нравится нашему общему другу. Мы втроём с первого курса были вместе, так что... — пожал плечами Гарри.

— А он ей?

— Кажется, тоже, — ответил он.

— Ага, значит, ты не уверен, — девушка поджала губы, — но твой друг, судя по всему, тоже очень хороший человек, да? Он её достоин?

— Достойн, — спокойно отозвался Гарри. Он для себя уже всё давно решил. — Мой друг бы отдал за нас жизнь, я знаю это.

— А ты считаешь себя недостойным? — с хитростью в голосе спросила Инид.

— Она достойна куда лучшего парня, чем такого... как я. — Гарри отвернулся в сторону, скрывая гримасу отвращения к самому себе. — Сегодня я осознал это как нельзя лучше.

— То, что ты изгой, не делает те...

— Да при чём тут это? — Гарри перебил знакомую. — Ты ничего не знаешь о моей ситуации, Инид.

Синклер ощущала повисшую в воздухе паузу, как тяжёлое одеяло, вдруг накинутое на них. Непоседливая по натуре, очень яркая и своеобразная, Инид не терпела никаких одеял в диалоге, но лучшее, что она могла придумать, чтобы сбросить его, — это увести разговор в другую сторону.

— От тебя весь вечер странно пахнет, — неожиданно заявила она.

— Прости? — Гарри возмущённо развернулся. Он даже приподнял плечо и уткнулся в него носом, но никакого странного запаха не уловил.

— Кровью, землёй и ещё чем-то странным, — хихикнула Инид, внутренне радуясь, что смогла поменять тему разговора.

— Я упал и поранился, вот и всё. — Гарри снова отвернулся в сторону поляны, стараясь скрыть смущение.

— И оборотнем. От тебя пахнет оборотнем, — убеждённо заявила девушка. — И запах не неприятный... скорее наоборот...

— Каким ещё оборотнем? — Гарри был действительно удивлён.

— Станным, — ничуть не смутившись, отозвалась Инид, — очень странным. Как будто не таким, как обычные типа меня.

Гарри слегка нахмурился и отвёл глаза куда-то в сторону, раздумывая, пока не понял, что она говорит о Сириусе и его запахе. Он ведь анимаг.

— Это мой отец. Он оборотень, — после минутного молчания пояснил Гарри.

— Как это? — Инид вопросительно вздёрнула брови. — Ты же не оборотень.

— Моя мама не была оборотнем, вот и я тоже. — Он заёрзал на месте, стараясь не глядеть девушке в глаза.

— Но у оборотней рождаются только оборотни, — задумчиво пробормотала себе под нос Синклер, но он всё равно услышал.

— Мой отец ведь необычный, ты сама сказала, так что я не стал оборотнем, — всё так же юлил Гарри, стараясь не выдать собственную тайну.

Они проговорили ещё несколько десятков минут, стараясь не касаться острых тем. Впрочем, Инид была из тех людей, которые могли говорить обо всём и ни о чём одновременно, поддерживая любую беседу. Но она всё равно нет-нет да поглядывала странным взглядом на Гарри, будто пытаясь в нём что-то разглядеть. Его же поведение девушки слегка настораживало.

Их прервала парочка других учеников Невермора, которых Гарри не знал, а вот Синклер бодро их поприветствовала по именам. А когда ребята смутились и захотели уйти, оборотень их заверила, что они с Гарри уходят, так как уже насмотрелись на луну, поэтому они могут остаться. Ну и ещё попросила учеников не распространяться о том, что видели их двоих на этом месте.

Они расстались уже в самой школе. Инид в порыве чувств даже обняла Гарри, поблагодарив за то, что они провели вполне неплохой вечер вместе, пусть и без всякой

романтики, но это, по мнению Синклер, было даже к лучшему. А ещё девушка посоветовала Гарри сходить в медицинский блок и сменить бинты, так как чувствовала по запаху, что это необходимо. Он сконфуженно кивнул в ответ.

Медблок работал в Неверморе круглосуточно, а ещё, как оказалось, работники не задавали лишних вопросов от слова совсем — лишь быстро и профессионально перебинтовали плечо, а также обеззаразили повреждённую руку, после наложив пластырь. Как уже говорилось, вопросов не было, как и нравочений. Это напомнило Гарри его прежнюю школу: мадам Помфри там вела себя практически таким же образом.

Когда он зашёл в свою комнату, Кент уже спал. Этой ночью его сосед, видимо, решил не идти на собрание кружка «Белладонна». Гарри свалился на собственную кровать, даже не раздеваясь. За сегодняшний день он устал так сильно, что ему не снились никакие сны, а проснулся он ближе к вечеру следующих суток.

Уэнсдей перехватила Гарри в коридоре после урока математики: девушка зацепила его за рукав и затащила в пустой класс.

— Надо поговорить.

Аддамс хмурилась и находилась явно не в лучшем расположении духа. Гарри расценил это по-своему и неловко улыбнулся.

— Извини, но я не пойду на бал, — поморщился Гарри. Ему уже четыре раза за сегодняшний день девушки предложили сходить на танцы.

Аддамс замолчала на несколько секунд, переваривая новую информацию. Её лицо разгладилось, а льду в глазах позавидовала бы Антарктида.

— С чего ты взял, что я собираюсь приглашать тебя на танцы? Это нелепое развлечение для сборища подростков, которым вскружили голову гормоны. Любым танцам я предпочту морозную прохладу морга, — на одном дыхании высказалась девушка, поджимая губы и сверкая глазами.

— Значит, ты не идёшь? — скорее ради интереса спросил Гарри, наблюдая смешанную палитру разнообразных эмоций на лице Уэнсдей после этого вопроса.

— Иду. Мне пришлось пригласить Ксавьера в целях собственной безопасности и... конспирации, — неловко прошептала девушка, но при этом с вызовом подняла подбородок вверх.

— Ксавьера... — Гарри попытался сдержаться, но предательская ухмылка всё равно выползла на его лицо.

— Я почти уверена, что он и есть монстр, — быстро проговорила Уэнсдей, намеренно игнорируя дурацкую улыбку на лице своего товарища.

Девушка щёлкнула пальцами, и Вещь, спрятанный в портфеле за её спиной, подал скомканный рисунок. Аддамс передала бумагу Гарри, и тот развернул сложенный в несколько раз лист, на котором было изображено знакомое чудовище.

— Откуда ты это взяла? — спросил Гарри, рассматривая точный рисунок того монстра, что напал на них не так уж давно.

— У Ксавьера есть личная художественная студия на берегу реки. Там всё в этих портретах, — пояснила Уэнсдей.

Гарри передал бумагу обратно в пальцы Вещи. Тот спрятал её в недрах рюкзака, но при

этом остался сидеть на плече своей хозяйки... или кем ему там приходится Уэнсдей.

— В любом случае этого мало, — покачал головой Гарри. — Что ты собираешься делать дальше?

— Обращусь к шерифу, — пожала плечами она.

— Для чего? — удивлённо приподнял брови он.

— Обмен информацией, — как само собой разумеющееся произнесла Аддамс, развернувшись к выходу.

— И ты думаешь, что он тебя послушает? — с искренним сомнением спросил Гарри. — Этого мало, чтобы идти к нему. Какие-то рисунки не являются доказательствами.

— Доказательствами — нет. Но этого хватит, чтобы привлечь внимание и настроить его на деловой разговор.

— Почему ты начала так активно действовать именно сейчас? Из-за рисунка?

Уэнсдей полуобернулась к Гарри и внимательно его рассмотрела, заглянула в глаза и, что-то для себя решив, раскрыла один из своих секретов:

— Мы, — брюнетка кивнула на Вещь, — проникли в морг и скопировали досье жертв.

— Это незаконно, ты же в курсе?

Данная информация не вызвала у Гарри удивления: он уже неплохо знал Аддамс и для неё такое было в порядке вещей.

— Законными методами монстра не остановить, — стойко выдержала удар девушка. — Идём.

Уэнсдей провела Гарри по школе, завела в женское общежитие, и они поднялись на самый верх Офелия-холла в комнату девушки. Инид тоже была там. Она с упоением красила ногти на ногах в серебряный цвет.

— Сейчас-сейчас, — Синклер даже не взглянула на них, не отрываясь от своего дела, — ещё пять минуточек, и пойдём тебя наряжать.

— Наряжать? На бал? — Гарри перевёл скептический взгляд с Инид на Уэнсдей.

— Гарри?! — Оборотень подскочила на месте, едва не опрокинув лак для ногтей. — Тебе нельзя здесь быть! Если...

— Торнхилл не узнает, она в теплице, — перебила подругу Аддамс. Вещь в поддержку поднял большой палец.

Пока девушки препирались друг с другом, Гарри пробежался взглядом по комнате, отмечая в уме, как не похожи друг на друга две соседки; даже их комната была практически поделена надвое незримой лентой, где с одной стороны всё розовое и весёлое, а с другой чёрное и мрачное.

— Смотри, — наконец-то отмазавшись от Инид, Уэнсдей подозвала Гарри на свою половину комнаты, где стояла доска, на которую кто-то — а скорее всего, сама Аддамс — набросил тёмное покрывало. Девушка сорвала чёрную простыню, показывая ему скопированные досье и множество фотографий мертвецов. — Замечаешь что-нибудь?

Гарри поморщился, отвернулся на секунду, но всё же ещё раз внимательно прошёлся глазами по доске.

— У них отсутствуют части тел. — Он в отвращении поджал губы.

— Верно. Ступня. Рука. Желчный пузырь. Желудок. Половина головы...

— Хватит! — Инид прервала Уэнсдей. — Хватит говорить о... частях тел, мертвецах и убийствах. Господи, мне снова плохо. — Синклер присела обратно на кровать, но, стараясь не смотреть на доску, продолжила: — У нас ведь скоро бал! Можно хоть на чуть-чуть

оторваться от всего этого? Хоть на минуточку.

— Нельзя, — безапелляционно резанула Аддамс, — каждое наше промедление может стоить кому-то жизни.

— Но этим не мы должны заниматься! — Инид, пытаясь найти поддержку, с надеждой посмотрела на Гарри, который промолчал. — Этим должна заниматься полиция!

— Они некомпетентны в своей сфере. Есть пончики, сидеть в Weathervane и обсуждать дела тридцатилетней давности, — это всё, на что они способны, — фыркнула в ответ Уэнсдей, снова скрывая от лишних глаз доску.

— Тогда администрация школы, учителя, кто угодно, но не мы! Мы всего лишь школьники, — застонала Инид, откидываясь назад на кровати, понимая, что её никто в этой комнате не слышит.

— Судя по моему опыту, администрация школы и учителя обычно закрывают глаза на проблему, а не пытаются её решить, — хмыкнул Гарри, вспоминая не самые приятные моменты из жизни в Хогвартсе.

— К тому же Уимс странная. Она покрывает преступления, и я ей не верю, — согласилась с ним Аддамс. Синклер в ответ застонала ещё громче, для убедительности ещё и постучав свисавшими с кровати ногами по полу.

— Директор Уимс — одна из нас, Уэнсдей, — заворчала Инид, — если она что-то делает, то делает это ради изгоев.

— В этом я не сомневаюсь.

В субботу на обеде Гарри пришлось наблюдать за тем, как Инид отказала Юджину в совместном походе на танцы. Почему-то Оттингер решил зайти с вопроса, получила ли Синклер мёд, который он лично собирал на пасеке. Из-за того, что Гарри сидел довольно близко, он прекрасно слышал весь разговор, так что ему пришлось отвернуться, чтобы не смотреть на краснеющего Юджина. Инид, естественно, рассыпалась в извинениях, но ситуацию это не спасло. Мальчик был явно очень расстроен и покинул столовую так и не поев.

После неприятного инцидента, свидетелем которого стал Гарри, он, не задерживаясь — отчасти ради того, чтобы больше никто его на бал не позвал, — быстро сбежал из замка, направившись к «Жужжащим». Там, по крайней мере, его никто закидывать предложениями не будет.

Гарри нечасто посещал пасеку: не больше, чем того требовало расписание внеклассных занятий. Зато Уэнсдей, ко всеобщему удивлению, уделяла пчёлам достаточно много внимания. Но, по его мнению, она больше заботилась об Оттингере, который напоминал ей своего младшего брата. Она сама этим поделилась в одном из непродолжительных разговоров.

— И где все? — развёл руками Гарри. Он находился в сарае, на пасеке.

Ни Уэнсдей, ни Юджина не было, что странно, так как сегодня был обязательный для сбора клуба день. И если Аддамс могла не прийти по каким-то своим причинам, то от Оттингера Гарри подобного никак ожидать не мог.

В период зимовки насекомые неактивны, если их не потревожить, так что заниматься чем-то в клубе, посвящённому пчёлам, было невозможно, но обязательность посещения никто не отменял.

Гарри привычно присел на один из стульев, вытянул ноги вперёд и, достав из рюкзака учебник по окклюменции, принялся за чтение. Он уже успел несколько раз перечитать книгу вдоль и поперёк, делая на полях заметки карандашом, чтобы иногда пересматривать самые полезные абзацы и страницы. Гарри раньше казалось странным то, что ему помогали только техники, направленные на защиту сознания изнутри, а не извне, но в свете последних событий и открывшихся фактов всё становилось логичным.

Уэнсдей и Юджин пришли почти через полтора часа. Они что-то негромко обсуждали между собой. Заметив Гарри, тут же огорошили его известием, что они нашли пещеру чудовища, засыпанную костями мёртвых животных. Аддамс к тому же оповестила, что снова ходила к шерифу с образцами ДНК Ксавьера и монстра. От обилия информации у Гарри началась небольшая мигрень. Затем девушка и мальчик решили, что надо обязательно устроить засаду перед пещерой и посмотреть, кто к ней придёт. Почему это надо было делать именно сегодня — в день бала — Гарри понять не мог.

— Может, не сегодня? — задал вопрос он.

— А у тебя есть планы на вечер? — вопросом на вопрос ответила Уэнсдей, которая была недовольна, хоть и не показывала этого.

— Да, есть, — отступить Гарри не собирался.

Именно сегодня Сириус обещал дать ему поговорить с друзьями, оставшимися в Англии. Каким образом Бродяга сможет это организовать, Гарри понятия не имел, но

Сириус всегда держал слово.

— Насколько я помню, у тебя тоже были планы, — проговорил Гарри, намекая на бал и Ксавьера.

— Они не идут, — вместо насупленной Уэнсдей ответил Юджин. — Ксавьер узнал, что Уэнсдей была в студии и пригласила его только для того, чтобы не спалиться.

— Спасибо, — фыркнула Аддамс, рассматривая банки с мёдом.

— Не за что, — бодро сказал Оттингер, который был очень доволен, что в этот вечер не останется один. — Так что мы решили, что вместо бала пойдём на засаду к пещере.

— Только не сегодня, — вздохнул Гарри.

— Если у тебя уже есть планы на этот вечер, мы не заставляем, — равнодушно пожала плечами Уэнсдей.

— Да и что плохого может произойти? — наивно хмыкнул Юджин.

— Кроме того, что на вас может напасть двухметровый горбатый монстр? — ответил Гарри.

— Ты хочешь сказать, что сможешь защитить нас в случае нападения? — Аддамс иронично вздёрнула бровь.

— Смогу.

— Так же, как смог защитить Роуэна? — с щепоткой сарказма в голосе задала вопрос девушка.

Этот вопрос на секунду сбил Гарри с мысли. При чём тут вообще был давно мёртвый Роуэн? Гарри нахмурился, быстро отвечая:

— Почему я дол... — он оборвал сам себя, — тогда я был не готов. — На лице Гарри заиграли желваки.

— Конечно, ты был не готов, — фыркнула Уэнсдей. — Каким образом ты сможешь защититься в этот раз? Оттолкнёшь телекинезом? — Теперь в голосе девушки чувствовался целый пуд сарказма.

— Есть методы.

Он начинал злиться. Гарри просто не мог рассказать этим двум о том, кем являлся на самом деле.

— Тогда расскажи нам о них! — раздражённо проговорила Аддамс.

— Ты... — начал было Гарри, но был прерван.

— Ребята! — в перепалку встрял Юджин. — Давайте не будем ругаться.

Мальчик выглядел сконфуженным, встав прямо между двумя спорщиками. Гарри с Уэнсдей замолчали, сверля друг друга недовольными взглядами.

— Не ходите туда сегодня, пожалуйста, — наконец-то решился попросить Гарри.

Единственная девушка в помещении недовольно засопела.

— Посмотрим, — бросила она, на чём разговор и завершился.

Атмосфера в сарае повисла напряжённая, а попытки Юджина разрядить её не увенчались успехом. Гарри и Уэнсдей старались не смотреть друг на друга, занимаясь отвлечёнными делами: он листал учебник в руках, обложка которого была обёрнута бумагой, скрывая название; она в это время протирала пыль с полок и угрюмо молчала, раздумывая о чём-то.

Когда же время, отведённое на клубную деятельность, подошло к концу, Гарри ушёл, не задерживаясь, оставив Оттингера наедине с Аддамс.

Неверие в его силы со стороны Уэнсдей порядком выбило Гарри из колеи. Он уже давно

привык, что к нему не относятся, как к несмышлёному ребёнку.

В замке он нос к носу столкнулся с таким же недовольным, как и он сам, Ксавьером.

— Дай угадаю, — начал Торп, хмыкая, — тоже с Уэнсдей поссорился?

— С чего ты взял?

Они стояли в одном из проходов, что вёл к мужскому общежитию. Мимо проходили вполне довольные жизнью ученики, щебетавшие о предстоящем бале. Иногда по школе бродили люди, приводившие её в праздничные белые цвета.

— У меня такое чувство, что все плохие эмоции в Неверморе связаны с ней, — поделился Ксавьер, — но, если честно, я знаю, что вы в одном клубе и время на него как раз закончилось.

Гарри кивнул.

— Да, мы немного повздорили, но причину говорить не буду, извини, — сказал он. Ксавьер в ответ махнул рукой. — А у тебя с ней что произошло?

— О, да тут всё просто. Уэнсдей никто не научил уважать частную территорию, но зато научили прекрасно лгать.

— Это же Уэнсдей, — фыркнул Гарри.

— Это уж точно, — в тон ему проговорил художник.

Гарри ещё раз внимательно оглядел Ксавьера, особенно сильно его взгляд привлекли царапины на шее. На самом деле Гарри хоть и с самого начала подозревал Торпа в том, что он может быть монстром, но всё же сомневался в этом. Зачем ему держать столько собственных автопортретов, как рассказывала Аддамс? Зачем вредить самому себе, оставляя шрамы и давая тем самым зацепки? Что-то явно не сходилось между собой, но доморощенный сыщик в виде Уэнсдей, кажется, совсем уверовал в собственную теорию.

Гарри проболтал с Ксавьером ещё несколько минут. Говорили они, конечно же, об их общей подруге: оба были ей сильно недовольны, пусть и по разным причинам.

Ближе к девяти вечера изгой стали появляться в белой одежде в тематику бала. Ученики, как и учителя, веселились: всюду был смех и разговоры; играла музыка. Впрочем, далеко не все шли на танцы по разным причинам: некоторым это было просто неинтересно, другие находили более развлекательные занятия.

Кент придирчиво разглядывал себя в зеркале. Даже тут, в коридоре, изгой не был уверен в том, насколько хорошо выглядит. До этого он больше часа заставлял Гарри выступать в роли судьи, перемеряя буквально каждую свою вещь, которая была хоть отчасти белой. Он даже попросил у него достать свои вещи — вдруг что-то из них подошло бы ему. В ответ Кент услышал, что у Гарри нет белых вещей от слова совсем, за что тот вознаградил его сочувствующим взглядом.

К ним подошла симпатичная девушка, судя по глазам — сирена. Она уверенно перехватила Кента за руку, увлекая в зал, где начинался бал. Друг успел кинуть Гарри единственное «спасибо», прежде чем его утащили.

Мимо Гарри прошли Ксавьер с Бьянкой. Красавица блистала необычным серебряным платьем, блёстки которого были похожи на чешую, да и художник не отставал. Правда, оделся он попроще: в простой смокинг. Ребята перекинулись друг с другом парой слов. Барклай посетовала на то, что Гарри решил не идти на бал.

Когда Гарри всё же решил скрыться, дабы не слушать возмущение своих знакомых и однокурсников по поводу его отсутствия на танцах, его успела перехватить мисс Торнхилл. Рыжеволосая женщина была одета довольно симпатично — только её красные туфельки резко контрастировали на белом фоне.

Так же, как и остальные, преподавательница мягко пожурила Гарри за его решение никуда не идти, на что он лишь пожал плечами, внутренне раздражаясь; кажется, лишь самые ленивые ничего ему не сказали по этому поводу. Особенно сильно к нему приставал Кент, который весь вечер только и говорил о танцах.

Между тем веселье потихоньку разгоралось. Приглашённый DJ — некий MC Кровосос чьё имя звучало забавно, если не знать о том, что он вампир — нагонял шум, врубив какой-то простенький, но качёвый мотивчик.

Стремясь как можно меньше привлекать к себе внимания, Гарри ушёл в другую часть здания — поближе к одному из входов в коридор, где обычно ходило очень мало народу. С собой он нёс портфель с единственной вещью внутри — дневником Дамблдора.

Уединившись в пустынном коридоре, он достал толстый блокнот, привычно дёрнул за застёжку, но она всё так же не поддавалась. Гарри уже несколько раз пробовал различные вариации пароля, который, несомненно, присутствовал, однако каждый раз ничего не получалось.

— Крестраж, — ни на что не надеясь, произнёс Гарри. Собственно, ничего и не произошло.

Он сел прямо на пол, подложив свой рюкзак в качестве подстилки. Даже здесь было слышно музыку, но хотя бы никто не ходил рядом. Отчего-то Гарри не хотел, чтобы хоть кто-то увидел у него в руках дневник бывшего директора Хогвартса.

— Профессор, дайте подсказку, — тихо взмолился Гарри, но мертвецы редко помогают живым.

Больше тридцати минут он пытался найти ключ к решению загадки. В конце концов Гарри дошёл даже до того, что начал перечислять все сладости, названия которых приходили ему на ум. Но ничего не выходило. В ярости он просто кинул дневник вперёд. Тот пролетел кусок коридора и, ударившись о противоположную стену, упал на каменный пол.

Гарри вытянул руку вперёд, пытаясь притянуть дневник телекинезом, но вместо этого он наоборот оттолкнул его, прижав к стене. Вздохнув, Гарри поднялся и подобрал ценную вещь, чтобы затем вернуться на место.

— Зачем вы оставили его мне, профессор? — Гарри откинул голову назад, уставившись в потолок. — Ради чего? Чтобы я узнал... что я — крестраж?

Застёжка едва слышно щёлкнула.

Гарри резко сел прямо, раскрывая дневник, но там ничего не было — лишь белые листы. Он несколько раз перелистал его целиком. Хмыкнув, Гарри уже хотел было достать ручку и начать писать в этой записной книжке, как он когда-то сделал с дневником Реддла, но буквы стали сами появляться на страницах.

«Том убил Лили и Джеймса. Остался только мальчик».

Слова быстро появлялись и моментально исчезали, растворяясь в белизне, как только Гарри их дочитывал. Чёткий со множеством завитушек почерк принадлежал Дамблдору.

«Внутри него кусок души Тома, но настолько маленький, что чрезвычайно трудно заметить. Пришлось провести несколько ритуалов для определения. Я никогда не думал, что душу можно поделить на такие...»

В этот момент на странице появилась чёрная клякса, как будто Дамблдор в момент написания крепко задумался.

«На такие маленькие кусочки. Это невозможно, если только он не создавал крестражи до этого».

Гарри вчитывался в каждую строчку. Он всё это и так знал, но ещё одно напоминание о собственной ущербности вызвало у него глухую злобу.

«И один из них должен погибнуть от руки другого, ибо ни один не может жить спокойно, пока жив другой, — так гласит пророчество. Мальчик должен погибнуть. Тогда умрёт и часть души Тома. Но убить его должен сам Том».

Сердце Гарри забилося с удвоенной силой, и он стал глубоко дышать; руки захлопнули дневник, и тот выпал из ослабевших пальцев. Но ненадолго. Справившись с собой, он вновь, уже нехотя, углубился в чтение.

«Заклинание Лили, наложенное ею перед смертью, было слишком слабо, чтобы защитить сына, но его хватило, чтобы повлиять на разделённого Тома. Только такой путь я вижу. Мальчик станет легендой в нашем мире, его нужно укрыть. Далеко от магии, далеко от магов».

В горле начало першить, а сердце само по себе пропустило несколько ударов; что-то чёрное и мерзкое расплзлось у Гарри в душе. Каждое слово, написанное здесь, ранило. Директор, которому он так доверял, писал сухо, подчёркивая лишь факты и свои мысли. Дамблдор как будто смотрел на шахматную доску, переставляя фигурки. От таких мыслей тугой обруч тяжёлых мыслей лишь сильнее сжимался вокруг головы Гарри, утаскивая в трясину мрачных эмоций.

Его руки начали мелко дрожать, но вряд ли он мог заметить это.

Дневник сам по себе перелистнул несколько страниц вперёд.

«Я передал Гарри его новой семье. Надеюсь, они покажут ему пример доброты и бескорыстия. Боюсь, только так мальчик сможет принять свою судьбу».

Гарри истерично засмеялся — он просто не мог больше сдерживаться. Горькая обида и злость захлестнули его с головой.

Раньше магический мир казался ему сказкой, добрым сном, где есть друзья и заботящиеся о нём люди, готовые прийти на помощь. Но хороший сон в последние годы стал превращаться в кошмар с таявшими на глазах шансами на хорошую концовку. С каждым прожитым месяцем положение становилось всё хуже, и как вишенка на всём этом: смерть Дамблдора и раскрытие его тайн.

Листы в дневнике снова зашлись безумным хороводом, пролистываясь вперёд сотнями, чтобы неожиданно остановиться чуть дальше середины. Почерк Дамблдора изменился: стал чуть более резким и не таким красивым, как в начале.

«Близится первый год Гарри в школе, мне нужно его подготовить — показать путь».

— Путь? Показать путь?! — Гарри прикусил губу практически до крови. — Путь к смерти? — прошептал он одними губами.

И, как ответ на его слова, в дневнике появились следующие строки:

«Путь к самопожертвованию во благо. Он поймёт и примет, когда придёт его время».

Но вряд ли эти слова могли что-то исправить или направить Гарри на нужный лад. Они лишь усугубили ситуацию.

Он увёл взгляд в сторону. Его начинало подташнивать, но не вернуться обратно к тексту было выше его сил. Даже сквозь омерзение, которое Гарри начал испытывать, стоило

дочитать всё до конца.

«Северус выступает против. Он не слышит моих доводов, но это неважно: у него нет выбора, клятва дана. Он поможет».

Гарри ещё долго читал дневник, продираясь сквозь сухие строки пояснений ко всей его жизни, которая оказалась распланированной пьесой под руководством Дамблдора. Директор писал об испытаниях, о том, что всегда присутствовал рядом, чтобы помочь. Писал о том, что дневник Реддла оказался первым крестражем — самым сильным из всех, но он всё равно был уничтожен руками двенадцатилетнего мальчика. Дамблдор много рассуждал о судьбе и влиянии на эту судьбу, о пророчестве и том, можно ли его разрушить.

Директор был умным и проницательным человеком, но он верил в единственный возможный путь для уничтожения Волдеморта.

Гарри не знал, как ему самому относиться ко всему этому. Чувства брали верх над его разумом, туманя мысли. Ему было горько и неприятно от осознания того факта, что всё, через что он прошёл, было распланировано заранее; что всё это было нужно только для одной задачи — заставить его вовремя умереть. Дамблдор знал всё это с самого начала, но ничего никому не сказал.

«Сириус Блэк может стать помехой. Он всеми силами будет сопротивляться самопожертвованию Гарри. Нельзя этого допустить. Надеюсь, что смогу его убедить в правильности этого поступка».

Гарри в отрицании покачал головой. Бродяга скорее умрёт сам, чем позволит умереть ему. Каким образом директор собирался убеждать Сириуса, он не понимал.

«Только Горащий знает, сколько всего крестражей существует. Два из них уни...»

Гарри не выдержал, и от нахлынувших чувств он подскочил на месте, швырнул дневник Дамблдора на пол и выхватил палочку. Пальцы сжимались со всей силы, грозясь переломить древесину; ему до ужаса хотелось применить *incendio* и просто сжечь чёртов дневник. В порыве гнева он едва думал о чём-либо, кроме своего желания забыть всё, что только что прочёл.

Но его отвлекло негромкое пиканье наручных часов: сработал будильник, сообщивший, что наступило одиннадцать часов. Примерно через пять минут Сириус должен был связаться с ним.

Гарри почти заскулил от нахлынувшей бессильной злобы, но всё же убрал волшебную палочку обратно в карман джинсов и подобрал дневник. Окружающие звуки, на время утихшие, снова ворвались в уши. На вечеринке начался последний танец, музыка ударила с новой силой. Ученики явно отрывались по полной. Гарри это не интересовало — у него слезились глаза и першило в горле, но хуже всего было из-за тугого комка, застрявшего где-то в солнечном сплетении.

На повороте из коридора, ведущего на выход, Гарри столкнулся с другим парнем. Их оттолкнуло друг от друга, и они застыли на секунду.

Гарри уже несколько раз видел этого чернокожего пацана в Джерико. Через секунду Гарри вспомнил вертевшееся на языке имя. Это был нормис — Лукас Уокер, сын мэра.

— Ты не похож на фрика... — начал парень. Кажется, он не хотел никого обижать, но слово вырвалось из его рта быстрее, чем он успел подумать.

— На фрика?! — Гарри отреагировал яростно, почти крича. Это напугало и насторожило Уокера; взгляд зелёных глаз выглядел практически безумным из-за лопнувших капилляров. — Нет, я не фрик! Я гораздо хуже! Я — чёртов монстр Франкенштейна! Урод,

годный только на то, чтобы сдохнуть!

Уокера неведомой силой вдавило в стену, отчего он даже пошевелиться не мог. Гарри остановился, тяжело дыша и не контролируя собственную силу.

— Лукас! — из дверей в конце коридора показались два парня. Они тут же направились к ним.

Гарри моментально развернулся и направился дальше по коридору. Если бы он был в нормальном состоянии, явно задался бы вопросом, какого чёрта в Неверморе забыли два нормиса, не приглашённых на бал. Но его сейчас мало волновали другие люди, и он быстро уходил подальше, чтобы не натворить дел.

— Всё нормально, — остановил своих друзей Уокер. Как только Гарри отвернулся от него, сила, вдавившая парня в стену, пропала.

— Он тебе угрожал что ли? — толстый пацан грозно сжал кулаки. — Да мы его...

— Не надо! — прикрикнул на них Лукас, явно опасаясь, что бешеный изгой может вернуться. — Всё в норме.

Трое парней посмотрели, как Гарри скрылся за поворотом, и, чуть понизив голоса, продолжили разговор.

В этот же момент Гарри остановился в нескольких коридорах от места, где едва не набросился на нормиса. Он прижался спиной к холодной стене, пытаясь выровнять дыхание; удавалось ему это с трудом, моральных сил почти не осталось, а ведь предстоял разговор с друзьями, во время которого ему бы очень не хотелось продемонстрировать свой разбитый вид. Гарри застонал от мысли, что придётся лицемерить. Врать своим лучшим друзьям ему совершенно не хотелось, но как заставить себя улыбаться, когда узнал, что был рождён для того, чтобы умереть?

Его отвлек громкий шум. Музыка стихла, но вместо неё разнеслись крики ужаса. Гарри, совершенно позабыв обо всём, рванул вперёд к главному холлу, где и проходил Вороний бал.

Ему навстречу бежали ученики под присмотром преподавателей. Все они были в крови, но никто ранен не был. Как такое было возможно, он пока что не понимал.

Гарри влетел в зал, едва не поскользнувшись на алом полу. Рядом со входом стояла недовольная мисс Торнхилл. Все белые декорации превратились в красные, а в воздухе начал разноситься едва уловимый запах краски. Привлекло внимание Гарри неожиданное падение Уэнсдей, которая была в красивом чёрном платье и невысоких туфельках на каблуках. Её держал на руках Тайлер, с которым Гарри познакомился во время посещения кафе Weatherwane. Парень хмурился, явно не понимая, что происходит с Аддамс. Впрочем, девушка вскочила буквально через секунду.

— Уэнсдей, с тобой всё хорошо?

Мисс Торнхилл заботливо бросилась к ученице, на что та совсем не обратила внимания, параллельно вырываясь из рук Галпина.

— Юджин! — Аддамс посмотрела сперва на преподавательницу, затем перевела взгляд на Гарри. Глаза её выражали скрытый ужас. — Юджин в лесу, он в опасности!

Более Уэнсдей ни на кого не смотрела. Она побежала вперёд, расталкивая столпившихся на входе учеников. Гарри бросил один единственный взгляд на большие настенные часы, которые показывали одиннадцать часов пять минут. Сейчас он должен был разговаривать с Сириусом и предвкушать встречу с друзьями, но судьба решила всё за него. Оттингер стал ему небезразличен, наверняка мальчика можно было назвать другом. Рон и Гермиона его простят, он был уверен. Так что Гарри более не думал, а бросился следом за

Аддамс, быстро её нагоняя.

Они вырвались из школы. Уэнсдей по пути скинула свои туфли, чтобы легче было бежать. Казалось, что ей стало совершенно всё равно на свои ноги, которые она разбивала о корни, камни и землю.

— Куда мы? — громко спросил Гарри у бегущей впереди Уэнсдей.

— К пещере, он где-то там!

Они мчались через лес, продираясь сквозь кустарники. Никаких тропинок или дорог тут не было, но лунный свет помогал не потеряться и не врезаться в дерево. Аддамс уверенно вела за собой Гарри, хотя ей сейчас было всё равно, кто за ней бежит.

— Юджин! — прокричала Уэнсдей, но ответа не было, зато в воздухе стал появляться запах гари.

Пещера монстра была кем-то недавно сожжена — от неё валил едва заметный дымок. Не останавливаясь, девушка побежала в другую сторону. Она по дороге не переставала звать Юджина, Гарри делал то же самое.

Наконец они остановились, прислушиваясь.

— Юджин! — ещё раз прокричала девушка, а в ответ они услышали громкий утробный рык где-то за деревьями.

Бесстрашная Адамс помчалась прямо туда, совершенно не беспокоясь о себе. Гарри, чертыхнувшись и достав палочку, бежал прямо за ней.

На крошечной поляне среди деревьев лежал Юджин, но монстра нигде не было видно. Уэнсдей упала на колени рядом с мальчиком, тело которого было располосовано когтями, но он был всё ещё жив, хоть и без сознания. Гарри несколько раз оглянулся, выискивая потенциальную опасность, но лес молчал.

Он сделал несколько шагов вперёд, рассматривая раненого Юджина, но помочь ничем не мог. Он банально не знал необходимых заклинаний, да и в целом не был уверен, что магия могла помочь при таких глубоких ранах.

— Господи! Он жив?! — Из-за деревьев выбежала мисс Торнхилл.

Гарри даже не заметил, что та всё это время бежала следом за ними.

— Да, — отозвалась Уэнсдей, пытаясь сделать хоть что-то, например, остановить кровь.

— Скорую! Вызывайте скорую! — пряча палочку, попросил Гарри.

Женщина, замешкавшись на несколько секунд, а после и вовсе выронив телефон из дрожащих рук, всё же набрала нужный номер.

Гарри присел рядом с лежащим Юджином и сидящей Уэнсдей. Их друг выглядел плохо: весь в крови с распоротым животом, кажется, Гарри даже видел кишки, отчего его замутило. Успел ещё где-то потерять свои очки. Аддамс не издавала ни звука, лишь её лицо стало бледнее, чем обычно, а глаза горели от внутренней злости. На кого направлена эта злость, Гарри понять пока что не мог.

— Что я могу сделать? — задал он вопрос.

Девушка бросила на Гарри один единственный взгляд и снова отвернулась, принявшись и дальше придерживать живот Юджина.

— Молись, если умеешь, — едва слышно посоветовала Уэнсдей.

Причитавшая, но никак не помогавшая преподавательница позади ребят здорово капала им на нервы.

— Почему он был здесь один? — тихо задал вопрос Гарри.

— Наверняка решил, что справится и без нас. — Уэнсдей не смотрела на Гарри,

зажимая рану своими руками и какой-то тряпкой. — Я говорила ему никуда не ходить одному, — зашептала Аддамс, практически оправдываясь.

— Я тебя ни в чём не обвиняю.

— А я и ни в чём не виновата, — злобно фыркнула девушка в ответ, хотя было видно, что она считает себя отчасти виновной в произошедшем.

Скорая приехала через несколько минут, побив все рекорды по скорости. Вместе с ней сюда же прибыли и несколько полицейских машин во главе с шерифом.

Медики аккуратно погрузили Юджина на носилки и унесли, в это время Гарри с Уэнсдей подверглись быстрому допросу.

На самом деле первой опросили преподавательницу, но женщина сослалась на то, что просто бежала за своими учениками, совсем не зная, куда они направляются, так что это заняло едва ли минуту. Гарри тоже быстро отпустили: он мало знал, но рассказал всё, что мог.

А вот с Уэнсдей всё немного задержалось, шериф даже хотел забрать её в участок, но всё же не стал. Он отвёл девочку в сторону и задал несколько вопросов. О чём они говорили, никто кроме них не знал.

Когда полиция уехала, они остались на поляне втроем. Учитель что-то быстро и нервно говорила, кажется, о Юджине и нападении, но никто её не слушал.

Гарри наблюдал за своей знакомой. Вся в красной краске, с руками по локоть в крови. Она была совсем не похожа на саму себя: плечи опустились, глаза смотрели в землю. Девушка казалась опустошённой и одинокой.

Задул ветер; в это время года по ночам было холодно, особенно в лесу. Гарри снял с себя пиджак и набросил его на хрупкие плечи Уэнсдей. Они оба молчали.

Гарри в ночь атаки на Юджина так и не рассказал Сириусу о том, что узнал из дневника Дамблдора, но поведал, что на его друга напали в лесу, из-за чего он не смог поговорить с Роном и Гермионой. К сожалению, из ответа Бродяги стало понятно, что больше подобного случая на разговор может не представиться, так как в тот момент в Хогвартсе находился прибывший с инспекцией от Министерства Кингсли. Именно благодаря ему возможно было связаться с ребятами. Это известие сильно расстроило и так порядком разбитого Гарри, хотя вида он старался не подавать.

Сегодня был родительский день, когда те приезжали в Невермор. Сириус, естественно, не мог пропустить такое событие и уже должен был прибыть.

Гарри почти не вслушивался в речь директора, поглядывая по сторонам. Столько людей, как сегодня, он ещё в замке не видел. Почти все ученики Невермора вывалились во дворик, а вместе с ними стояли и их родители. Семьи изгоев весьма сильно отличались друг от друга по многим факторам: внешний вид, манеры, поведение. Но самыми яркими, по мнению Гарри, были Адамсы, если в их сторону вообще можно применить такой эпитет, как «яркий»; что-то в них было особенное, привлекающее взгляд.

Гарри бросил взгляд на Инид и Уэнсдей, стоящих неподалёку. Девушки что-то негромко обсуждали между собой, а Уэнсдей бросала недовольные взгляды в сторону родителей и директора. Инид, судя по всему, тоже была не очень рада видеть свою родню.

Вскоре из арки, ведущей с внешнего двора, показался Сириус. Он шёл, о чём-то разговаривая с темнокожей женщиной в жёлтой одежде из кожи, наверное, крокодила. Бродяга тоже был при параде, но всё же не изменял своей традиции носить кожаные куртки с заклёпками и цепями. Гарри это казалось весьма грустным — как будто его крёстный пытался нагнать все упущенные годы, проведённые в Азкабане.

Женщина — похожая на Бьянку, по всей видимости, её мать — прикоснулась к руке Бродяги, и они остановились. Она негромко рассмеялась, что-то рассказывая, а вот улыбка с лица Сириуса исчезла. Он напрягся и что-то прошептал женщине в ответ, та отдернула свою руку, как будто обожглась. Сириус кинул напоследок какую-то фразу и быстро пошёл в сторону крестника. Женщина, вошедшая в Невермор вместе с Сириусом, так и осталась стоять на месте. Правда, улыбка её теперь выглядела не так натурально, как прежде. Она нечитаемым взглядом смотрела в спину удаляющегося Бродяги.

Директор Уимс закончила свою вступительную речь и, напоследок ослепительно улыбнувшись, сошла с помоста.

— Привет, Гарри. — Сириус хлопнул подростка по плечу. — Как ты? — Он намекал на произошедшее вчера в лесу.

— Привет. Я нормально, а вот Юджин в коме, — ответил Гарри, покачав головой.

— Мне жаль твоего друга. Монстра так и не нашли? — участливо спросил Сириус.

— Полиция... занимается этим делом, — нехотя произнёс Гарри. Ему совершенно не хотелось взваливать проблемы Невермора на плечи своего крёстного. — Что там произошло? — уводя тему в сторону, спросил он, кивая на вход в четырёхугольный двор.

— Сирена произошла, — фыркнул Сириус. — Попыталась завлечь меня в какую-то там «Песнь утра», применив свои способности.

— И ты не поддался?

В целом Гарри не удивился тому, что Бродяга смог превозмочь магию какой-то сирены. Он знал, что его крёстный сильный волшебник.

— Куда им до меня, — Сириус, дурачась, задрал нос, — я двенадцать лет боролся с влиянием дементоров. Да и слабенькие способности оказались у этой мадам. Даже делать почти ничего не пришлось, — честно признался он.

— Значит, сирены не такие уж и страшные?

Гарри всегда казалось, что именно способности сирен являлись одними из опаснейших. Лишь одним голосом заставить человека делать и чувствовать то, что им нужно...

— Не скажи, — отрицательно помотал головой Сириус, — я точно не знаю, но слышал, что сильнейшие из сирен куда опаснее империи. Они не всегда могут контролировать собственные силы, влияя на умы людей вокруг и даже не подозревая об этом.

— Сильнее империи, — повторил Гарри, и его передёрнуло от воспоминаний, когда лже-Грюм накладывал это заклинание на него самого.

— Ага, так что будь осторожней, — посоветовал Бродяга.

— Мистер Блэк! — окликнула Уимс Сириуса.

Высокая женщина, одетая в белоснежное платье, легко преодолев препятствия в виде учеников и их родителей, подошла ближе.

— Добрый день, мисс Уимс, — очаровательно улыбнулся Сириус. Он чуть склонился в поклоне и пожал протянутую руку.

— Рада видеть вас в Неверморе. — Директор, по своему обыкновению, широко улыбалась, показывая ровные белые зубы.

— Спасибо. Мне здесь нравится. Напоминает школу, в которой я учился, — поделился своими мыслями Бродяга.

— О да, конечно... не сомневаюсь, — кивнула Уимс и слегка прищурила глаза, пытаясь что-то разглядеть в Сириусе. — В любом случае хотела сообщить, что Гарри хорошо учится и прекрасно вписался в наш дружный коллектив.

— Прекрасно, — Сириус сжал плечо своего крестника рукой, — я не сомневался в своём сыне.

— Но также прошу вас поговорить с ним, — директор перевела взгляд на Гарри, не переставая дружелюбно улыбаться. — Хождение по лесу после отбоя и другие «приключения», — она сделала акцент на этом слове, — о которых ты, Гарри, в курсе, могут выйти боком.

— Мы спасли Юджина, — недовольно нахмурился Гарри.

— Да, благодаря вам с Уэнсдей мальчик действительно не погиб. Вы можете этим гордиться, — директор убрала улыбку с лица, — но этого бы не произошло, если бы он находился в школе, разве нет?

— Я поговорю с сыном, — вмешался в разговор Сириус и чуть подвинулся вперёд, загораживая крестника.

Ответить женщина ничего не успела — к подошло всё семейство Аддамс.

— Лариса, здравствуй! — мягко улыбнулась своей школьной подруге миссис Аддамс, директор растянула губы в ответ. — Мистер Блэк.

— Добрый день. — Кажется, Сириус был рад видеть Аддамсов, которые спасли его от неприятного разговора. Взрослые обменялись рукопожатиями.

— Мы вас не отвлекаем? — вежливо поинтересовался Гомес.

— Нет, мы закончили, — в ответ сказала директор, глянув на Сириуса. Тот кивнул. — Я

хотела с вами поговорить. Это касается Уэнсдей. Если вы не против, пройдёмте в мой кабинет.

— Замечательно, как раз хотела взглянуть на школьный альбом. Они всё ещё хранятся в кабинете директора? — спросила Мортиша, уходя следом за Уимс. Натянутая улыбка директора недвусмысленно показывала, что она не была рада завязавшемуся разговору.

— У них натянутые отношения, — поморщился Гомес, объясняя поведение Уимс. — Мы пойдём.

Сириус и Гарри посмотрели на уходящих от них изгоев и переглянулись.

— М-да, — прокомментировал состоявшийся разговор Бродяга. Он хотел ещё что-то добавить, но его перебил громкий вой.

Они развернулись, наблюдая, как одно из семейств оборотней, видимо, чрезмерно возбудились и завыли.

— М-да, — теперь отозвался Гарри на манер крёстного.

Сириус негромко хмыкнул и, отведя крестника чуть дальше, встал за одну из колонн.

— Ты и тут умудряешься нарушать все правила? — Бродяга был не очень доволен.

— Происходит что-то странное, я же не могу всё вокруг игнорировать, — насупился Гарри.

— Это дела изгоев, Гарри, а не волшебников. Ты забыл, что ты здесь прячешься?

— Какая разница, что они изгой? Они стали моими друзьями, — недовольно проговорил Гарри, сверкая глазами.

— Я понимаю, — примирительно поднял руки вверх Сириус, — но не забывай, зачем ты тут.

— И что, смотреть, как убивают людей? — Гарри с вызовом вздёрнул подбородок вверх, заглядывая в чёрные глаза крёстного.

В ответ Сириус неожиданно рассмеялся.

— Я помню этот взгляд, — он тепло улыбнулся, — никакие мои слова тебя не остановят, не так ли?

— Нет.

— И всё же постарайся не влипать в неприятности. Или хотя бы не привлекать к себе лишнее внимание. — Сириус замолчал на несколько секунд, но потом продолжил: — Чем займёмся? Я здесь на всё воскресенье.

— Нас ждёт неприятный разговор, — выдохнул Гарри и увёл взгляд в сторону.

— Сомневаюсь, что что-то может быть неприятнее разговора со Шмидтом.

Сириус перестал улыбаться и нахмурился. Выражение лица крестника его напрягло.

— Может, — грустно хмыкнул Гарри.

Гарри с Сириусом медленно шли по направлению к Джерико. День сегодня был солнечным; тёплые лучи пробивались сквозь кроны деревьев, нагревая землю.

Крёстный молча слушал рассказ своего крестника, не показывая никаких эмоций — лишь при упоминании самопожертвования он грязно выругался. Гарри не обратил на это никакого внимания, продолжив говорить без какой-либо интонационной окраски. У него было достаточно времени, чтобы прокрутить в своей голове все известные факты и свыкнуться с ними.

— Никакого самоубийства не будет, — твёрдо и чётко произнёс Бродяга, не терпящим возражений тоном.

— А если это единственный выход? — Гарри с интересом глянул на крёстного.

Сириус зло фыркнул и процедил сквозь зубы:

— Никакого. Самоубийства. Не. Будет.

— Это не тебе решать, — пожал плечами Гарри, как будто привыкнув к мысли, что ему придётся умереть.

— Именно мне! — рявкнул Сириус, останавливаясь.

— Спешу напомнить, что ты мне не отец, — с интонацией, присущей Уэнсдей, ответил он, складывая руки на груди.

Взгляд зелёных глаз столкнулся с чёрными; и Сириус, и Гарри смотрели друг на друга холодно. Никто из них не собирался отступить.

— Да, — ответил Сириус, ничуть не обидевшись на слова Гарри, — не отец. Но я несу за тебя ответственность. Пока я жив, ты не пойдёшь умирать за мир во всём мире.

— И что ты сделаешь? Запрёшь меня? — с сарказмом прозвучал холодный ответ Гарри.

— Если вынудишь...

— Блеск! — Гарри всплеснул руками, отворачиваясь.

Конечно же, он не верил, что его крёстный опустится до того, чтобы запереть его в комнате без окон и дверей. Сириус порой делал импульсивные действия, но быстро отходил.

— Если бы чёртовы маги дали отпор, а не прятались по своим норам, никакого Вол... ты-знаешь-кого и Пожирателей Смерти уже давно бы на свете не было, — высказался Бродяга, не выдержав. Эта мысль давно уже сидела у него в подкорке. — Так почему самый близкий мне человек должен умирать за них? Из-за пророчества? Да пусть тот, кто его произнёс, засунет эти слова себе...

Сириус замолчал, так и не договорив. Мимо двоих спорщиков прошёл один из учеников Невермора вместе с родителями. Они о чём-то весело разговаривали.

Бродяга медленно двинулся дальше, и Гарри не оставалось ничего другого, как пойти рядом. Они молчали, думая над одной проблемой.

— И что тогда делать? — Гарри всё же смягчился.

Такая яркая забота со стороны крёстного была ему очень приятна. Он не привык к такому отношению к себе со стороны взрослых. Теплота от слов и действий Сириуса приятной волной разливалась по телу.

— В таком вопросе нам вряд ли найти помощь в Англии, Америке или Европе, — подумав, ответил Сириус. — Единственный, кого я знал из людей, разбирающихся в подобных вещах, был доктор Шмидт, но до него теперь не дозваться. Возможно, стоит посетить восток.

Гарри нахмурился, поглядывая на крёстного.

— Ближний восток, — пояснил Сириус, правильно интерпретировав взгляд крестника.

— К арабам, что ли?

— В том числе, — кивнул Сириус. — Сомневаюсь, что там знают тебя, меня или о происходящем в Англии. У них там своих забот полон рот. Но никто, кроме них, не разбирается в подобных вещах так хорошо, — Бродяга взглядом указал на шрам на лбу крестника, — но у нас хотя бы есть то, что они любят, как и все остальные.

— Золото? — фыркнул Гарри, а Сириус в ответ ухмыльнулся.

— Много золота.

Уже за следующим поворотом показался Джерико. Небольшой городок сегодня был весьма многолюден из-за родственников учеников, понаехавших в школу; он был похож на растревоженный улей. Фиолетовую форму Невермора можно было заметить повсюду, как и разнообразных изгоев всех мастей.

Сириус и Гарри переглянулись и, пожав плечами, влились в толпу людей.

Вскоре они уже сидели в кафе за одним из столов. Сириус заказал себе простой чёрный кофе без сахара, а Гарри капучино.

— Помнишь, ты говорил, что вы едва не угодили в Азкабан. — Гарри совсем не хотелось продолжать тему с крестражем и Волдемортом, поэтому он увёл её в сторону далёкого прошлого: — Как это было?

Взгляд Бродяги затуманился, и Сириус уставился в окно. На его губах появилась улыбка.

— К окончанию Хогвартса я остался практически без ничего, — вспоминая, Сириус начал постукивать пальцем по деревянной столешнице, — дядя Альфард оставил мне свой дом и достаточно много денег, но я их быстро просадил. А жить на что-то надо было.

— Разве вы не поступили учиться на авроров? — задал вопрос Гарри, припоминая прошлое своего крёстного.

— Позже, — кивнул Сириус, — я к этому дойду. На седьмом курсе у меня не было ни денег семьи, ни самой семьи. А сидеть вечно на шее у твоего отца и его родителей мне быстро надоело. Надо было что-то придумать, — Сириус на этом моменте ухмыльнулся, — ну, я и придумал... возить контрабанду из Америки.

— Ты серьёзно? — глаза Гарри загорелись от любопытства.

— У твоего отца был такой же взгляд, когда я ему рассказал о своей задумке, — хохотнул Бродяга, — а вот Ремус отказался. Он уже тогда был очень правильным. Зато Хвост, вонючая помойная крыса, был увлечён этой идеей, хоть и трусил. Он же из бедной семьи, так что деньги были не лишними. В любом случае дело пошло. Сначала небольшие партии некоторых запрещённых ингредиентов...

— Подожди, — невежливо перебил его Гарри, — а как же вы всё это провозили?

— Маггловскими путями, конечно, — гордо улыбнулся Сириус, — это я придумал. Безразмерные сумки, несколько конфундусов — и дело в шляпе. Но много денег таким не заработаешь. Большинство магически насыщенных вещей не терпят, когда их помещают в заколдованные сумки, а те, что так возить можно, стоили едва ли с десятков галлеонов. При расчёте на четверых мы имели около нескольких галлеонов прибыли на человека, а это, прости, полная ерунда.

— Четверых? Но ты сказал, что Ремус отказался от затеи или... — Гарри осенило, — мама принимала участие?

— Все планы строила она, — громко захохотал Сириус, наблюдая за расширившимися от шока глазами крестника. — Без неё я бы никогда в жизни не разобрался, как покупать билеты на самолёт по интернету. До сих пор, честно говоря, не очень понимаю, что это такое. Остальные маги, могу тебя заверить, тоже ни черта в этом не смыслят, так что это идеальный способ перемещения для волшебников, которые не хотят, чтобы о них знали.

— Но...

— Чёрный кофе и капучино.

Подошедший Тайлер опустил на стол две чашки и приветливо улыбнулся Гарри. Они не были близкими друзьями, но были неплохо знакомы.

— Ах да, Тайлер, это мой отец — Сириус Блэк. А это Тайлер Галпин — мой друг, —

проявил вежливость Гарри.

Сириус приподнялся с места и пожал руку Тайлера. Была у него такая привычка, которую не очень хорошо понимали в Америке.

— Приятно познакомиться, сэр, — вежливо поздоровался Галпин.

— У тебя сильные руки, — похвалил парня Бродяга.

Гарри тоже пожал руку своего знакомого, соглашаясь с тем фактом, что руки у Тайлера оказались весьма сильными для его габаритов. Какая-то мысль посетила голову волшебника. Он едва было за неё ухватился, но был прерван. Галпина подозвали к другому столу. Он извинился и ушёл, а Сириус продолжил свой рассказ:

— На самом деле твоя мама очень не хотела, чтобы мы таким занимались, — отхлёбывая кофе, проговорил Бродяга, — но и оставить Джеймса она тоже не могла. Знаешь, — Сириус неожиданно грустно улыбнулся, — тогда я считал, что твой отец просто хотел приключений. Его из семьи никто не выгонял и денег было достаточно. Но теперь я понимаю, что он тогда ввязался во всё это только из-за меня. Я ведь отказывался принимать деньги от Поттеров как в долг, так и без повода. Думаю, Джеймс решил, что без него я пропаду. Но оказалось, что мы оба пропали бы без твоей матери. Твои родители были прекрасными людьми и очень хорошими друзьями.

Гарри отпил кофе, наблюдая за людьми вокруг, и слушал, что говорил крёстный. Он не знал о таких подробностях жизни своих родителей, и ему было безумно интересно. Детская уверенность в безгрешности родных людей у него уже давно прошла, и он отчётливо понимал, что у всех бывали тёмные истории в жизни.

— Я немного отвлёкся, — вздохнул Сириус. — Как уже говорил, с контрабанды мелких вещей нормальных денег не заработать. Только какие-то копейки в виде примерно десяти галлеонов. — Гарри в этот момент подумал, что некоторые семьи, например, Уизли, на такую сумму могут и месяц жить, но комментировать ничего не стал. — Надо было брать за рыбу покрупнее. Мы начали грабить... награбленное, — тут взгляд Сириуса чуть вильнул в сторону, но Гарри ничего не заметил, — Петтигрю в своей крысиной форме мог пролезть куда угодно, вызнать все тайны и рассказать их нам. Затем мы все вместе думали, как обставить дело. Ну и промышляли этим непродолжительное время. От чистого золота и драгоценных камней выходил порядочный выхлоп, так что деньги начали появляться.

— Подожди, — остановил Сириуса Гарри, — а награбленное куда девали?

— Гоблинам, — как само собой разумеющееся ответил Бродяга, — им вообще всё равно, откуда у магов золото или камешки, главное — чтобы они были настоящими. А всякие ингредиенты и прочую мелочь в начале пути мы сбывали в Лютном, впрочем, там платили за них треть от реальной стоимости.

Гарри покачал головой. Он никогда и подумать не мог, что его родители или крёстный могли заниматься чем-то подобным. Сириус понимающе хмыкнул.

— Мы были идиотами. Хотя нет, это я был идиотом. Джеймс увязался за мной, а Лили — за ним. Одна только крыса радовалась всему происходящему, — Бродяга едва не сплюнул от презрения к бывшему другу, — и я радовался. Кровь, наверное, у меня такая. Порченная. — Сириус не дал крестнику вставить ни слова и быстро продолжил: — Даже Ремуса я умудрился подставить. Ему пришлось соврать и придумать нам алиби. Неприятная сложилась тогда история.

Бродяга одним глотком допил кофе и замолчал. Гарри, так и не услышав конец истории, решил подбодрить Сириуса:

— И чем всё закончилось?

— Да чем-чем, — недовольно буркнул Бродяга, — связались не с теми людьми. Нас с Джеймсом едва не убили. Потом все американские авроры увязались за нами, и мы тогда только чудом избежали тюрьмы. Ты-знаешь-кто усилился, Ордену Феникса нужна была наша помощь, и мы не могли летать в Америку так часто, как раньше. Ну и Лили забеременела, так что...

Сириус замолчал, глядя в окно на проезжающие машины и проходящих мимо людей.

— По крайней мере, всё закончилось хорошо.

Гарри даже не знал, что и думать. Сириус горестно вздохнул, покачал головой и с отвращением к самому себе добавил:

— Я просил Джеймса вернуться, Гарри. Даже когда Лили была беременна тобой, — Сириус говорил это с надрывом, — мне так хотелось снова окунуться в этот мир погонь и крови. Бурда в моих жилах буквально пела, когда мы занимались грабежом и контрабандой. Мы с Джеймсом сильно поссорились, но потом я всё-таки извинился. И он предложил пойти учиться на авроров, ведь кто лучше бывших преступников будет ловить других преступников?

— Сириус... — Гарри хотел сказать что-то ободряющее, но Сириус прервал крестника движением руки и закончил свой рассказ:

— Я оказался плохим человеком, который думает только о себе. Хуже того — ещё и отвратительным другом.

Бродяга так и не повернулся к Гарри, смотрящему на него со смесью жалости и понимания.

— Зато ты стал самым лучшим крёстным, — твёрдо парировал Гарри.

Наконец Сириус взглянул в зелёные глаза и не нашёл там ни отвращения, ни гнева. Бродяга улыбнулся уголками губ.

— Я знаю, что ты умный парень и не последуешь нашему примеру. У тебя не только глаза матери, но и её ум и доброта. Пойдём.

Сириус поднялся, быстро расплатился за две чашки кофе, оставил щедрые чаевые, и они вдвоём пошли на выход.

Больше никаких серьёзных или сложных тем в разговорах не поднималось. Они прогулялись по Джерико, зашли в несколько магазинов, по пути снова встретив Аддамсов, а ближе к обеду вышли на главную площадь города. Статуя Крэкстоуна представляла из себя жалкое и одновременно пугающее зрелище: огонь обглодал медь, заставив её потечь и изуродовать лик древнего пилигрима.

— Печальное зрелище, — проговорил Сириус, поморщившись.

— И не говорите, — поддержал Бродягу женский голос позади.

Они развернулись, снова встречая директора Уимс, хотя Гарри мог поклясться, что он её не видел, когда они выходили на площадь. Директор со скрытой злостью смотрела на исковерканную статую.

— Как жаль, что виновного так и не нашли, — она бросила нечитаемый взгляд на Гарри, как будто он мог знать, кто это сделал.

Гарри, к своему удивлению, мог назвать имя сотворившего это злодеяние — наверняка это была Уэнсдей. Уимс он ничего говорить не собирался, но та, кажется, и сама догадывалась, кто бы это мог быть.

Разговор с директором выдался достаточно пресный. Она явно кого-то ждала и просто

коротала время за диалогом с Сириусом. Гарри, по своему обыкновению, не встретал и стоял спокойно. Уимс посоветовала им не опоздать на ланч в школе.

Вскоре человек, которого дожидалась Уимс, объявился. Это был мэр Джерико. Она извинилась перед ними и быстрыми широкими шагами направилась к нему.

Сириус с Гарри переглянулись и решили последовать совету директора Невермора, тем более, что до фуршета оставалось всего тридцать минут, за которые они должны были успеть дойти до школы.

Тихая лесная дорога потихоньку сменилась на громкий шум от сотни человек.

Четырёхугольный двор был заставлен длинными столами с угощениями, вокруг которых толпились изгой. Гарри покрутил головой, осматриваясь. Как он и ожидал, каждый набирал себе еду, подходившую ему по видовой принадлежности. Собственно, тут и еда была специально для каждого вида. Обратни предпочитали едва обжаренное мясо с кровью с минимальным количеством овощей и зелени. Сирены обожали морскую рыбу, мидии, кальмаров и креветок. А вот горгоны ели то же самое, что и обычные люди. Правда, Гарри успел заметить, как Аякс засовывает кусочек мяса под свою шевелящуюся шапку, отчего его передёрнуло. Вампиры сидели под заботливо расставленным тентом, прячась от солнца и потягивая кровь из специальных упаковок, похожих на обычные соки. Аддамсы, находившиеся тут тоже, ели вполне обычную еду: Мортиша наложила себе немного салата и брокколи, Уэнсдей как будто в противовес матери взяла мясо, а вот Гомес с сыном положили себе всего и сразу, наполнив тарелки до отвала.

Гарри взял себе хорошо обжаренный бифштекс и немного картофеля, а Сириус ограничился только бифштексом, но слабой прожарки. Место им досталось рядом с изгоями, у которых отсутствовали лица. Как назывался их вид, Гарри не знал, а спрашивать ему было стыдно: он же тоже как бы изгой, так что должен знать. Он вежливо улыбнулся, присаживаясь за стол. Так же поступил и его крёстный.

За соседним столиком расположилось всё семейство Синклер, прямо за спиной Сириуса оказалась Инид. Гарри хоть и не обладал слухом оборотней, но всё равно расслышал неприятную перебранку между блондинкой и её матерью.

Инид откинулась на спинку стула, а потом повернулась. Гарри заметил её удивлённый взгляд и расширившиеся ноздри — она принюхивалась к запаху Сириуса. Заметив, что Гарри спалил её за этим занятием, Инид покраснела и отвернулась. Поразмышлять об увиденном ему не дали.

Высокие двери, ведущие во двор, запахнулись, и внутрь хлынули несколько полицейских, которых вёл за собой уже знакомый Гарри шериф. Замолчав, изгой замерли как по команде. Полицейские прошли дворик в полной тишине, направляясь к Аддамсам.

Седеющий мужчина не скрывал своего удовольствия, предъявляя обвинения в убийстве отцу Уэнсдей. Он заковал его в наручники и вывел со двора под гробовое молчание присутствующих тут изгоев. Гарри наблюдал, как многие сидящие начинали источать гнев одними глазами, но были бессильны что-либо предпринять.

Мортиша молча наблюдала, как её любимого мужчину уводят. Уэнсдей совсем не поменялась в лице, хотя глаза её начали мерцать от внутренней угрозы, направленной прямо на шерифа Галпина. Один лишь Пагсли окликнул отца, но тот ничего ответить не успел.

Как только увели Гомеса, изгой начал тихо общаться между собой, обсуждая произошедшее.

Не говоря ни слова, Сириус поднялся со своего места и пошёл к Мортише, положившей руку на плечо сына. Гарри подошёл следом, но успел услышать лишь половину от того, что говорил его крёстный:

— ...если вам нужно внести, как это называется... — Бродяга пощёлкал пальцами, пытаясь вспомнить нужное слово, — залог.

— Нет необходимости, Сириус, — ответила Мортиша, натянуто улыбаясь. Её глаза были влажными от подступивших слёз, но она всё же сдерживалась. — Пока что внести его нельзя.

— Если я могу чем-то помочь, — Бродяга развёл руками, — обращайтесь.

— Большое вам спасибо за участие.

Миссис Аддамс кивнула им и пошла на выход из Невермора, Пагсли и Уэнсдей последовали за ней. Дочь Аддамсов лишь успела бросить на Гарри красноречивый взгляд, но что конкретно он означал — было непонятно.

— Если бы я женился на подобной женщине, мать бы простила мне все прошлые грехи, — ни к кому конкретно не обращаясь, произнёс Сириус. — И будущие тоже

Гарри промолчал. Он не разбирался в том, какую девушку сочли бы родственники его крёстного достойной для продолжения их рода.

— Давай доедим, — пробормотал Сириус.

Гарри в это время думал немного о другом.

— Может, мы сможем им помочь?

— Гарри, — Сириус развернулся, глаза его были серьёзными, — прекрати брать на себя все проблемы этого мира.

— Но...

— Никаких но. В этой ситуации мы ничего сделать не можем и лезть не должны, — твёрдо сказал Бродяга. — Уверен, Аддамсы сами справятся со скелетами в своих шкафах. Всё, что мы могли сделать, — это предложить помощь, не больше.

Гарри недовольно что-то пробурчал. Семья Уэнсдей была ему симпатична. Да, возможно столь явное проявление эмоций на публике — какое демонстрировали Мортиша и Гомес — его смущало, но он верил в их любовь. И верил в их искренние чувства к своим детям. Когда-нибудь он хотел бы достичь подобного взаимопонимания со своей будущей супругой.

Спорить с крёстным по вопросу Аддамсов Гарри не хотелось совершенно, так что он смирился, пусть и далось ему это с трудом: порой комплекс героя не давал ему нормально жить.

Через полчаса обед благополучно закончился, хотя настроение, что у изгоев, что у Сириуса с Гарри, было не таким уж и хорошим — в основном из-за произошедшего с Гомесом. Но жизнь не вертится только вокруг семейки Аддамс, так что люди разбрелись по округе кто куда и снова начался более-менее весёлый галдёж.

Гарри провёл для Сириуса небольшую экскурсию по школе. Бродяга каждый раз забавно качал головой, когда его крестник показывал что-то из маггловских технологий, которые успели ускакать далеко вперёд, пока он сидел в Азкабане. Они заглянули и в комнату Гарри, где оказался Кент, с которым он познакомил Бродягу. Через десяток минут они напоролись на одинокого Ксавьера, к которому никто не приехал, так что художник коротал время

наедине со своим скетчбуком. Они втроём разговорились, и, кажется, Торпу понравился Сириус. По крайней мере, Ксавьер поддерживал лёгкий трёп с интересом. Хотя, что уж тут говорить, Бродяга при желании мог и самого Дьявола очаровать.

Сириус и Гарри успели посетить пасеку, которая выглядела покинутой и одинокой, остро реагируя на отсутствие Юджина.

— Никогда не думал, что ты станешь пчеловодом, — прокомментировал Сириус, рассматривая стройные баночки с мёдом.

— «Жужжащие» был единственным клубом, где находился только один участник. Потом нас стало трое: я, Юджин и Уэнсдей. Ты же говорил, что надо не привлекать к себе внимания, вот я и подумал... — попытался объяснить свой выбор Гарри.

— Да ладно, так и скажи, что хотел ничего не делать, — подколот его Бродяга. — Сомневаюсь, что ты прилежно ухаживаешь за пчёлами.

Гарри всеми силами попытался опровергнуть слова крёстного, но получалось у него это из рук вон плохо, судя по собачьему фырканью на каждый аргумент.

День проходил лучше, чем того ожидал Гарри, но всё равно потихоньку клонился к концу.

Они медленно шли по одной из множества лесных тропинок, направляясь в сторону поляны, где сейчас проходил пикник, организованный администрацией школы. Они и не собирались заходить на луг — просто прогуливались рядом.

Разговор шёл о семье Сириуса. Бродяга поведал о славных (больше в негативном ключе) временах Блэков. Он сам был воспитан на таких рассказах своей невероятно суровой, по его же словам, матери. Блэки были многочисленны, сильны и внушали почтение каждой из магических семей магической Британии. Семейное древо ветвилось, разрастаясь вширь, пока не стало редеть. Первые из двадцати восьми стали угасать. Они потеряли связь со всеми родственниками из других стран, а частые браки между состоявшими в родстве друг с другом чистокровными семьями привели к печальному исходу.

— Безумие, мрак и смерть, — равнодушно подвёл итог своему рассказу Сириус. — И остался только я, послед... — Он резко замолчал, прислушиваясь.

Гарри остановился. Он ничего не слышал, зато вскоре увидел: по тропинке, ведущей с луга, где как раз и проходил пикник, к ним навстречу быстрым шагом направлялась Инид. Девушка, как всегда, была одета в разноцветные тряпки с превалирующим розовым цветом. Только Инид не улыбалась, а зло смахивала слёзы с глаз.

Завидев их, подруга Гарри застыла на секунду, но потом подошла и первой поздоровалась. В ответ Гарри познакомил её с Сириусом, обозначив его как своего отца. Они не стали задавать вопросы по поводу слёз Инид, за что она была благодарна.

— А вы на пикник? — поинтересовалась она с присущей ей непосредственностью.

— Нет, просто прогуливаемся, — ответил Гарри.

— Присоединишься? — Сириус заразительно улыбнулся, и оборотень несмело улыбнулась в ответ.

— Если не помешаю, — скромно потупилась Инид, что на неё совершенно не было похоже.

— Не помешаешь, — уверенно заявил Бродяга, — так будет даже веселее, да, Гарри?

— Конечно, — сказал Гарри и кивнул, поддерживая их собственной улыбкой. Всё казалось таким, каким и должно было быть.

Дальше путь продолжали втроём. Сириус много шутил, улыбался и рассказывал весёлые

истории из жизни, опуская некоторые магические моменты. Инид совсем не ожидала такого от отца своего друга и иногда кидала нечитаемые взгляды на Гарри.

Под напором весёлого Сириуса хандрить становилось невозможным, и Инид, не выдержав, стала такой же, как и всегда. Она много рассказывала о Неверморе и изгоях, а в ответ расспрашивала об Англии. Уже через пять минут она впервые — очень несмело — назвала Бродягу по имени, зато через десять спокойно обращалась к нему только как к Сириусу и никак иначе. Он перестал казаться ей старше. Девушка видела перед собой не умудрённого жизнью человека, а такого же молодого парня, лишь по ошибке угодившего во взрослое тело.

— Нравится какой-нибудь мальчик? — неожиданно спросил Сириус. Пока до замерших в ступоре мозгов ребят доходил вопрос, Бродяга хлопнул своего крестника по плечу. — Смотри, какой у меня сын. Настоящий герой, да и симпатичный вроде, а?

Гарри и Инид моментально залились краской с головы до ног.

— Я-я-я... — Инид начала заикаться, совсем не зная, как отвечать. Мозг выдавал только какую-то белиберду или фатальные ошибки.

— Отец... — змеёй зашипел Гарри, едва не назвав крёстного по имени. Он был чрезвычайно смущён и растерян.

Наблюдавший за их лицами Бродяга захохотал от всей души, неосознанно добавляя лай и подвывания. Для посторонних людей искренний смех Сириуса казался странным, но Инид как будто слышала в этих звуках что-то своё. Она всё ещё была смущена, но глаза её странно блестели, когда Инид смотрела на Бродягу.

Ещё несколько минут Гарри и Инид не могли смотреть друг на друга, чтобы не начать краснеть.

Гарри ругал себя в мыслях. Он ведь сражался с тёмными волшебниками, много раз едва не погиб, а теперь смущался от какой-то глупой шутки.

Подходя ближе к реке, они всё так же непринуждённо общались между собой, перебрасываясь шутками и историями. Затем Инид замерла, к чему-то прислушиваясь, а через секунду остановился и Сириус. Гарри в непонимании завертел головой, но до него доносились звуки курлыканья каких-то птиц на ветке, да шелест листьев на деревьях. Зато он практически ощущал, как его крёстный и подруга напрягают свои уши.

— Это петарда? — наконец спросил Сириус у Инид, а она в ответ отрицательно покачала головой.

— Граната Ф-1, — безошибочно определила она, услышав повторный взрыв не так далеко.

Гарри в удивлении вздёрнул брови, смотря на подругу, затем перевёл взгляд на крёстного, встретив у него в глазах такое же изумление.

— Посмотрим? — вдруг весело спросил Бродяга, улыбаясь как в то время, когда ему самому было лет семнадцать.

Ребята отказываться не стали, но повела их всё-таки Инид: у неё был лучший из всех троих слух. Вскоре тройца уже выглядывала из-за ближайших кустов, взирая на причал, где сидели Уэнсдей и Пагсли, которые негромко разговаривали, время от времени кидая гранаты в воду. После каждого взрыва всплывали оглушённые рыбы.

Сириус прикоснулся к плечам подростков, и они вернулись на дорожку, решив, что не стоит портить момент для брата и сестры.

Вскоре солнце уже недвусмысленно показывало, что собирается садиться за горизонт, и

Сириус решил, что прогулке пора заканчиваться. Инид этому явно не обрадовалась, как и Гарри. Но делать было нечего.

Подходя ближе к Невермору, она всё-таки поделилась с Сириусом и Гарри своей проблемой: рассказала о сложностях в взаимоотношениях с мамой, которая никак не хотела смириться с тем, что дочь до сих пор не может обратиться и стать «нормальной».

Гарри и Сириус лишь покачали головами на такую проблему, и Инид поняла их жест правильно — они просто не хотели обсуждать чужую семью. Но её такой исход разговора явно не устраивал, так что она спросила прямо:

— Что бы вы делали в этой ситуации? — Инид в ожидании чуть наклонила голову.

Сириус ненадолго задумался, как бы ответить на такой деликатный вопрос, но потом мягко улыбнулся и произнёс:

— Слушай своё сердце. Оно не обманет.

На самом деле Бродяга не знал, как ответить, так что решил ограничиться весьма банальной фразой. Гарри лишь кивнул. Ему также было сложно что-то добавить к вышесказанному.

Троица вышла к парковке, где как раз родители прощались со своими детьми. Солнце уже успело практически сесть, так что всё вокруг заполонил приятный полумрак, разгоняемый светом уличных фонарей.

Они остановились. Крепко задумавшаяся Инид наконец вынырнула из своего разума и огляделась, выискивая своих родителей. Они как раз выходили из Невермора в сопровождении братьев девочки.

— Слушать сердце, я запомню.

Она повернулась, и её взгляд встретился с чёрными глазами Сириуса. Щёки Инид неожиданно вспыхнули румянцем. Она глубоко вдохнула и быстро протараторила что-то на прощание, а затем сбежала к семье.

По взгляду Сириуса сложно было понять, о чём он думал. Он помотал головой и повернулся лицом к парковке. В это время Гомес как раз целовал свою дочь в щеку, а та была не особо этому рада... наверное. По каменной физиономии Уэнсдей тяжело было определить, радуется она или грустит.

Конечно же, Сириус не преминул напомнить своему крестнику, что, как он и говорил, Аддамсы прекрасно справились и без их помощи.

Вскоре подошло и их время прощаться. Сириус вертел в руках шлем, стоя рядом с новеньким мотоциклом.

— Тот взорвали через неделю после того, как я оставил тебя в Неверморе, — пояснил он.

Это заставило Гарри задуматься над тем, через что пришлось пройти Бродяге, пока он относительно безопасно находился в школе.

— Держи зеркало под рукой, — напоследок сказал Сириус, залезая на свой байк.

Его крёстный не очень любил долгие прощания.

— Будь осторожен, — в ответ грустно посоветовал Гарри.

— Улыбнись, Гарри. Мы же не навсегда прощаемся. — Бродяга широко ухмыльнулся, но вышло у него это кривовато.

Сириус завёл мотоцикл и медленно покатился вперёд, стараясь не создать аварийной ситуации на дороге — сейчас здесь был весьма большой поток выезжающих машин.

Гарри перевёл взгляд со спины крёстного налево: перед воротами Невермора стояла

Инид, что смотрела вслед уезжающему Сириусу. Вокруг оборотня крутился Аякс, но та не обращала на него никакого внимания, трогательно прижимая руки к груди.

Неожиданная мысль заставила Гарри поперхнуться, и он очень тихо прошептал себе под нос:

— Надеюсь, это не то, о чём я думаю.

Как относиться к такой дикой мысли, он не понимал, хотя та упорно не хотела уходить из его головы.

Гарри подождал, пока мотоцикл его крёстного скроется за рядами деревьев, и побрёл обратно на территорию школы. Мимо ходили довольные ученики. Каждый был рад сегодня встретить своих родственников.

Он что-то почувствовал и напрягся; в тот же момент совсем рядом, на лужайке, вспыхнул огонь. Разрастаясь, тот приобрёл очертания букв. Гарри как замороженный смотрел на предложение, и большинство учеников делали то же самое.

— С неба прольётся огонь, — прочитал кто-то из толпы.

На грани слышимости хлопнула дверь прямо над головой Гарри, и он повернулся: на балконе, что примыкал к кабинету директора, стояло двое человек. Они, как и остальные изгой внизу, взирали на огненные буквы. Это были Уимс и Уэнсдей. Последняя держала в руках тяжёлый большой альбом в чёрном переплёте. Директор была растеряна, но в её глазах плескалась нешуточная злость на людей, которые устроили это огненное представление.

Всё затихло, школа потихоньку вернулась в обычный ритм жизни. Близились экзамены и конец учебного года, казалось, что ничего более страшного произойти не должно. Поиски виновного в поджоге лужайки не увенчались успехом. Невермор погрузился в тишину, но Гарри ощущал, как сгущаются тучи; что-то должно было произойти в скором времени. Загадки решатся, и тайное станет явным.

После родительского дня Инид частенько провожала взглядом Гарри, когда думала, что тот её не замечает. Он был на грани уверенности, что подруга влюбилась в его крёстного, и эта мысль его смущала. Инид пару раз пыталась заговорить о чём-то, но постоянно не находила в себе сил, сводя тему разговора к погоде или учёбе. Гарри был готов сражаться с тёмными магами и чудовищами, распутывать загадки школы изгоев, десятки раз за день прыгать в трансгрессии, спасая свою жизнь, но разговор о любви со своей подругой пугал его. Особенно если речь шла о любви шестнадцатилетней школьницы и тридцатилетнего мужчины.

В среду, после обеда, Ксавьер остановил Гарри в коридоре. Художник держал в руках вырванный из тетрадки лист. Они обменялись рукопожатиями, и Торп протянул ему бумажку. На ней был изображён Сириус в профиль. Ксавьер рисовал только чёрным цветом, и получалось у него это очень хорошо. Бродяга выглядел на рисунке как живой.

— У твоего отца запоминающееся лицо, — пожал плечами Ксавьер.

Торп направил свою руку на рисунок, и тот начал двигаться. Нарисованный Сириус повернулся и, заглянув в глаза крестнику, широко улыбнулся, показывая ровный ряд зубов с удлинёнными клыками.

Художник ожидал увидеть восхищение его способностями, но Гарри нельзя было удивить движущимися фотографиями или картинами. Однако он всё равно похвалил своего однокурсника.

Не вовремя проходившая мимо Инид застыла как вкопанная, уставившись на рисунок в руках Гарри. Нарисованный Сириус в это время повернулся обратно и застыл как в самом начале.

Ксавьер посмотрел на Инид недоумевающе. Она уже много раз видела, как он применял свои способности. Чему она удивлена на этот раз, Торп не понимал.

— Очень круто, — ещё раз сказал Гарри и сложил лист два раза. — Извини, — бросил Гарри художнику, затем повернулся к Инид и, схватив не сопротивляющуюся подругу за руку, отвёл в сторону.

Ксавьер проводил их странным взглядом, явно ничего не понимая, но что Гарри, что Инид сейчас было не до него.

— Инид, Си... отец старше тебя на двадцать лет, — решил взять быка за рога Гарри, но в данном случае скорее оборотня за клыки.

Инид не ожидала такого напора от обычно спокойного Гарри.

— Я-я... не понимаю... ты... ты не так всё понял, — растерялась девушка и начала заикаться.

— Всё я понял правильно, — Гарри закатил глаза. — Ничего не получится, Инид.

— Ну да, — она говорила едва слышно, так что парню приходилось напрягать свои уши, чтобы услышать её шёпот. — Твоя мама, ну и... наверное...

— При чём тут мама? — Гарри недоумённо нахмурился. — Род... мамы не стало много лет назад.

Никакого плана на разговор у него не было, так что Гарри несколько раз едва не проговорился. Назвать Сириуса по имени было бы странно.

— Я не... — Обычно пышущая жаром и энергией Инид трепала край своего пиджака, не зная, куда деть руки. — В общем, ты не так понял и это не твоё дело, вот, — чуть более уверенно проговорила она, но смотрела девушка куда угодно, только не в зелёные глаза Гарри.

— Это моё дело, — недоумённо фыркнул Гарри в ответ, — это же мой отец. — Его глаза расширились, кое-что вспоминая. — Ты же встречаешься с Аяксом...

— Мы расстались, — пискнула Инид и, попытавшись увести тему в сторону, проговорила: — Я разговаривала с мамой, и у оборотней... — она замолчала.

— Что?

— У оборотней рождаются только оборотни, — наконец Инид заглянула в глаза друга, но не нашла там того, чего искала. Гарри просто не понимал, к чему она это сказала. Пока он раздумывал, Инид вытянула вперёд руку и спросила: — Дашь рисунок?

Гарри на автомате протянул сложенную вдвое бумажку. Инид выхватила её и быстро-быстро начала удаляться. Он окрикнул её, но всё было без толку. Подруга лишь ускорила, убегая в сторону женского общежития.

— И что делать? — спросил он, ошеломлённо всплеснув руками, но вопрос повис в воздухе и остался без ответа.

Всю первую половину четверга Инид избегала Гарри как только могла, а когда он подходил ближе — она убегала, оставляя его на растерзание ребят, спрашивающих, что происходит. Такое положение дел его бесило, пока он в конце концов не плюнул, решив, что оно того не стоит. Ну, влюбилась Инид в крёстного — это её проблемы. Он просто махнул рукой, ничего более не предпринимая.

Полчаса назад Гарри вернулся из Джерико после посещения Юджина. В отличие от Уэнсдей, он не зависал у друга каждый день, но заходил проверить несколько раз в неделю. Он не очень верил, что его слова как-то помогут другу выздороветь, но Уэнсдей явно так не думала, постоянно отлучаясь в город.

Инид нашла Гарри в четырёхугольном дворе и с горящими глазами начала рассказывать свою идею по поводу предстоящей пятницы. Конечно же, она не забыла упомянуть, что все знакомые с Уэнсдей ребята согласились на эту идею. Оставался только Гарри.

Ни рисунок, ни разговор она не упоминала, вообще делая вид, что ничего не случилось и всё осталось как прежде. Хотя Гарри всё равно заметил, что она волнуется при разговоре с ним. Однако он твёрдо решил оставить чувства самой подруге и не лезть в них.

— Сюрприз с тортом для Уэнсдей? — не поверив свои ушам, Гарри повернулся, едва сдерживая саркастичную улыбку.

Инид светилась от переполняющей её энергии. Было видно, насколько сильно она верит в эту идею и хочет порадовать свою подругу.

— Всё будет здорово! — заявила улыбающаяся Инид. — Торт будет состоять из какао и самого горького шоколада, который только можно найти. Я знаю, ей понравится.

Что понравится Уэнсдей, знала только сама Уэнсдей, ну, или какой-нибудь особо отчаянный чёрт из ада, — так подумал Гарри.

— Дизайн торта сделал Ксавьер. Мы его уже заказали, придёт к вечеру. — Инид восприняла молчание Гарри как сомнение, так что приняла решение завалить его ненужной информацией: — Собираемся в полночь на острове Ворона, в склепе Крэкстоуна, — на этом моменте подруга несколько стусевалась, — впервые в жизни вижу, чтобы кто-то был рад праздновать свой день рождения на чьей-то могиле.

— Ну, хоть не нужно раскапывать его тело, — пожал плечами Гарри, раздумывая, насколько такая идея в действительности понравилась бы их общей подруге...

— Это было бы в её стиле, — пробурчала под нос Инид, поёжившись. Кажется, перспектива раскапывать тела её не вдохновляла. — О, так ты согласен? Замечательно! — она от радости несколько раз хлопнула в ладоши.

— А что насчёт рису...

Как только Инид поняла, что хотел сказать Гарри, она его моментально перебила:

— Полночь. Склеп Крэкстоуна. Пока!

— Сбежала, — констатировал Гарри, наблюдая, как подруга вприпрыжку убегает в другую сторону.

Уже вечером, после отбоя, Гарри выбрался из своей комнаты и направился на причал. Кент, который тоже должен был идти на праздник в честь дня рождения Уэнсдей, смылся куда-то ещё до отбоя. Гарри предполагал, что тот пошёл с какой-то девушкой и, как галантный джентльмен, решил ей помочь с чем-нибудь. Например, с переправой на другую сторону.

Под покровом ночи Гарри реквизирует одно из множества каноэ, стоявших рядом с причалом, и уже через десять минут слезал с него. Остров Ворона встретил его мёртвой тишиной и темнотой. Тут не было ни одного фонаря, а тропинки, проложенные учениками и бог знает кем, практически не угадывались. Луна была единственной помощницей, хоть как-то освещавшей округу. Гарри, естественно, не взял с собой фонарик: он настолько привык к магии, что просто не подумал об этом.

Гарри знал, что он пока что один на всём острове, ведь пришёл сюда примерно на тридцать минут раньше, чем нужно. Он хотел поговорить с крёстным, с которым общался пару раз в неделю в оговоренные часы. Сейчас как раз и был такой час.

Несколько раз споткнувшись о корни, торчавшие из земли, Гарри всё-таки нашёл склеп. Тот торчал между деревьями каменным памятником прошлому. Заходить в него Гарри не стал — лишь присел не так далеко, опёршись спиной о ближайший дуб. Отсюда прекрасно было видно вход и тропу. Наверное, любой другой на его месте испытывал бы дискомфорт от нахождения в тёмном лесу в одиночку, но Гарри всегда был чрезвычайно смел, осознавая, что нет на свете монстра страшнее человека. Палочка в кармане джинсов дарит уверенность в собственных силах; в конце концов он знал, что сможет отбиться от любого неприятеля.

— Сириус? — негромко позвал Гарри, заглядывая в зеркальце.

Ему пришлось подождать около минуты, прежде чем Бродяга показался на свет. Волосы у него были мокрые, видимо, он только что вышел из душа. Крёстный сбрил свои усы и стал как будто на пару лет моложе. Его чёрные глаза блестели, рассматривая крестника.

Они разговаривали, обмениваясь последними новостями. Но Гарри мало чего мог рассказать — только о своих успехах или неудачах в учёбе. А вот Сириус имел в своём

распоряжении один занимательный факт:

— В общем, если тебе придётся применить магию — тебя отследят где-то за полчаса, но скорее всего раньше. И они стали накладывать купол диаметром в несколько миль, мешающий трансгрессии, — Сириус придурковато улыбался, а глаза его горели от пережитых воспоминаний.

— Откуда ты знаешь? — с подозрением спросил Гарри.

— Провёл эксперимент, — не сдержавшись, Сириус хохотнул. Его крестнику же было не до смеха. — Да всё нормально, — махнул рукой Бродяга, — я был готов к их появлению, так что макнул их в дерьмо по самую макушку. Буквально. — Сириус был весел и вовсю улыбался, вспоминая своё приключение.

— Не делай так больше, — искренне попросил Гарри, внимательно разглядывая лицо своего крёстного на предмет каких-нибудь последствий столкновения с врагами.

— Не буду, — чуть серьёзней ответил Сириус.

Дальше Гарри рассказал о влюблённости Инид и о происшествии с рисунком. Сириус никак не отреагировал, кажется, его эта информация даже не удивила. Гарри предположил, что Бродяга понял это, ещё когда он в последний раз был в Неверморе.

— Пройдёт, — немного помолчав, всё же прокомментировал Сириус. — В вашем возрасте влюбляются во всё, что движется. А то, что не движется, — двигают и тоже влюбляются, — Бродяга осклабился.

— Она рассталась со своим парнем и стащила у меня твой рисунок, — несколько недовольно сказал Гарри.

— Нет тут ничего удивительного. Посмотри, какой я красавчик! — Бродяга искренне веселился. — Влюбилась и влюбилась. Был бы я женщиной, и встретить я самого себя мужчиной... — он присвистнул, — подростковая влюблённость — ненадёжная и скоротечная, так что не парься. На седьмом курсе у нас преподавала Мари Дюбуа. Молодая, красивая, француженка! Мы с ней...

Слева, в недосыгаемости зеркала, на Гарри смотрели мёртвые белые глаза. Чёрные зрачки, бледная кожа, светлые волосы. Он видел её лишь боковым зрением и не мог точно сказать, на кого та была похожа. Призрак замер в опасной близости десятка сантиметров, не шевелясь и не моргая.

Гарри не дёрнулся — лишь продолжал улыбаться, слушая, как крёстный рассказывал о своих любовных похождениях на старших курсах Хогвартса.

По его спине пробежали мурашки, а сердце пропустило несколько ударов, но лишь глаза с максимально расширившимися зрачками показывали, как он был напряжён.

Слова крёстного ушли в какой-то серый шум; замершее на несколько секунд сердце с бешеной скоростью начало качать кровь, кажется, его стук можно было услышать невооружённым слухом.

Гарри хохотнул, криво ухмыляясь. Кажется, Сириус у него что-то спросил, но крестник едва ли мог сказать, что это был за вопрос. Бродяга нахмурился, замечая, что с ним что-то не так. Гарри чуть наклонил голову, переложил зеркало из правой руки в левую и потянулся освободившейся конечностью к карману джинсов, где как раз лежала волшебная палочка. Призрак был упущен из виду, и когда Гарри обернулся, держа своё главное оружие наготове, — рядом никого уже не было.

— Гарри, всё хорошо? — обеспокоенно спросил Сириус.

— Да, — односложно ответил Гарри, всё ещё оглядываясь и выискивая необычного

призрака, но его уже нигде не было.

С тропы, ведущей к склепу, послышался шум. Гарри ясно различил голос Кента.

— Что происходит? — задал вопрос Сириус.

— В полночь Уэнсдей исполнится шестнадцать, так что мы решили собраться и поздравить её. Ребята подходят, — объяснил Гарри, пряча палочку в карман.

Сириус расслабился, выдыхая. Ему показалось, что Гарри был напуган и насторожен, но всё вроде бы уже успокоилось.

— Тогда пора прощаться, — проговорил Бродяга.

— Будь осторожен, — кивнул Гарри.

— Как и всегда, — Сириус подмигнул крестнику и исчез из зеркала.

Гарри поднялся с земли, ещё раз оглянулся в поисках призрака, но всё было чисто. Он отряхнул свою одежду и вышел к друзьям.

— Решил посидеть в одиночестве? — Кент держал в руках небольшой чёрный торт. Завидев друга среди деревьев, он улыбнулся.

— Типа того, — отозвался Гарри, осматривая пёструю компанию изгоев.

Ребят было пятеро, не хватало только Инид, но та должна была привести Уэнсдей. Они разошлись по небольшой полянке, иногда переговариваясь между собой, но никто не оглядывался и не удивлялся. Как понял Гарри, они уже бывали в этом месте.

— В общем, — вперёд вышел Аякс, — спрячемся за могилой Крэкстоуна и напугаем именинницу, как вам идея?

— Скорее повеселим, — откликнулся стоящий рядом Ксавьер.

— Уже хорошо, — кивнула Йоко.

На том и договорились. Инид и Уэнсдей должны были скоро прибыть, так что караулить гостей отправилась вампирша, так как она лучше всех ориентировалась ночью и умела очень быстро бегать. Аякс спрятал торт за ближайшим деревом, упомянув, что Инид должна его занести позже.

Склеп изнутри выглядел весьма впечатляющим, хоть и был заброшен. Паутина, пыль, лунный свет, мертвец... идеальное место для такого человека, как Уэнсдей. Особо выдающимся был, конечно же, гроб, стоявший в центре главной комнаты, на который лился лунный свет, выделяя на общем фоне.

— Видимо, крутой был мужик, этот Крэкстоун, — присвистнул Аякс, оглядываясь.

— Ты здесь никогда не был? — в удивлении поднял бровь Кент.

— Рядом. В сам склеп не заходил, — отозвался Аякс, проводя пальцем по надгробию и стирая с него приличный слой пыли.

— Ладно, давайте спрячемся. — Торп осветил фонариком по лицам ребят, заставляя их сморщиться и недовольно заворчать.

Они расположились за гробом в ожидании. Несколько минут ничего не происходило, пока Гарри не задал вопрос:

— Ты же в ссоре с Уэнсдей? — он обращался к художнику, сидевшему рядом.

— Да, он решил так с ней помириться, — вместо Ксавьера ответил Кент.

— Ага, герой-любовник, — вставил свои пять копеек Аякс.

Два парня одновременно осклабились. Торп фыркнул и хотел было уже что-то ответить, но дверь в склеп распахнулась и внутрь вбежала Йоко.

— Идут!

Ребята притаились, правда, Кент что-то беззлобно шепнул, когда на него сверху

навалилась вампирша, за что получил тычок локтем в бок.

— Не пихайся, — проворчал сирена, и рядом с ним послышался возмущённый вздох.

— А ты убери руки с моей задницы! — Йоко зашипела как кошка, показывая клыки, но в такой темноте едва ли парень что-то заметил.

— Это твоя задница? Я думал, колени...

Наверняка девушка хотела что-то ответить. Гарри даже услышал, как она набрала воздух для длинной тирады, но их перепалку прервал Ксавьер:

— Т-ш-ш-ш, — художник приложил палец к губам, призывая к молчанию.

Через несколько секунд дверь снова отворилась и внутрь, судя по шагам, зашла одна Уэнсдей. Гарри видел на стенах пляшущий круг света от фонарика подруги, которая приближалась к гробу, озираясь по сторонам и выискивая потенциального врага.

Наконец Уэнсдей громко и отчётливо произнесла угрожающую фразу. Гарри заметил проскользнувшую улыбку на губах Ксавьера. Торп первым же и встал, выходя вперёд, а за ним потянулись остальные, напевая:

«Happy birthday to you,
Happy birthday to you,
Happy birthday, dear Wednesday,
Happy birthday to you».

Подбежала Инид с чёрным тортом и наверху в виде Смерти с косой в одной руке, а розовым шариком в другой; и она и торт светились. Первая потому, что была рада сделать сюрприз своей подруге, второй — от вставленных в него бенгальских огней.

Уэнсдей никаких эмоций не проявила: как стояла с каменным лицом, так и продолжила стоять. Зато ребятам вокруг было весело. Наконец она обратила своё внимание на Вещь, который и разболтал, когда у его хозяйки день рождения.

Вскоре Уэнсдей переключилась на выгравированную на стене надпись. Она прочла её вслух, а затем протянула свою руку и притронулась к холодному камню — через пару секунд девушка лежала на руках у Ксавьера, словив очередной приступ. Но никто особо не успел испугаться: в забытьё она провела едва ли меньше времени, чем когда падала в объятия Ксавьера.

— Что ты видела? — обеспокоенно поинтересовался Торп, выпуская Уэнсдей из кольца своих рук.

— Ворота.

Уэнсдей ничего больше не сказала, а просто смотрела на Гарри странным взглядом, практически не моргая.

Ребята вокруг закопошились, полились вопросы, но она их упрямо игнорировала, отвечая односложно или не отвечая вовсе. Уэнсдей была сосредоточена на собственных мыслях, но для неё это было вполне обычное состояние.

Окончание небольшого праздника было смазано неприятным инцидентом в виде очередного видения именинницы, но все всё равно попробовали торт. Даже Уэнсдей съела небольшой кусочек, хотя и пробормотала, что предпочла бы шевелящуюся пищу. За исключением Инид и Йоко, обладавших выдающимся слухом, никто эту фразу больше не услышал. Сами же девушки переглянулись между собой и предпочли никак это не комментировать.

Такой же пёстрой компанией они вернулись в Невермор. Ксавьер всю дорогу пытался вывести Уэнсдей на разговор, но та его не слушала и отвечала невпопад, глубоко

погрузившись в собственные мысли.

Перед самой школой, когда ребята уже расставались, Уэнсдей схватила Гарри за руку и отвела его в сторону. Её совсем не интересовало, как это выглядело для остальных. Он не сопротивлялся и примерно догадывался, о чём пойдёт речь. Всё странное происходящее в школе для изгоев неизменно было связано с его темноволосой подругой. Они отошли достаточно далеко, чтобы их тихий разговор не был услышан оборотнем или вампиром.

— Призрак. Ты видел призрака, не так ли? — без рассусоливания спросила Уэнсдей, сверкая чёрными глазами.

— Откуда ты знаешь? — скрывать Гарри было нечего, да и она уже всё знала, так что он решил не врать.

— Её имя — Гуди. Гуди Аддамс.

— Потрясающе, — проворчал Гарри, — в следующий раз скажи ей, чтобы она не пыталась пугать людей.

— Она предельно ясно выразила мысль, что изгой, как и нормисы, её не видят. Лишь потомки семьи Аддамс, — не обратив на просьбу друга никакого внимания, продолжила Уэнсдей.

— Значит, я потомок? — удивился Гарри.

— Исключено, — фыркнула в ответ Уэнсдей. — Её могут увидеть только Аддамсы. И колдуны.

— Не понимаю, о чём ты, — быстро отреагировал Гарри и пошёл в сторону к ждавшим их друзьям, которые переговаривались между собой, время от времени поглядывая в их сторону.

Уэнсдей молча двинулась следом, а в её глазах можно было заметить искорки, увидев которые родители сказали бы, что их любимая и единственная дочь радуется новой загадке.

— О чём разговаривали? — невинно поинтересовался Ксавьер. Кажется, он слегка приревновал.

— О предках, — буркнул в ответ Гарри, который недовольно поморщился и пошёл по направлению к мужскому общежитию, но перед этим бросил напоследок: — Всем пока.

— Подожди! — окликнул Гарри его сосед по комнате. — Увидимся завтра! — попрощался с остальными Кент и побежал догонять так и не остановившегося друга. Тот настолько крепко задумался, что даже не услышал окрика.

Гарри плохо спал. Мысль о том, что его тайну раскрыли, не давала ему покоя. Ждать от Уэнсдей можно было чего угодно.

Несмотря на вызубренный учебник по окклюменции, в периоды стресса кошмары возвращались. Затуманенные и нечёткие, но всё такие же неприятные. Однако в этот раз ничего по комнате не летало, а сам Гарри не метался в бреду, неразборчиво бормоча под нос боевые заклинания. По крайней мере, теперь он не беспокоил остальных ночными телепатическими концертами.

Утром связаться с Сириусом не получилось. Наверняка крёстный Гарри был занят чем-то важным, раз не смог появиться в магическом зеркале. Гарри не очень хотел связываться с Бродягой, так как понимал, что тот, скорее всего, после того, как услышит новости, просто заберёт его из Невермора, но и не рассказать о том, что секрет раскрыли, было нельзя.

Инид со своей влюблённостью быстро отошла у Гарри на задний план. Впереди оказалась новая, гораздо более важная проблема.

Так как Бродяга не отвечал, Гарри решил взять всё в свои руки и поговорить с Уэнсдей. Возможно, даже раскрыть пару секретов, например, кто он и от кого бежит. Быть может, даже из школы не придётся уходить. Но, как назло, перехватить Уэнсдей в школе не получилось. Инид сказала, что та ушла в город, и Гарри знал, куда именно.

Оказалось ровно так, как он и думал: подруга была в палате Юджина. Она что-то ему говорила, но замолчала сразу же, как только почувствовала, что в палату вошёл кто-то ещё. Уэнсдей, по своему обыкновению, сидела на приличном расстоянии от больничной койки. Она обернулась и оглядела пришедшего друга нечитаемым взглядом.

Гарри молча прошёл вперёд и присел рядом с Юджином на единственное свободное место.

— Привет, — поздоровался он.

Обычно Гарри рассказывал находившемуся в коме Оттингеру школьные новости и происшествия, иногда о пасеке. Если бы Юджин мог говорить, наверняка он бы высказал и Гарри, и Уэнсдей, что они рассказывают ему одно и то же, сами того не понимая.

— Зачем ты туда полез, Юджин? — Гарри вздохнул. Уэнсдей продолжала молчать. — Прямо как кое-кто лезет в чужие тайны, — не сдержавшись, добавил он, краем уха услышав недовольный вздох.

— Я не просила у Гуди рассказывать о чужих тайнах. — Уэнсдей возмущённо чуть наклонила голову в сторону. — Она сказала, что ты опасен.

— Значит, ты думаешь, что я монстр? — Гарри прищурился, оглядывая подругу.

— Нет. Но ты колдун. Не знаю, кто из вас опаснее, — предельно честно ответила Уэнсдей.

— Тогда почему не рассказала Уимс? Она бы меня выкинула из школы в тот же момент, как информация дошла бы до её ушей, — Гарри повернулся, рассматривая подругу.

— Ты искренне беспокоишься о Юджине. Ты помогаешь и пытаешься меня спасти. Какая разница, кто ты: нормис, изгой или колдун?

— Какая неожиданная толерантность.

— Это Америка, — пожала плечами Уэнсдей. — Я никому ничего не скажу, но если ты думаешь, что все остальные идиоты и не смогут догадаться, то ты глубоко ошибаешься.

— Я не давал никаких поводов сомневаться в себе, — неуверенно отозвался Гарри.

— Ты не понимаешь. Изгой всегда отличит изгоя. Я заметила ещё в первое наше знакомство, что ты не такой, как все. На заправке, если помнишь. — Гарри на слова Уэнсдей нахмурился, размышляя, что мог сделать не так. — Но я списала это на твой телепатический дар. Подумала, что это он так на тебя влияет. И твой отец. По нему сразу видно, что он изгой.

Гарри негромко хмыкнул на эти слова, притронулся к руке Юджина и пошёл на выход.

— Утром я разговаривала с матерью, — продолжала Уэнсдей, — она сказала, что где колдун, там и горе для изгоя.

— Тогда почему ты ещё рядом? — с капелькой иронии поинтересовался Гарри, останавливаясь в дверях.

— Я не верю в предрассудки. К тому же я родилась в пятницу, горе для других — счастье для меня.

— Оставь свою маску для кого-то другого, — вспыхнул Гарри, а после указал на

лежащего в коме друга, продолжая: — Вот. Настоящее горе для Юджина и его родителей. Чувствуешь счастье?

Уэнсдей промолчала. Гарри подождал ответа несколько секунд, покачал головой и вышел из палаты, чтобы моментально натолкнуться на обеспокоенный взгляд доктора Кимботт. Психиатр стояла перед дверьми с букетом роз и слышала окончание диалога.

— У вас всё хорошо? — ласково спросила женщина.

— Всё потрясающе! — съязвил Гарри и, более не оборачиваясь, пошёл дальше.

Через час проходившего мимо четырёхугольного двора Гарри поймала Бьянка. Девушка держала в руках дорогой фотоаппарат и успела щёлкнуть на него Гарри, запечатлев его недоумённое выражение лица. Барклай предложила сфоткаться вместе с остальными. Глаза её хитро блестели, когда она указывала на ребят, столпившихся рядом с фонтаном. Не слушая никаких возражений, сирена подхватила его за руку и отвела в общую толпу. Все ученики, находившиеся тут, были хорошо знакомы Гарри, так что он почти не сопротивлялся.

— Вон! — Йоко, стоявшая среди толпы, указала на выходящую из дверей Уэнсдей.

Глубоко задумавшись, она шла на выход из Невермора, не обращая внимания на окрики. Наперерез ей поспешила Бьянка. Девушки говорили о чём-то несколько минут, кажется, Барклай упрашивала Уэнсдей сфотографироваться с ними. Та поддалась спустя десяток секунд, видимо, решив, что так будет быстрее, чем вести спор с сиреной, и они вскоре подошли к остальным.

Если бы Уэнсдей не была так задумчива, рассуждая на тему загадки ворот, которые ей в видениях показала Гуди, то наверняка бы заметила, что на общей фотографии будут только члены общества «Белладонна». И сама Уэнсдей вместе с Гарри. Но ей было не до глупых фоток, так что она замерла, передавая своё угрюмое настроение одними глазами.

Уэнсдей и Гарри разместили ровно в центре, а вокруг них собрались остальные ученики. Бьянка поставила фотоаппарат на специальную треногу, выставила таймер перед снимком и побежала к остальным.

Когда фото было сделано, Уэнсдей быстро отошла от остальных и, уже собравшись уйти по своим делам, всё же остановилась и подозвала Гарри.

Он подошёл ближе. Его слегка жгла совесть за то, что Гарри наговорил в палате Юджина, но пока что он всё равно не собирался извиняться.

— Ты видел это? — Уэнсдей никак не упомянула их предыдущий разговор, лишь протянула вперёд руку, в которой лежал сложенный вдвое листок. Гарри развернул его и внимательно посмотрел на изображённый рисунок ворот, затем отрицательно покачал головой. — Ясно, — равнодушно прокомментировала она и забрала лист обратно.

— Куда ты теперь? — поинтересовался Гарри.

— Схожу в студию к Ксавьеру. Может, он знает, — спустя пару секунд раздумий поделилась планами подруга.

Гарри проводил взглядом удаляющуюся ровную спину в чёрном пиджаке.

До самого вечера он больше не видел и не слышал Уэнсдей.

На ужине прозвучали слова Уимс, заставившие всех учеников недовольно бурчать:

— Так как некоторые наши ученики очень любят встречать в неприятности, на

некоторое время привилегия доступа в Джерико отменяется, — сухо улыбнулась директор.

Естественно, сразу после ужина все знали, что виновата в этом Уэнсдей, которая каким-то неизвестным образом оказалась втянута в нападение на мэра города. Но вот она сама как будто не замечала ни разговоров, ни неприятных взглядов остальных изгоев. На самом деле ей действительно было всё равно, что о ней думают или говорят.

Через несколько часов, уже под самый отбой, Гарри нашла вездесущая Уэнсдей, которая поделилась с ним планом посещения особняка Гейтсов. Гарри поразился, насколько подруге всё равно на саму себя — её же могут исключить. А вместе с ней ещё и тех, кто в этом примет участие.

— Сможешь к одиннадцати выбраться к главным воротам? — наконец спросила Уэнсдей.

Гарри припомнил постоянные хождения по Хогвартсу, за коридорами которого следили не в пример лучше, чем за маленьким Невермором.

— Да.

— Тогда встретимся там, — кажется, участие Гарри не обсуждалось, — у ворот будет ждать водитель Uber.

— Нас выгонят из школы, — всё же не преминул добавить он.

— Если поймают, — парировала Уэнсдей.

— Тебе мало приключений?

— Я не прошу и не заставляю. Можешь не идти, — пожала плечами она и ушла в сторону своего общежития, оставив Гарри скрипеть зубами в одиночестве.

К назначенному часу выбраться из школы оказалось просто.

Как и обещала Уэнсдей, перед воротами действительно стояла машина. Гарри даже заметил, как в неё сели две девочки: одна в чёрном, другая в розовом.

Гарри открыл заднюю дверь и забрался на пассажирское сиденье. Его встретили две пары удивлённых глаз.

— Тайлер подрабатывает в Uber? — с сарказмом спросил Гарри.

— Ты и ему сказала, что я просто водитель? — Галпин перевёл ошарашенный взгляд на Уэнсдей.

— А что тебе сказала Уэнсдей? — спросила недовольная Инид у Гарри.

— Что мы едем в особняк Гейтсов, — пожал плечами он в ответ, — а вам?

— Девичник.

— Свидание.

— Ладно, — протянул Гарри. Наконец его внимание привлекли странные шарфы на подругах. — Что за вязаные капюшоны?

— Хватит вопросов, — замогильным голосом отозвалась Уэнсдей. — Езжай, — это она уже приказала Тайлеру.

Инид с Гарри переглянулись, и он осознал, что некоторые вопросы лучше не задавать.

От Невермора до дома семьи Гейтс было ехать недалеко — примерно минут десять, не нарушая скоростной режим. В дороге ребята преимущественно молчали, Инид пыталась пару раз завести разговор, но никто её в этом начинании не поддержал.

Заброшенный участок при лунном свете навевал неприятные ощущения. Витые ворота сплошь заросли густым плющом, и их не позволяла открыть толстая цепь с большим амбарным замком. Уэнсдей решила проблему входа деликатно: взломала замок с помощью отмычки. Зная её, никто не удивился такому необычному навыку.

Гарри на этот раз всё-таки прихватил с собой небольшой фонарик, и ему не приходилось каждый раз спотыкаться обо все лежавшие на дороге камни.

Инид, шедшая рядом с ним, была не слишком рада идеи посещения старого особняка. Она тихо поскуливала каждый раз, когда её фонарь выхватывал из темноты особенно страшные, как ей казалось, фигуры. Тайлер и Гарри страха не показывали никак, и если второй просто с одиннадцати лет привык к постоянной опасности, то вот от нормиса-бармена такой храбрости никто не ожидал. Впрочем, как подумал Гарри, возможно, тот просто храбрился перед Уэнсдей, к которой испытывал тёплые чувства.

Они быстро пересекли двор и остановились перед гаражом — таким же заброшенным, как и дом. Затем по очереди попытались открыть ворота: сначала Уэнсдей, потом Гарри и, наконец, Тайлер. Ни у кого из них не получилось. Галпин даже предположил, что выломать их будет невозможно, пока в дело не вступила Инид. Из-за лёгкой нервозности она не рассчитала силы и вместо того, чтобы просто сломать замок, чуть не вырвала дверь из петель, поразив этим Тайлера, в глазах которого промелькнуло уважение.

В гараже оказалась та же машина, которая сбила мэра. Инид моментально струхнула и предложила сделать самую логичную в этой ситуации вещь: позвонить отцу Тайлера и дождаться шерифа.

— Чтобы меня выгнали из Невермора? Этому не бывать, — сказала как отрезала Уэнсдей.

Гарри с ней был согласен. Его никто не обещал отчислить, но и злить Уимс лишний раз не стоило, учитывая, что та и так проявляет к нему повышенный интерес. Да и в целом он не очень доверял незнакомцам и тем более полиции... даже волшебной, уже не говоря о маггловской.

Вскоре они покинули гараж, не найдя там ничего интересного, и переместились в дом. Поскуливавшая от напряжения и страха Инид пыталась не отходить от своей подруги. Одной рукой она сжимала фонарик, отчего пластмасса жалобно потрескивала, а другую выставила вперёд, в любой момент готовясь выпустить когти.

— Это ночь моей смерти, — проговорил Тайлер, входя в дом и осматриваясь.

Гарри тоже вертел головой во все стороны, но ничего интересного вокруг не наблюдалось: лишь пыль, разруха, плесень и паутина.

Глаза Уэнсдей, что шла впереди их небольшой компании, горели огнём интереса, а мысли наполнились догадками; именно в такие моменты она ощущала себя живой.

Ребята пытались не издавать лишних звуков, хотя это и не было важно, учитывая, что всё вокруг заливал свет их фонарей.

В семейной библиотеке, увешанной множеством трофеев животных и портретами

членов семьи Гейтс, Уэнсдей — а кто ещё это мог быть — нашла спрятанный алтарь за полками с книгами.

— Как в дешёвых детективных романах, — хмыкнул Гарри, разглядывая портрет Крэкстоуна, под которым стояли свечи, а вокруг было написано несколько надписей кровью.

— У кого дома нет своего жуткого алтаря, правда? — нервно хихикнула Инид.

Уэнсдей проверяла пальцами свечи, параллельно отвечая на вопрос подружки, что у её семьи он находится в гостиной. Расширившиеся в удивлении глаза Галпина стоило видеть — к такой информации парень явно готов не был.

— Они ещё тёплые. — Уэнсдей оглядела друзей. — Так. Гарри, Тайлер, на вас первый этаж. Мы на второй.

Когда девочки ушли по лестнице вверх, нормис ещё несколько секунд рассматривал портрет, подсвечивая его фонариком, а потом развернулся и дружелюбно спросил у Гарри:

— Разделимся?

Честно говоря, Гарри не очень хотел разделяться: по большей части ему было боязно за Тайлера, ибо тот никак бы не смог защититься от противника, а вот он защитить бы смог. Но чем быстрее они осмотрят это место, тем быстрее смогут уйти, так что он кивнул, одобряя идею Галпина.

— Если что — кричи, — проговорил Гарри.

В ответ Тайлер криво ухмыльнулся. Кажется, перспектива спасения изгоем-телепатом его не впечатлила.

Гарри пошёл в другую сторону дома, аккуратно ступая на дряхлые доски, которые скрипели под каждым его шагом. По пути ему встретила кладовка с остатками какой-то уже много лет назад сгнившей еды и множеством законсервированных банок, в которых уже ничего нельзя было разглядеть. Столовая, где, судя по сантиметровому слою пыли на всех поверхностях, никто не бывал как минимум с десятков лет. Над головой Гарри послышались шаги и удивлённый окрик Инид, зовущей Уэнсдей посмотреть на что-то интересное.

— Что там?! — прикрикнул он, направляя фонарик на потолок.

— Комната! Здесь кто-то живёт! — послышался ответный крик от Инид.

— В этом доме кто-то может жить? — пробормотал он себе под нос, с отвращением взирая на разруху и запустение вокруг.

— Бегите! Он здесь! — заорал Тайлер из противоположной части дома; его голос захлебнулся в рыке монстра.

Едва слышно шепча ругательства, Гарри побежал к выходу из столовой, перепрыгивая поваленные стулья. Выскочив в коридор, он увидел только фонарик, который валялся на выходе из библиотеки, как будто Тайлер из неё даже не выходил осматривать дом. Но думать о чём-то, кроме огромного горбатого монстра, Гарри едва ли мог. Чудовище, освещаемое светом фонаря, застыло напротив лестницы. Оно собиралось подниматься, но неожиданно оказавшийся рядом Гарри отвлек внимание существа.

— Привет, горба... — Договорить или поднять палочку он не успел — Гарри совсем не ожидал, что двухметровая туша монстра может двигаться настолько быстро и проворно.

Тварь преодолела разделявшие их с Гарри несколько метров меньше чем за секунду и, выбросив вперёд одну из своих непропорционально длинных рук, с силой ударила его в грудь. Негромко вскрикнув, он отлетел на добрые три метра назад в одну из комнат, которая была пройдена пару минут назад.

Палочка вылетела из рук Гарри, отскочила от стола и, множество раз перекрутившись в

воздухе, пропала в открытом окне.

— Чё-ё-ё-ёрт, — тихо протянул Гарри.

После сильнейшего удара, что пришёлся ему на грудь, он получил шок диафрагмы и не мог нормально вдохнуть. Чудовище вошло в комнату. Выпавший из рук Гарри фонарик хорошо освещал и его, и вход. Монстр оскалился. Он радовался, предвкушая убийство.

Гарри вытянул свои руки, направляя их раскрытыми ладонями прямо на чудовище, вкладывая все оставшиеся силы в магию. Послышался хлопок, как будто выстрелили из пушки — и двухметровый урод отлетел назад, снося своим горбом стену над дверным проёмом. На этом полёт монстра не закончился, и тот с грохотом врезался в стену коридора, оставляя на ней огромную вмятину. Упав на все четыре конечности, он замотал головой и негромко зарычал. Кажется, ему было больно.

— Бегите! — заорал что есть сил Гарри.

От девочек на втором этаже слышались ответные крики, но разобрать, что они имели в виду, Гарри уже не смог.

Чудовище поднималось, с его рта капала пена. Монстр был в ярости от того, как его швырнули. К Гарри вернулись силы, и он, подскочив на месте, запрыгнул на стол, а с него — в окно, туда, куда минутой ранее вылетела палочка.

Он в последний момент смог сгруппироваться и ничего себе не сломать, хоть грудная клетка и рёбра всё ещё ныли. Монстр за ним в окно не полез: слишком маленький проём был. Так что он просто переключился на другие цели и побрёл к лестнице.

Гарри почти два десятка секунд искал свою палочку и лишь по воле судьбы нашёл её под ближайшим строительным мусором. Без фонарика, выпавшего в доме, это действительно можно было считать чудом.

Когда он уже решил бежать в дом на помощь Уэнсдей и Инид, то услышал странный свистящий звук, а затем приглушённый грохот где-то в подвале дома, словно туда упал лифт. Криков девочек больше не было, но Гарри отчётливо слышал рычание и тяжёлые шаги монстра, идущего с лестницы вниз.

— Подвал! — прошептал сам себе Гарри и, прижимая одну руку к болевшей груди, начал оббегать дом, выискивая либо вход, либо окно.

Окно действительно имелось — небольшое, но проёма было достаточно, чтобы человек мог в него протиснуться; это было сделано специально для пожарной безопасности.

Гарри потянул раму на себя и заглянул внутрь: там уже светились два фонарика девочек.

— Сюда! — прикрикнул Гарри, и ему вторил рёв из входа в подвал.

Отчаянно заскулив, Инид бросилась вперёд со всей возможной скоростью, преодолевая десяток метров за секунду. Гарри подхватил подругу за руки и втащил в окно. Инид навалилась на него, заставив упасть на спину и застонать от боли; руки подруги давили на его рёбра.

— Прости, — шепнула Инид, откатываясь в сторону.

— У меня дежавю, — закричал Гарри приподнимаясь.

— Уэнсдей! — отчаянно закричала Инид в темноту подвала. Уэнсдей же не торопилась вылезать, рассматривая какие-то банки.

— Уэнсдей, чёрт возьми! — поддержал подругу Гарри, заглядывая в окно.

Ему прямо в лицо влетел увесистый фонарик Аддамс. Гарри чертыхнулся, подумав, что у него останется синяк. Наконец когда монстр был уже совсем близко, Уэнсдей всё-таки

вылезла в окно, точнее, её туда затащили две пары рук друзей.

— Вы в порядке? — не обращая внимания на разочарованный рёв из подвала, спросила, кажется, совсем не напуганная Уэнсдей.

— Тебе не плевать?! — с огромной долей обиды в голосе взвизгнула Инид и побежала в сторону леса, туда, где можно было выйти к воротам и машине.

Переглянувшиеся Гарри с Уэнсдей рванули следом, убираясь подальше от злосчастливого дома и его недружелюбного обитателя.

Уже в самом лесу Уэнсдей развернулась и побежала в сторону входа в дом, пояснив, что там остался Тайлер. Порядком шокированная Инид данным поворотом в их побеге не смогла сделать ничего иного, кроме как зарычать от бессилия, но всё же не бросила Уэнсдей, увязываясь следом.

Гарри не хотел думать о том, что придётся применить палочку. Он лишь молился, чтобы его сил хватило снова оттолкнуть монстра подальше при помощи телекинеза, иначе по его душу явится бригада тёмных волшебников. А вот мысли о том, что Галпин наверняка уже мёртв, он решил оставить при себе.

Но Тайлер был жив. Он сидел, привалившись к каменной арке рядом с домом, морщась и зажимая кровоточащую рану на груди.

— Ты можешь идти? — Уэнсдей обеспокоенно присела рядом с ним.

— Да, — пробормотал Галпин в ответ, охнув, когда подруга попыталась помочь ему встать, положив руку на спину.

— Спина болит? — спросил Гарри и нахмурился.

— Да. Чудовище ранило меня и вышвырнуло из дома. Я сильно ударился спиной. Наверное, оно подумало, что я мёртв, — всё ещё морщась от боли, но вполне дружелюбно пояснил Тайлер, оглядывая их своими наивными карими глазами.

— Ему хватило двух ударов, чтобы убить Роу... — Договорить Гарри не дали — сбоку показался Ксавьер, совсем сбив его с мысли. — Какого чёрта ты здесь делаешь?

— Вещь был один в комнате, и я понял, куда вы идёте. — Художник споро снял с себя шарф и передал его Уэнсдей, та прижала его к ране, останавливая кровь. — Что случилось?

— Тебе полную версию или обойдёмся аннотацией? — с явным сарказмом ответила Уэнсдей, подозрительно уставившись на Торпа.

— Так, я не хочу встречать в вашу беседу, но тут где-то ходит монстр! — забавно нахохлившись, Инид упёрла руки в бока, показательно оглядевшись в поисках вышеупомянутого монстра. — Так что предлагаю убираться отсюда как можно быстрее!

За медицинской помощью Тайлеру решили ехать в его же дом. Просто для того, чтобы не спалиться перед медиками и не объяснять им, откуда у сына шерифа образовался огромный шрам от когтей. К тому же, как оказалось, рана была неглубокой, но сильно кровоточила, так что это, как рассудила Уэнсдей, — «пустяк». Сам раненый сообщил, что его отец почти каждый день приходит домой далеко за полночь, так что можно не волноваться.

Машину на обратном пути вёл Ксавьер. Тайлер расположился на переднем пассажирском сиденье, охая от боли на каждой кочке по пути. Кажется, его больше волновала больная спина, нежели рана на груди. Сзади расселись Инид, Гарри и Уэнсдей,

последняя сидела ровно между ребятами, так как была самой маленькой во всей компании. Девушка своим местом была недовольна, но спорить не стала, так как вторым вариантом было сидеть на коленях у подруги.

Жилище Галпинов было вполне типичным американским двухэтажным домиком. Машины шерифа не наблюдалось, так что Гарри и Ксавьер вдвоём затащили Тайлера в дом, усадив на стул посреди кухни. Уэнсдей быстро отыскала аптечку, пока нормис стаскивал с себя футболку. Длинные следы от когтей почти перестали кровоточить, но внимание всех было сосредоточено на спине парня, которая представляла из себя один огромный лиловый синяк.

— На спине тебе лучше не спать, — нервно хихикнула Инид.

— Я не спрашивал по дороге, но всё же... Что там произошло? — проговорил Торп, усаживаясь за обеденный стол.

— Расследование, — на выдохе произнесла Уэнсдей, оказывая Тайлеру медицинскую помощь. — И твоё появление добавило ещё больше вопросов.

— Ты всё ещё меня подозреваешь? — Ксавьер агрессивно сжал кулаки, глядя прямо на Уэнсдей.

— Не припоминаю, чтобы говорила, что с тебя сняты подозрения.

— Да как ты... — возмущённо начал Ксавьер, но его прервал звук поворота ключа.

Внутри помещения шагнул шериф, и он на секунду завис, оглядывая компанию, а затем его внимание переключилось на раненого сына и Уэнсдей.

— Это всё ты! — Галпин-старший широкими шагами направился прямо на поднявшуюся Уэнсдей.

Гарри напрягся, собираясь сделать что-то, чего сам не знал, и его рука, как и всегда, автоматически потянулась к волшебной палочке в кармане. Ксавьер на соседнем стуле тоже занервничал и явно собирался подняться, но ничего криминального не произошло: своего отца остановил Тайлер.

— Папа, всё хорошо! Они спасли меня! Всё нормально! — Парень подскочил, загораживая своим телом Уэнсдей.

— Шериф, я всё понимаю, — Уэнсдей шагнула в сторону, выходя из-за спины своего защитника, показывая, что ей никакой помощи и не требовалось, — но прошу вас немного подождать. Вам нужно кое-что увидеть.

— Я вижу своего окровавленного сына, и этого достаточно, — агрессивно хмыкнул мужчина, бодаясь взглядами с Уэнсдей, но победы ему в этой битве было не одержать.

Конечно, отец Тайлера сильно утрировал, говоря о окровавленном сыне. У Галпина-младшего давно перестала течь кровь из порезов на груди, но шериф ещё не увидел спину парня. Какой тогда мог разразиться скандал — мало кто себе представлял, кроме Тайлера, который легко мог себе это вообразить, так что он благоразумно не поворачивался к отцу спиной.

— Это касается смерти мэра. Мы нашли голубой кадиллак убийцы, — продолжая гнуть свою линию, дополнила Уэнсдей. — И целый склад с отрезанными частями тел.

На этот раз взгляд шерифа стал заинтересованным, но он всё же не согласился прямо с наскака ехать в особняк Гейтсов, заявив:

— Сначала я отвезу сына в больницу, затем съездим в твой особняк, — мужчина вздохнул и оглядел изгоев, — но перед всем этим нужно поставить вашего директора в известность.

— О нет, — в ужасе зашептала Инид. Угроза быть исключённой из Невермора напугала её едва ли не больше, чем недавний монстр.

— О да, — злорадно ухмыльнулся шериф и достал телефон из кармана.

Через десять минут после звонка за ребятами приехала машина из школы, за рулём которой находился один из учителей, что сегодня должен был следить за мужским общежитием.

— Я останусь с Уэнсдей, — заявил Гарри. Голос его был твёрд и отступить он не собирался.

— И чем же ты сможешь? Покажешь ещё один подвал с частями тел? — не скрывая сарказма, спросил шериф у стоявшего рядом Гарри.

— Нет, но любая помощь пригодится.

— В случае чего ты будешь просто балластом, — устало проговорил мужчина, наблюдая, как его сын садится на заднее сиденье машины.

— Не буду, — упрямо ответил Гарри, — в любом случае я буду гораздо полезнее вашего пистолета.

Стоявшая рядом Уэнсдей помалкивала, кажется, она сама была удивлена инициативе Гарри.

Шериф немного подумал, а после фыркнул и, махнув рукой, проговорил:

— Один школьник или два — какая разница?

— Отлично.

Гарри открыл переднюю дверь машины и залез внутрь, не оставляя Уэнсдей другого выбора, кроме как сесть рядом с Тайлером.

По дороге в больницу все четверо молчали: говорить им было нечего, а все вопросы Галпин-старший приберёт на потом.

Больница в Джерико была небольшой, одноэтажной. Шериф остановился на парковке, заглушил машину, забрал ключи и повёл своего сына внутрь.

— Зачем ты поехал со мной? — спросила Уэнсдей, когда они остались одни.

— На случай, если монстр всё ещё там, — честно ответил Гарри.

— Его там не будет, — уверенно заявила Уэнсдей. — Я почти уверена, что это Ксавьер, а он сейчас в школе.

Гарри поморщился от этой догадки. Он, в отличие от подруги, не обладал железной уверенностью насчёт подозреваемых. До этого Гарри разделял мнение подруги, но сейчас сомневался.

— Не думаю.

— А ты попробуй, это полезно, — ответила колкостью Уэнсдей. Гарри подумал, что та нервничает, ведь обычно она так себя не ведёт. По крайней мере, с ним. — Как ты можешь помочь с чудовищем?

— Увидишь в особняке.

Дальше говорить они не стали, потому что шериф шёл к машине.

К дому они подъехали втроём. Галпин-старший не стал будить свою помощницу или вызывать дежурных из участка, решив проверить улики самостоятельно. В доме Гейтсов не светились окна и никаких признаков, что тут кто-то жил, как утверждала Уэнсдей, не было.

Чудовища тоже было не слышно.

Сначала они пошли в гараж, но там ничего не оказалось: ни кадиллака, ни каких-нибудь следов чьего-либо присутствия. Мужчина хмыкнул, что-то помечая в уме, Уэнсдей хмурилась и не могла поверить своим глазам.

Они вошли в дом, и в коридоре Гарри указал на огромную вмятину в стене. Шериф направил туда фонарик и присвистнул от удивления. Всюду валялись куски дерева и каменная крошка. Лишь то, что монстр значительно погасил силу удара, сначала снеся горбом пространство над дверью, позволило ему не пробить собой стену в коридоре и не вылететь в другую комнату.

— Здесь я швырнул его, — сухо констатируя факт, Гарри указал на выломанный участок стены над дверью.

Уэнсдей и Галпин одновременно недоверчиво уставились на Гарри и его достаточно худощавое телосложение.

— Телекинезом, — пояснил дополнительно он.

— Ну и ну, — протянул шериф.

— За мной, — скомандовала Уэнсдей, теряя интерес к последствиям схватки между человеком и чудовищем.

— Попроще тон, Аддамс, — фыркнул в ответ мужчина, но всё равно пошёл за Уэнсдей. Следы драки его настроили на нужный лад.

Они поднялись на второй этаж и прошли в комнату Лорал Гейтс, но там царил разруха. Никаких роз, никакой чистоты, лишь строительный мусор, разбросанный по всему помещению. Уэнсдей едва слышно вздохнула. Кто-то успел подчистить дом до их прихода. Слишком долго они находились дома у шерифа, слишком много времени потратили, отвозя Тайлера в больницу. Ни на что не надеясь, Уэнсдей повела остальных вниз.

В подвале, как и ожидалось, оказалось чисто. Никаких банок с человеческими частями тел в пределах досягаемости не было — лишь пустые полки. Уэнсдей в шоке оглядывала помещение, а затем развернулась и, сверкая глазами, сказала:

— Я клянусь, здесь был кадиллак. И комната, и банки с частями тел.

— Теперь тут пусто. — Мужчина оглядывался, освещая подвал фонариком.

— Подчистили место преступления до нашего прихода, — пожала плечами Уэнсдей, — вчера я сказала, что все улики указывают на этот дом, и была права.

— Так ты пытаешься оправдать тот риск, которому подвергла моего сына и своих друзей? — Шериф в отвращении поморщился и направил фонарик прямо в лицо Уэнсдей. — Слушай сюда, Аддамс. С этого момента тебе запрещается видеться с Тайлером и каким-либо образом вмешиваться в это дело. — Галпин показательно обвёл рукой пустой подвал.

Уэнсдей выглядела растерянно и даже обиженно, проявляя эмоции, что было для неё нехарактерно. Гарри не смог промолчать:

— Но монстр был. Пытался нас убить.

— Я с этим не спорю, Блэк, — шериф повернулся и теперь свет слепил глаза за круглыми очками, — но не будь вас здесь, монстра бы никакого не было. И мой сын не находился бы сейчас в больнице, — с возмущением в голосе проговорил Галпин. — Уимс ждёт вас, идёмте.

Садясь в машину, Уэнсдей всё никак не могла оторвать взгляд от особняка. Её голову заполонили тяжёлые мысли, роясь как пчёлы Юджина в ульях.

— Уимс с нас три шкуры спустит, — пробормотал Гарри хмурясь. Он-то переживёт, но

вот выслушивать нравоучения Сириуса хотелось в последнюю очередь.

— Или исключит, — дополнила Уэнсдей.

— И первое, и второе будет хорошо как для Джериго, так и для Невермора, — даже не скрывая довольства, хмыкнул полицейский.

Их высадили прямо напротив главного входа в школу. Шериф уехал не прощаясь.

— Спорим, Уимс ждёт на лестнице? — слегка мандражируя, спросил Гарри.

— Нет. Но я удивлена, что она не стоит перед входом.

Уэнсдей и Гарри переглянулись и пошли внутрь. Оба не горели желанием выслушивать речи директора, но выбора не было.

Уимс, как и ожидалось, стояла прямо над лестницей, и начала она с Уэнсдей. Во время их перепалки Гарри молчал и не встречал, внимательно слушая. Его подруга показала директору рисунок из книги, который ещё очень давно ей достался от мёртвого Роуэна. И, быть может, Уимс так бы и не обратила своё внимание на Гарри, но тот на свою голову встрял:

— Монстр ранил Юджина и убил нескольких человек, включая Роу... — начал Гарри, но директор его перебила, возмущённо уставившись на него:

— Лучше вам помолчать, мистер Поттер!

— Откуда... — в шоке Гарри сделал шаг назад, спустившись на одну ступеньку вниз. Уэнсдей переводила непонимающий взгляд с директора на Гарри и обратно.

— Я знаю? — закончила за Гарри Уимс, натянуто улыбаясь. — С самого начала и ты, и твой отец показались мне странными. Аттестат с отличными оценками из престижной школы Лондона, но никаких медицинских справок. Ты никогда не болел и не проходил медицинские обследования? Но я закрыла на это глаза: изгой часто становятся объектами преследований и бегут из своих стран. Однако, — она подняла палец вверх, — твоё знание о том, что есть несколько способов превратиться в другого человека, является нетипичным для молодого изгоя...

— Несколько способов... — пробормотал Гарри, пытаясь вспомнить, — это вы! Вы были Роуэном! — поразила его догадка.

Улыбка с лица Уимс пропала. Она поняла, что проговорила в запале. Не отвечая ни да, ни нет, директор продолжила:

— Я стала углубляться в вашу биографию. О Блэках из Англии — семье изгоев — никто не знал, но твой отец богат и заплатил школе огромные деньги, чтобы тебя приняли. Откуда они у него? В любом случае мистер Блэк по моему запросу предоставил медицинские показания, но все они были до того, как тебе исполнилось одиннадцать лет, — женщина вновь победно улыбнулась, — насколько я знаю, именно в этом возрасте волшебников начинают обучать в специальных школах. Дальше всё было просто: связаться с друзьями из Лондона, сообщить о твоих и твоего отца приметах... Мне поведали столько информации, что впору было за голову хвататься. Мальчик, который выжил. — Уимс картинно приложила руку ко лбу. — О тебе знают не только маги, но и изгой. Английские, конечно же. Как глупо было не менять имена, особенно со стороны твоего так называемого отца. Сириус Блэк, сбежавший из самой страшной магической тюрьмы мира и убивший двенадцать человек...

— Сириус не убивал их! — в ярости рявкнул Гарри, едва сдерживаясь, чтобы не выхватить палочку.

— Мне сказали, что он сам в этом признался, — ничуть не смутившись и не убрав с лица надменную улыбку, сказала Уимс.

— Это не так! — чуть успокоившись, проговорил Гарри тяжело дыша. — После того как Тёмный Лорд убил моих родителей, Сириус винил в этом себя. Именно это и приняли за признание. — Переведя дыхание, Гарри задал вопрос: — Почему вы не исключили меня или не сдали Пожирателям Смерти?

— Невермор принял тебя. Ты влился в коллектив и стал своим. В отличие от нормисов, мы готовы принимать к себе любого, если у него нет предрассудков. Так какая разница, кто ты: изгой, волшебник или обычный человек?

— Спасибо, — тихо поблагодарил Гарри, совсем растерянный и не знающий, что ему делать.

— В любом случае ещё одно нарушение, и вы будете исключены. Мне будет всё равно, пытаетесь вы защитить школу, — Уимс перевела взгляд на притихшую Уэнсдей, жадно поглощавшую информацию, — или спрятаться в ней, — директор снова глянула на Гарри. — Доброй ночи.

Она развернулась, чтобы уйти, но ей в спину донёлся твёрдый голос:

— Ксавьера и Инид тоже не наказывайте. Пожалуйста, — совсем неуверенно закончила Уэнсдей.

— Хватит торговаться! — рывкнула Уимс, даже не повернувшись к ним, и, громко клаца каблуками по полу, удалилась вглубь школы.

Гарри остановился перед огромным окном в комнату Инид и Уэнсдей. Он хотел поговорить с последней, но застал весьма неприятную сцену ссоры подруг. Сверху закапал дождь, и раздался гром с молниями. Даже несмотря на громкие капли и грохот, звукоизоляция в самой верхней комнате Офелия-холла была ни к чёрту, и весь разговор было прекрасно слышно на балконе, где и стоял Гарри. Ему пришлось изрядно вымокнуть, прежде чем Инид громко хлопнула дверью и ушла спать в комнату Йоко. Гарри в целом понимал позицию подруги, и ему на её месте тоже было бы до чёртиков обидно.

Не заметив на улице Гарри, Уэнсдей прошла до окна и села под него, обняв колени руками. Эта картина одинокой девушки, потерявшей друга, тронула его, и он, несколько раз стукнув ради приличия костяшками пальцев по стеклу, otvorил окно и залез внутрь.

— Извини, я случайно подслушал ваш разговор. — Гарри ступил двумя ногами на дощатый пол и, не придумав ничего лучше, присел рядом с Уэнсдей.

— Я ведь извинилась, — ни к кому конкретно не обращаясь, произнесла Уэнсдей.

— Это когда мы ждали машину из Невермора что ли? — припомнил Гарри. — Вряд ли это можно назвать нормальными извинениями.

— Мы не погибли, нас не исключили, так в чём проблема? — проигнорировав слова друга, спросила она. Наверняка это был риторический вопрос, но Гарри всё равно на него ответил:

— В искренности.

— Я была искренней.

— Тебе виднее, — пожал плечами он, совсем неуверенный в честности принесённых извинений со стороны Уэнсдей.

— Не похоже, чтобы ты обижался на меня за то, что я подвергла тебя смертельной опасности. — Уэнсдей повернулась к Гарри, наблюдая, как тот сдавленно смеётся. — Что

тут смешного?

— Ничего, — Гарри едва смог себя уговорить, — просто на первом курсе на меня напал преподаватель, который должен был учить нас защищаться. Он рассыпался от моих прикосновений. На втором — двенадцатиметровая змея с самым сильным ядом в мире, тогда я не умер чудом. В конце концов она укусила меня. — Он закатал рукав, показывая шрам на руке. — На третьем были сотни дементоров. Это такие типа призраки, которые высасывают всю радость, а при поцелуе забирают душу. В прошлом семестре я сражался с Венгерской Хвосторогой — драконом. Несколько месяцев назад с подводными жителями, спасая друзей. Так что наш горбатый друг не самая большая опасность, с которой я сталкивался.

— Весело тебе было, — искренне и с нотками зависти проговорила Уэнсдей, а Гарри поперхнулся.

— Я бы так не сказал.

— Ещё бы. Ты же не Аддамс.

Они помолчали несколько минут, пока Уэнсдей всё же не нарушила уютную тишину:

— Почему Уимс назвала тебя «Мальчик, который выжил»? — Ей действительно было интересно.

— Человек, если его можно так назвать, убивший моих родителей, не смог убить меня и исчез на много лет. Все считают, что я — единственный волшебник, переживший смертельное заклятие, от которого нет спасения. — Гарри достал свою волшебную палочку и начал крутить в руках. Его подруга как замороженная смотрела на неё. — Дамб... один человек сказал, что меня защитила сила любви.

Уэнсдей, не сдержавшись, фыркнула, отводя взгляд в сторону.

— А то, что дети рождаются из капусты, он тебе не сказал?

— Я тебя поддержать пытаюсь, душу изливаю, а ты... — Гарри махнул рукой.

— Я тебя об этом... — Уэнсдей не закончила, поняв, что уже говорила эту фразу сегодня.

— Не просила, — закончил за неё Гарри. — Зря ты это сказала Инид.

— Почему? — Уэнсдей вытянула ноги вперёд, направив взгляд на носки своих кроссовок.

— Сириус сказал, что оборотни очень стайные. Они заботятся друг о друге, волнуются, поддерживают. Наверное, Инид приняла тебя в свою стаю. У них же матриархат и всё такое. — Уэнсдей набрала в грудь воздух, собираясь ответить, но Гарри её перебил: — Да, я знаю, что ты её не просила. Инид обидно, что ты не позаботилась о ней, не подумала и даже нормально принести извинения не смогла.

— Ты неожиданно много знаешь об оборотнях. Для не-изгоя.

— В свете некоторых событий, — заюлил Гарри, — я чуть-чуть поспрашивал ребят и почитал книги, так что немного в этом смысле. — Он смущённо почесал затылок. — Извинись перед Инид... по-нормальному.

— Я сама решу, что мне делать, — резко ответила Уэнсдей, показывая, что ей не всё равно на его слова.

— Она скулила от страха всю дорогу, когда мы шли в дом Гейтсов, но не бросила тебя. Она побежала за тобой, когда ты решила вернуться за Тайлером, хотя была до смерти напугана монстром, — возмущённо проговорил Гарри. — Блин, она страшно переживала, что ты забыла свой странный вязаный капюшон в Weathervane.

— Почему тебе не всё равно на наши отношения? — встрепенулась подруга, прожигая Гарри взглядом.

— Потому что у меня есть друзья, готовые идти со мной в страшные особняки на свидания к чудовищам. Не хочу, чтобы ты потеряла своих. — Он поднялся с места и открыл окно, собираясь уходить. — Подумай.

Уэнсдей промолчала и не повернулась посмотреть, как её друг вылезит в окно и уходит в своё общежитие. Она подняла шкатулку, унесённую из дома Гейтсов, покрутила её несколько секунд, а потом положила обратно и о чём-то крепко задумалась.

Глава 11

Утром лил проливной дождь, так и не закончившийся ночью. Стояла прохладная погода, и небо было серым из-за туч. На похороны мэра Джерико пришла огромная куча людей, включая изгоев из Невермора. Прощание с Уокером-старшим было открытым. Его гроб выставили на всеобщее обозрение рядом с церковью, и каждый, кто хотел, мог подойти.

Гарри тоже стоял в толпе, держа зонт, рядом с ним была грустная Инид. Все почтительно молчали, слушая священника.

Гарри пробежался глазами по людям вокруг. Недалеко возвышалась Уимс, которая надела солнцезащитные очки и чёрное пальто, рядом с ней стояла Торнхилл, придерживая зонтик руками в пурпурных перчатках.

Тайлер со своим отцом стояли рядом с сидевшими сыном и женой умершего. Из-за дождя невозможно было понять, плачет Уокер-младший или нет.

Уэнсдей стояла недалеко от всех остальных. Понять по её лицу, что она думала или чувствовала, было невозможно: её холодная отстранённая маска редко давала трещину.

Прощание подошло к концу, и толпа медленно пошла на выход, почти неслышимая из-за лившихся сверху потоков воды. Гарри оглянулся, но Уэнсдей нигде не было. Она пропала. Он тронул руку идущей рядом Инид и спросил, видела ли она подругу. Инид отрицательно помотала головой. Затем, чуть подумав, сказала, что они теперь не общаются и вообще она обижена на Уэнсдей.

Назад к Невермору их всех должен был отвезти школьный автобус, но Инид попросила Гарри прогуляться с ней пешком, перед этим выпросив разрешение у Уимс. Директор против не была, так как дождь почти закончился и выглянуло приветливое солнце, но она строго сказала, чтобы ребята не опаздывали на обед.

К Невермору они шли, переговариваясь между собой. Инид мялась и не знала, как начать, так что разговор напоминал переливание из пустого в порожнее. Гарри сложил зонтик, потряс, избавляясь от лишней воды, и закинул его на плечо. На полпути к школе Инид всё же решила начать:

— Я вообще-то хотела поговорить о твоём отце, — несколько раз сбившись, сказала она.

Гарри нахмурился:

— Ты же сказала, что твои чувства к Си... отцу — это не моё дело. — Он вопросительно уставился на девушку.

— Это разговор не о моих чувствах! — возмущённо воскликнула Инид, едва заметно краснея. — И они тебя действительно не касаются!

— О чём тогда ты хотела поговорить? — совсем сбился с мысли Гарри, неловко потирая затылок. Ему тоже было несколько стеснительно обсуждать чужую влюблённость, в которой он был уверен больше, чем в самом себе.

— Я спросила у мамы, могут ли рождаться у оборотней дети не-оборотни, и она сказала нет.

Гарри кинул быстрый взгляд на смущённую таким откровением подругу, та смотрела выжидательно.

— Такое чувство, что каждая собака в Неверморе знает то, чего знать не должна, — фыркнул он, придумывая, что бы ответить.

— Ты меня сейчас собакой назвал? — Инид в удивлении вздёрнула вверх брови.

— А тебя это обидело? — со смешинкой ответил вопросом на вопрос Гарри.

— Я волк, но никак не какая-то там собака! — Кажется, её действительно обидело такое сравнение.

— Ладно, извини, — Гарри улыбнулся, — но да, Сириус действительно мне не отец. Он мой крёстный.

— Я знала! — Она победно вскинула руку со сжатым кулаком вверх. — Я, честно говоря, думала, что ты нормис, пока не увидела, как ты практикуешься в телекинезе.

— Что? — Гарри остановился, и улыбка слетела с его губ. Перед практикой он всегда тщательно осматривался, проверяя, нет ли кого поблизости.

— Я умею ходить бесшумно, если захочу, — хвастливо заявила Инид.

— А что ещё ты видела? — нахмурившись, спросил Гарри.

— Что ты читаешь какую-то странную книжку, — немного умерив пыл, проговорила Инид, — и, ну... общаешься с Сириусом...

— Общаюсь с Сириусом и?.. — подбодрил подругу Гарри, хмурясь всё больше.

— Общаешься с ним через зеркало, — пискнула она и зажмурилась, будто бросаясь в воду с головой.

— Чёрт... — Гарри закрыл руками лицо, а потом выдохнул и убрал их, продолжая: — Как долго ты это знаешь?

— Пару месяцев уже.

— Чёрт! — Он открывал и закрывал рот не в силах поверить, что вся его хвалёная конспирация, которой он так гордился, пошла прахом давным-давно.

— Тебе следовало хотя бы выходить из школы, чтобы никто не увидел, — мягко пожурила его Инид.

— Ты кому-нибудь рассказала? — с подозрением спросил Гарри, пропуская замечание подруги мимо ушей.

— Нет! — Инид нахохлилась. — Это же тайна! А изгой их ценят больше жизни!

Гарри думал больше минуты, пока они продолжали идти к школе лишь слегка замедлившись. Он тяжело раздумывал, что делать в такой ситуации. По всем правилам ему следовало бы собрать все свои вещи и этим же вечером уехать из Невермора, рассказав Сириусу о причине побега. Но Гарри не мог так поступить: он сдружился с изгоями, влез в расследование, да и ему просто не хотелось покидать это место, которое уже успело стать родным. Здесь было так же хорошо, как в Хогвартсе. Он был в своей стихии и с людьми, которые его понимали.

— Спасибо, — проговорил он наконец, — что ты никому не сказала.

— Ерунда, — беспечно бросила Инид, пряча руки за спиной. Она прикусила нижнюю губу и поинтересовалась: — Не расскажешь о зеркале?

— Это, — Гарри достал из внутреннего кармана пиджака маленькое зеркальце в простой металлической рамке, — связанное зеркало. Точно такое же есть у Сириуса.

Поверхность предмета тут же отразила попавшие на него солнечные лучи, отбрасывая зайчиков.

— Если поднести его к себе поближе и начать говорить, тот, у кого есть второе такое же, услышит. Так можно общаться на огромном расстоянии, — поделился Гарри информацией. Когда Инид насмотрелась, он снова спрятал зеркало в карман.

— Впервые такое вижу, — честно призналась Инид, — разве так бывает?

Гарри вновь задумался, что отвечать. Какой смысл врать? Ради чего? Подруга уже знала столько информации, что сложить два и два не составило бы труда. Её глаза горели огнем интереса, так что следовало бы просто погасить его, а не дать разрастись. Ну и, в конце концов, Гарри доверял Инид. Она и раньше казалась ему хорошим человеком и замечательным другом.

— Мы не изгой, Инид, — подумав, тихо проговорил он.

— Но... — Инид пришла в замешательство. — Телекинез... а Сириус стопроцентный оборотень! Он даже двигается, как мы, и пахнет так же, как мы. Точнее, чуть по-другому, но... я уверена в этом, — сбиваясь на каждом слове, проговорила она.

— Телекинезом может овладеть каждый из таких, как мы, — неуверенно заявил Гарри. — Сириус тоже может двигать предметы, не касаясь их. И он не оборотень.

— Неправда, — жарко заявила девушка, на что Гарри поморщился.

— Он анимаг. Человек, способный превращаться в животное. Крёстный становится огромной чёрной собакой.

— Но его движения...

— Он очень много времени провёл в своём втором облике и перенял некоторые собачьи повадки, которые ты приняла за признаки оборотня. И запах, наверное. Но у меня нюх не такой острый, как у тебя, так что тут не могу быть уверенным, — пожал плечами Гарри. — Я уже видел человека, который больше десяти лет был в облике крысы, и вёл он себя потом тоже по-крысиному.

Двое друзей уже стояли рядом со стенами Невермора, откуда было видно пирс. До их ушей доносился шум учеников.

— А ты в кого превращаешься? — даже не зная, что сказать, Инид спросила первое, что пришло на ум. Она всё ещё переваривала откровения.

— Ни в кого. Этому нужно долго учиться.

— Если вы не изгой... и не нормисы...

— Мы волшебники, — просто сказал Гарри, на что подруга посмотрела на него с нескрываемым скепсисом.

— Как в сказках? — Она вздернула одну бровь вверх.

— Ага. На мётлах летаем, заклинания используем, варим зелья. — Это походило на шутку, но Гарри не смеялся и не улыбался.

Улыбка, вызванная словами Гарри, сползала с лица Инид — та понимала, что это был никакой не розыгрыш.

— Я бы тебе доказал, но не могу использовать магию, — проговорил он.

— Но почему тогда ты в Неверморе? У вас же, наверное, свои школы есть. — Инид всё еще не до конца верила в то, что говорил её друг.

Дальше Гарри рассказал то же самое, что недавно говорил Уэнсдей, дополнив, что о его секрете теперь знают три изгоя: Инид, Уэнсдей и директор Уимс.

Инид прицепилась к Гарри как колючка. Вопросы лились бесконечным потоком; девушке было до смерти интересно узнать как можно больше о магах и магии. Она поистине бульдожьей хваткой вцепилась в него, пытаясь вызнать все подробности. Гарри не оставалось ничего другого, кроме как отвечать, лишь изредка опуская некоторые ненужные

детали.

Он надеялся притупить интерес подруги, огорошив её известием о магии, но вместо этого оно вызвало противоположную реакцию. Глаза Инид горели, жажда подробностей. Гарри не учёл, что та собиралась становиться журналистом. Это была огромная ошибка. Ему казалось, что за это утро он сказал слов больше, чем за всю прошлую неделю, а ведь день только начался...

Расстались они в коридоре школы, когда на горизонте показалась Уэнсдей, которая шла напрямик к Гарри. Инид вспомнила, что она, вообще-то, обижена на подругу, поэтому с нескрываемым огорчением ушла, оставив своего ценного информатора в одиночестве.

В любом случае Инид дала чуть ли не клятву на крови, что секрет Гарри останется с ней до гробовой доски. А когда она узнала, что за ним с Сириусом гонятся с целью убить, то Гарри реально подумал, что она сейчас одним из своих когтей разрежет себе ладонь и действительно будет клясться. Благо до такого не дошло.

Уэнсдей выглядела решительно. Она подошла поближе, бросила короткий взгляд на удаляющуюся Инид и начала говорить:

— Сегодня посещение клубов, так?

— Да, — не понимая, к чему клонит подруга, ответил Гарри.

— Я подумала, что нам не стоит туда ходить. Юджина всё равно нет, а пчёлы спят. — Уэнсдей ни на йоту не поменялась в лице, но что-то в её словах вызывало у Гарри недоверие.

— Всем всё равно, ты же знаешь. Посещение обязательно, даже если в клубе нечего делать. — Уэнсдей в ответ на эти слова нахмурилась, а Гарри продолжил, спросив: — Что-то не так?

— Всё в норме. Но будет лучше заняться своими делами вне клуба. — Она сложила руки в замок, недовольно поглядывая снизу вверх в зелёные глаза.

— Ладно, — протянул Гарри, прищурившись, — посмотрю, как Ксавьер практикуется с луком.

— Замечательно. На этом всё.

Уэнсдей круто развернулась на каблуках и пошла в сторону Офелия-холла. Гарри недовольно смотрел ей в идеально прямую спину, наблюдая, как та скрывается за дальним поворотом.

Естественно, он ни за каким Ксавьером наблюдать не собирался. Его бесило вечное утаивание информации от Уэнсдей. В последнее время та начала идти на сближение, но от своей идиотской скрытности избавиться ей до конца так и не удалось.

Гарри повернулся и пошёл на выход из Невермора, направляясь к пасеке. По пути он действительно пересёкся с Ксавьером, который стоял на своём излюбленном месте и расстреливал мишени из лука. Их отношения в последнее время слегка обострились: художник бесился из-за того, что Гарри с Уэнсдей подозревают его в произошедших преступлениях. Хоть Гарри и пытался не вешать ярлыки без точных доказательств (он в Хогвартсе успел обжечься на этом поприще), но, так или иначе, Ксавьер вызывал массу подозрений.

На пасеке всё было как обычно, то есть — никак. Без Юджина и его пчёл здесь действительно было нечего делать. Когда наступало клубное время, Уэнсдей и Гарри занимались своими делами внутри сарая: она зачастую сидела с блокнотом и что-то там чиркала, продумывая очередной план на следующую главу; он в это время читал книги и занимался домашним заданием. Некоторое время назад они совместно перелопатили кучу

томов с описаниями изгоев, пытаюсь найти там хорошо знакомое им чудовище, но потерпели сокрушительное фиаско.

Гарри шестым чувством ощущал, что что-то здесь не так. Вроде бы ничего не поменялось, но в сарай он вошёл настолько бесшумно, насколько мог.

На небольшой кушетке рядом со стеной спал какой-то крупный мужчина в чёрном пальто и такого же цвета шляпе. Он не раздевался и улёгся прямо так, в верхней одежде. Возможно, из-за того, что на улице всё ещё было по-весеннему холодно.

— А, моя племянница, ты... — Незнакомый развернулся и оглядел вошедшего, но ожидал он явно не Гарри. — Сильно изменилась, — захихикал мужчина.

— Племянница? — Гарри нахмурился. — Уэнсдей?

— Именно! Позволь представиться, меня зовут Фестер. Фестер Аддамс. — Мужчина подскочил с кушетки и с улыбкой протянул руку вперёд.

Вместо того чтобы пожать руку, Гарри отступил на шаг, глядя на протянутую конечность как на змею; отчего-то ему страшно не хотелось пожимать её. Он понял, что поступил правильно, потому что в следующую секунду по ладони мужчины пробежали несколько ясно видимых электрических разрядов.

— А тебя не так-то просто провести, да? — Фестер подмигнул одним глазом и убрал руку. — Ты друг моей племянницы? — Он сделал шаг вперёд.

Гарри в ответ отступил ещё раз и упёрся спиной в стену. Он вздёрнул свою правую руку, направляя её раскрытой ладонью на Аддамса-старшего.

— Ещё один шаг, мистер Аддамс, и я пробью вами стену, — с угрозой заявил Гарри. Вообще-то он хотел выхватить палочку, но решил пока что не раскрывать все карты.

— Просто Фестер, — хихикнул мужчина в ответ, — я не сделаю ничего плохого другу своей любимой племянницы, — проговорил он, но подходить ближе всё равно не решился.

— С чего вы взяли, что мы друзья? — с подозрением спросил Гарри.

— Уэнсдей обмолвилась, что в клубе вас трое. Помимо неё ещё Юджин, который в коме, и Гарри с круглыми очками и шрамом в виде молнии на лбу, так что... — Фестер пожал плечами, продолжая улыбаться. — Честно говоря, я всегда думал, что друзей Уэнсдей будут увозить в мешках для трупов... Впрочем, один уже к этому близок.

Гарри совсем не понравилось, как беспечно и довольно жёстко отозвался о Юджине дядя его подруги.

— Юджин не заслужил комы. Он хороший друг.

— Ох, я не хотел никого обидеть, — Аддамс коротко поклонился, снимая шляпу, — извиняюсь. — Впрочем, улыбка с его лица так и не пропала.

Дверь заскрипела, впуская Уэнсдей, которая остановилась, оглядывая их нечитаемым взглядом. В руках девушка держала еду в пластиковом контейнере.

— Что тут происходит?

— Знакомлюсь с твоим другом, — дружелюбно отозвался Фестер. — Процесс идёт лучше некуда!

— Я вижу. — Уэнсдей прошла мимо Гарри, который только сейчас опустил руку, и поставила контейнер на стол. — В прошлый раз Гарри при помощи телекинеза пробил чудовищем две стены.

Фестер сглотнул, представив, что с ним могло бы быть, если бы он более настойчиво проявил дружелюбие своей семье.

— Почему ты мне сразу не сказала, что тут твой дядя? — недовольно спросил Гарри.

— Наверное, потому, что я в бегах, — беспечно пожал плечами Фестер.

— Дядя Фестер! — возмущённо пробурчала Уэнсдей. — Тебе обязательно было это говорить?

— А разве это секрет? Всё равно весь Джерико скоро будет в моих листовках, — махнул рукой Фестер. — Ты поговорила с Вещью? Этот аматор согласился взломать сейф в «Белладонне»?

— Дядя Фестер! — уже с нескрываемой злостью воскликнула Уэнсдей. Кажется, дядя прекрасно знал, как вывести её из себя.

— Сейф в «Белладонне»? — Гарри повернулся к подруге.

— Что это? — С лёгким отвращением Фестер открыл контейнер с едой, совсем не слушая ребят рядом.

— Обычная еда. Лучше съешь её, чем пчёл, — чуть успокоившись, ответила на вопрос дяди Уэнсдей. — Знаю, ты не привык к такому, но ничего другого нет.

— Оно даже не шевелится! — возмущённо фыркнул мужчина.

— Съесть пчёл? — Кажется, Гарри был настолько шокирован происходящим, что не стал спрашивать про шевелящуюся еду.

— Надо оторвать им жало — на вкус будут вполне ничего, — поделился с ним Фестер. — Как кузнечики в кляре.

Гарри испытал дикое желание побиться головой о стену позади. Семья Аддамс оказалась ещё страннее, чем казалось изначально. Он требовательно воззрился на Уэнсдей, пытаясь забыть слова про кузнечиков и пчёл.

Подруга думала недолго и после короткой паузы начала говорить:

— Дядя опознал нашего монстра. Это хайд. Сейф в «Белладонне» хранит дневник Натаниэля Фолкнера, где собраны описания всех изгоев, — сказала Уэнсдей обстоятельно и слегка недовольно.

— Как в «Джекил и Хайд»?

— Да. Читал?

— Нет, — Гарри отрицательно мотнул головой, — просто слышал.

— Неважно. Хайд в повести и наш имеют мало общего. — Уэнсдей повернулась к своему дяде, который размазывал по контейнеру картофельное пюре. — Я поговорила с Вещью, и он согласился помочь.

— Замечательно! — Фестер повернулся, на несколько секунд озаряя двух друзей своей улыбкой, а затем снова скис, возвращаясь к своей еде и смотря на неё так, словно это худшие помои на свете. — Надеюсь, мы не проторчим там всю ночь.

Гарри с Уэнсдей провели выделенный на занятия в клубах час с Фестером. Хоть он и морщился, но съел свою еду, а затем несколько минут изображал удушье. Остальное время говорил мужчина, Гарри изредка вставлял свои реплики, а Уэнсдей просто молчала, сверля стену недовольным взглядом. Её дядя рассказывал забавные, хоть и зачастую весьма мрачные истории, а также кратко прошёлся по своей семье, вызывая у Гарри невольную улыбку. А под конец выдал несколько весёлых фактов о детстве своей племянницы, чем вызвал у Гарри смех, а у его подруги — мрачное выражение лица.

Хоть первое знакомство у Гарри и Фестера не заладилось, но впоследствии мужчина показался ему весьма весёлым и добродушным человеком. Да, он был своеобразен, относился к жизни и смерти людей с насмешкой, но, как позже выразилась сама Уэнсдей, её дядя в семье самый добрый и отзывчивый человек, incapable причинить кому-либо вред.

Говорила она с несомненной теплотой, но так, словно он душевнобольной. Гарри подумал, что в странной семье Аддамс именно Фестер является самым нормальным, раз остальные его таковым не считают.

Друзья договорились встретиться позже, в одиннадцать вечера, и вместе спуститься в помещение «Белладонны». Гарри был доволен, что в этот раз Уэнсдей не смогла скрыть от него что-то важное.

— Я извинилась дополнительные два раза. Не понимаю, что можно сделать ещё.

Гарри с Уэнсдей шли по коридору в сторону тупика со статуей Эдгара Аллана По, тихо переговариваясь между собой. На плече девушки замер Вещь, выбивая какой-то мотив своими пальцами. Кажется, он был чем-то доволен.

После слов подруги о том, что она извинилась уже два раза, Гарри понял, почему Инид выглядела такой радостной весь сегодняшний вечер. Он не без гордости подумал о том, что это наверняка его слова повлияли на то, что несгибаемая Аддамс всё-таки наступила на горло своей гордости и попросила прощение... ещё раз.

— Дай ей время остыть, — слегка подумав, ответил Гарри. Он не стал рассказывать, что видел счастливую после извинений Уэнсдей Инид. — Думаю, утром у вас всё нормально будет.

— У нас и так всё нормально, — фыркнула Уэнсдей.

Гарри промолчал и лишь бросил взгляд на Вещь. Тот посмотрел в ответ, если его движение обрубком можно так охарактеризовать.

Уэнсдей подняла руку и два раза щёлкнула пальцами — статуя быстро и почти бесшумно отъехала назад, пропуская мимо себя двух учеников.

— Дядя Фестер? — позвала Уэнсдей, спускаясь по лестнице вниз. Рядом шёл Гарри, рассматривая рисунок на полу. Человеческие черепа, как символ каких-нибудь тайных обществ, вызывали у него мрачные ассоциации.

— Кто такой «дядя Фестер»? — послышался хорошо знакомый голос, и Уэнсдей с Гарри остановились, рассматривая, как из-за колонны выходит Ксавьер, держа в руке толстую книгу.

— Что ты тут делаешь? — не растерялась Уэнсдей, предпочитая задать встречный вопрос и не отвечать на полученный.

— В отличие от вас, — Ксавьер окинул их недовольным взглядом, — я состою в этом клубе и имею право здесь находиться.

— Официально клуб был закрыт тридцать лет назад. Так что ни ты, ни мы находиться здесь права не имеем, — без промедления парировала Уэнсдей.

— И что вам надо в нашей библиотеке? — Ксавьер фыркнул, проигнорировав её. — А, постойте, вы наверняка ищите что-нибудь о монстре?

— Да. — Гарри предпочёл лишний раз не напрягать обстановку. Уэнсдей и Ксавьер смотрели друг на друга как кошка с собакой.

— Зря стараетесь, я перерыл здесь всё, но ничего не нашёл. — Художник отвернулся и поставил книгу на полку.

— Удивительно, правда? — не скрывая сарказма, Уэнсдей фыркнула и повернулась, собираясь уйти. Только сейчас Гарри понял, что Вещь пропал, видимо, решив не

показываться на глаза Ксавьеру.

— Напекаешь, что это я мог скрыть всю информацию о монстре?! — В ярости Ксавьер буравил взглядом спину Уэнсдей. Гарри устало выдохнул.

— Ты всегда оказываешься рядом, когда появляется монстр. — Она замерла перед лестницей, но затем всё же передумала уходить и пересеклась взглядом с Ксавьером.

— Только я? — со злой иронией фыркнул он, чуть ли не тыкая пальцем в Гарри.

— Если ты о Гарри, то я его подозревала долгое время наравне с тобой. Но в свете открывшихся фактов мои подозрения оказались беспочвенны, — ничуть не сбавляя обороты, ответила подруга.

— Я с самого первого дня был на твоей стороне! — проговорил Ксавьер, едва сдерживаясь, чтобы не начать орать. На взгляд Гарри, эта фраза прозвучала достаточно жалко. — Спас тебе жизнь. А в ответ? Ложь и обвинения?

— Никто тебя не обвиняет... — начал Гарри, вставая между ребятами. Напряжение в помещении росло с каждой секундой.

— Пока нет доказательств, — вставила Уэнсдей, и он бросил на неё гневный взгляд.

— ...и я не верю, что ты монстр, — закончил свою мысль Гарри.

— Хоть у кого-то в этом месте остались мозги, — пробурчал Ксавьер, успокаиваясь.

Художник прошёл мимо ребят, направляясь на выход, но перед лестницей он остановился и полуобернулся, смотря на Уэнсдей:

— Зачем мне спасать тебе жизнь? Верить, быть рядом и помогать? — Ксавьер выглядел расстроенным.

— Потому что с какой-то стати я тебе нравлюсь. — Взгляд Уэнсдей вильнул в сторону.

— Неужели? — Ксавьер с отвращением оглядел девушку сверху вниз и ушёл не прощаясь.

— Зачем ты его выводишь из себя? — задал вопрос Гарри.

— Потому что меня раздражают убийцы и лжецы.

— Шериф Галпин считал, что твой отец убийца, и что получилось в итоге? — Гарри нахмурился.

— Галпин-старший вцепился в дело тридцатилетней давности из личной неприязни к моему отцу, — фыркнула Уэнсдей. — Пошёл на поводу у эмоций и не хотел смотреть на ситуацию объективно.

Разгореться новому спору не дал Фестер, который спустился с приставной лестницы и проговорил:

— Ну и напряжение у вас тут, конечно. Даже жаль, что я не учился в Неверморе.

Дальше спорить или ругаться никто не стал: впереди их ждал сейф и дневник. Но перед этим разыгралась сценка, когда Вещь напал на Фестера в попытке задушить. Они всё упоминали какой-то инцидент в Каламазу. В конце концов порядком раздражённая Уэнсдей остановила драку коротким приказом, хотя она и не смогла пресечь колкие высказывания своего дяди в сторону Вещи, когда тот взламывал сейф.

Дневник Фолкнера выглядел потрёпанным временем. Его листы пожелтели, но буквы остались вполне читаемы, как и зарисовки изгоев. Гарри никогда не видел подобных существ, как те, что были изображены на страницах. Возможно, типы изгоев изучают на старших курсах Хогвартса, но он ещё до них не дошёл, чтобы знать наверняка.

Опасаясь, что ещё кто-нибудь может прийти в библиотеку «Белладонны», вся компания переместилась в комнату Уэнсдей, которая пока что жила одна. Уже там Гарри и Уэнсдей

пролистали страницы, пока не наткнулись на изображение хайда в полный рост. Здесь было то, что нужно, но самое главное — они поняли, что убийца не один. Их двое. Монстр и его хозяин. В момент их разговора дверь начала открываться и в комнату вошла мисс Торнхилл.

Гарри застыл на месте, не зная, куда деваться, но в его мыслях было только то, что за его спиной стоит Фестер, и это было большей проблемой, чем всё остальное. К чему-то подобному пришла и Уэнсдей, которая попыталась подскочить к двери и закрыть её прежде, чем преподавательница попадёт внутрь комнаты, но она не успела: слишком большое было расстояние от двери до её стола.

— Уэнсдей, добрый... — Мэрилин не закончила фразу, потому что её взгляд упёрся в неожиданно оказавшегося тут Гарри.

Уэнсдей и Гарри синхронно повернулись, оглядывая место, где должен был находиться Фестер, но его там не оказалось. Он просто исчез за секунду. Гарри допустил мысль, что тот пропал как по волшебству. И кто, спрашивается, тут ещё маг?

— Гарри, неожиданная встреча, — мягко улыбнулась Торнхилл.

— Здравствуйте, — поздоровался он в ответ.

— Находиться в женском общежитии мальчикам запрещено. А после отбоя — тем более. — Учительница поджала губы, но глаза у неё понимающе улыбались. — Ты пойдёшь со мной.

Гарри кивнул, соглашаясь. Он поморщился, представив, что придётся выслушивать Уимс, у которой он и так был на плохом счету после произошедшего в доме Гейтсов. Гарри лишь уповал на то, что она не станет выгонять его из школы за такой небольшой проступок, как посещение женского общежития. Кент вон вообще прописался у девчонок, и его как минимум раз в неделю вытаскивали из комнат сирен.

— Гарри, не подождёшь за дверью, пожалуйста? Нам с Уэнсдей нужно поговорить.

Ждать Торнхилл долго не пришлось: разговор женщины с его подругой не занял много времени — лишь пару минут. Она вышла из комнаты и сразу направилась к выходу из общежития.

— На первый раз, я думаю, совсем не обязательно привлекать директора, — Торнхилл бросила взгляд на Гарри, — она попросила сразу говорить, если вы с Уэнсдей сделаете что-нибудь не так. Но. Я не замечала за тобой явного саботирования правил.

— Спасибо. — Гарри выдохнул с облегчением.

Торнхилл импонировала ему как человек: она всегда была добра и весьма расположена к студентам. Несмотря на то, что она — нормис, многие изгой приняли Торнхилл в свой круг.

— Но только на первый раз. Попадёшься ещё — я пойду к директору, — строго предупредила преподавательница.

— Понял, — Гарри кивнул, — ещё раз большое вам спасибо.

— Иди уже. — Она поправила свои очки и очаровательно улыбнулась. — И смотри — не попадись кому-нибудь ещё!

— Не попадусь, — уверенно отозвался Гарри и пошёл в сторону общего коридора. Торнхилл с места не сдвинулась, провожая его спину взглядом.

В свою комнату Гарри попал без проблем. Кент обнаружился лежащим на кровати и

листавшим свой телефон. Друг бросил короткий взгляд, проверяя, кто пришёл, а затем снова уткнулся в гаджет. Гарри, не раздеваясь, упал на своё спальное место и закинул ноги на изножье.

Кент неожиданно забурчал, резким движением выключил свой смартфон и кинул его куда-то в сторону собственных ног.

— Не залетело! — произнёс он мрачно.

— Не залетело что? — поинтересовался Гарри, поглядывая на друга.

— Ставка на футбол. Сто баксов профукал.

— С каких пор ты ставишь ставки? — заинтересованно поднял бровь Гарри.

— Уже недели две как. Я тебе, кстати, говорил.

— Прости, забыл. В последнее время столько всего произошло. — Гарри откинулся на кровати, удобнее располагаясь на подушке.

— Я заметил, — фыркнул в ответ Кент.

— Хотелось бы просто пожить как нормальный школьник, но не судьба.

— В Неверморе? Как нормальный? — Кент иронично хмыкнул. — А жареных гвоздей не хочешь?

— Что?

— Я спросил: жареных гвоздей не хочешь? — Слыша молчание с другой кровати, Кент горестно вздохнул: — Ты чё, англичанин, «Черепашек-ниндзя» не смотрел?

— Вообще-то смотрел, но не помню такой фразы.

Гарри действительно видел этот мультсериал в детстве. Тогда они с Дадли ещё не ходили в школу, проводя основное время перед телевизором. Эти часы, когда они вдвоём с упоением смотрели очередное кино, были для него одними из самых счастливых за всю жизнь у Дурслей. А «Черепашки-ниндзя» запомнились ему тем, что, насмотревшись, его кузен всё время гонялся за ним с целью отработать парочку приёмов самодельными мечами или купленными родителями нунчаками.

— Всё с тобой ясно, ньюфаг, — махнул рукой Кент. — Это из старой версии бородатых годов — восьмидесятых или девяностых. Да как можно не знать этот мем?!

— Что такое мем?

— О-о-о, — протянул Кент, а потом неожиданно замолчал, чтобы через пару секунд с подозрением спросить: — Ты меня троллишь что ли?

— Не троллю. — Это слово Гарри знал, правда, сам не понимал откуда, но смысл был понятен даже ему.

Дальше Кент рассказывал Гарри о культуре смешных картинок с подписями. Они проболтали достаточно долго, и последнее, что Гарри запомнил, — это рассказ о какой-то там игре, где были трон, крипы, которые давали золото, и куча героев со своими способностями. Затем рассказ Кента сбился и оба не заметили, как уснули.

Утро, на удивление, оказалось весьма неплохим: светило солнце, пели птицы, всё вроде бы было хорошо. Но Гарри чувствовал, что что-то должно было произойти. Да, он не мог, как Уэнсдей, видеть будущее напрямую, но его чуйка на неприятности всегда была остра. Вряд ли этот день будет обычным — в этом он был уверен на все сто процентов.

Ближе к обеду Уэнсдей поймала Гарри в коридоре школы и рассказала, что проследила

за Ксавьером, который на берегу реки встречался с доктором Кимботт. Судя по словам подружки, Ксавьер вёл себя крайне подозрительно и нервно.

— Я уверена, что Кимботт и Ксавьер — убийцы, — подытожила она.

— А я нет, — устало вздохнул Гарри. Его немного напрягало поведение подружки. Уэнсдей, по его собственным ощущениям, совершала ту же самую ошибку, что и он сам на первом курсе Хогвартса, когда пытался обвинить Снейпа в попытке похищения Философского камня.

— В комнате Лорал Гейтс стояли те же самые розы, что и Кимботт принесла Юджину...

— Послушай! — не выдержав, повысил голос Гарри. На них тут же обернулись проходящие мимо ученики, и он утих. — Розы — не доказательство. Их мог принести кто угодно, в Джерико всего один цветочный магазин.

— Этим утром Ксавьер встречался с Кимботт. Он нервничал и не хотел меня слушать, — настаивала на своём подруга, пристально рассматривая Гарри.

— Кент говорил, что у Ксавьера были большие проблемы с психикой и тот, как и ты сейчас, приходил к психиатру на лечение. После того как ты раз десять намекнула ему, что он убийца, думаю, у него снова могло переключиться в голове. Да и к Кимботт ходит почти половина Невермора, тогда и их запишем в подозреваемые?

— Почему ты пытаешься меня разубедить и встать на их сторону? — недовольно пробурчала Уэнсдей.

— Потому что я не хочу, чтобы невинные люди пострадали. А ты не в состоянии смотреть на вещи объективно, — как ему казалось, справедливо заметил Гарри.

— Я? — удивлённо спросила Аддамс. Её ещё ни разу в жизни не обвиняли в отсутствии объективности.

— Ты. Психиатр тебе не нравилась с самого начала, как и Ксавьер. И сейчас ты упорно пытаешься доказать, что они убийцы, не имея ни одного прямого доказательства. Уэнсдей, так нельзя.

— С каких пор ты решаешь, что можно, а что нет? В любом случае я всегда объективна и непредвзята. Зря я вообще к тебе подошла. — Она развернулась и пошла к лестнице, ведущей к кабинету директора.

— Уэнсдей, это ошибка! — крикнул Гарри ей вслед, но подруга даже не повернулась, продолжая идти вперёд.

Гарри проводил её взглядом и задумался, зачем вообще Уэнсдей рассказывать ему о своих домыслах. Наверное, ей просто хотелось с кем-то поделиться. Раньше для этого была Инид, но та всё ещё не простила свою подругу, намереваясь показать, насколько Уэнсдей обидела ту своим поведением.

В следующий раз они пересеклись уже в Weathervane. Гарри иногда заглядывал в городок прогуляться или посидеть в кафе. На этот раз место, где сидели когда-то Сириус и Гарри, заняли Уэнсдей и Фестер. Он подумал, что верхом глупости будет приходить в людное место, когда ты в розыске, но, может, он чего-то не понимал?

Фестер приветливо замахал ему рукой и пригласил присесть к ним. На столе находились две кружки с недопитым кофе и раскрытый на странице с хайдом дневник

Фолкнера. Уэнсдей старалась не смотреть на Гарри, будучи всё ещё обиженной на их прошлый разговор.

— Капучино с шоколадным сиропом? — Сбоку подошёл Тайлер, приветствуя Гарри улыбкой. Он прекрасно помнил, какое именно кофе предпочитал англичанин.

— Лучше чёрный чай с молоком, — отозвался Гарри, которому нравилось пить кофе только утром, а сейчас время было к обеду.

После того как Гарри произнёс свой заказ, все трое, включая Фестера, посмотрели на него, как на очень странного типа.

— Зачем в чай добавлять молоко? — поинтересовалась Уэнсдей, всё ещё не отрывая взгляд от дневника.

— Обычный чай с молоком, — пожал плечами Гарри. — В Америке так не пьют?

— В Джерико — точно нет, — отрицательно мотнул головой Тайлер. — Я могу принести чай и молоко по отдельности, а ты сам нальёшь сколько нужно, идёт?

— Идёт, — ответил Гарри.

Тайлер кивнул, и его взгляд упал на Уэнсдей, а с неё — на дневник. Его глаза расширились в удивлении, и тот, забыв обо всём, задал вопрос:

— Это же тот монстр, да? — спросил он и посмотрел на Гарри, который кивнул.

Уэнсдей начала тихо объяснять Тайлеру, что это за монстр такой, как в то же время в кафе собирался зайти шериф. Гарри заметил, как Фестер невероятно быстро для своей комплекции перевернулся через спинку сиденья и упал назад, скрываясь от взгляда правосудия. Сделано это было бесшумно и профессионально — становилось понятно, что такое для дяди Уэнсдей не впервой.

Гарри так и остался сидеть на месте, когда заметившие появление нового лица Уэнсдей с Тайлером поднялись из-за столика.

Они втроём о чём-то тихо поговорили, кажется, шериф не собирался устраивать новые сцены истерики по поводу встречи его сына и дочери Аддамсов, и вместо этого он показал им какую-то бумагу.

— А, Блэк-телепат, — обратился к Гарри шериф, — не видел? — Мужчина показал ему розыскную листовку, на которой красовался Фестер, хотя его лица не было видно из-за шляпы.

— Нет, — покачал головой Гарри.

— Скорее метеорит упадёт нам на голову, чем кто-нибудь из Невермора скажет что-то полиции, да? — задал риторический вопрос Галпин-старший, затем развернулся к сыну и, отдав листовку, пошёл на выход.

Тайлер посмотрел на Гарри, а потом попросил Уэнсдей отойти на небольшой разговор. Гарри, конечно, было интересно, что они собрались обсуждать, но лезть подслушивать он всё равно не собирался. Вместо этого он заглянул за спинку своего сиденья — туда, где должен был находиться Фестер, но никого там не обнаружил. У Фестера оказался талант к внезапному исчезновению.

Уже через пару минут голубки прекратили ворковать и разошлись. Уэнсдей быстро попрощалась, забрала дневник, что лежал на столе, и ушла искать своего дядю. Зато Тайлер, проводив взглядом подругу, неожиданно вспомнил, что у него остался заказ от Гарри, поэтому быстро к нему подошёл.

— Про чай не забыл, — улыбнулся он. — Сделаю один звонок и сразу возьмусь за дело.

Гарри в ответ молча кивнул. Тайлер отошёл подальше от людей и быстро кому-то

набрал по телефону. Он не переставал говорить больше минуты, затем выслушал ответ и положил мобильник. Гарри наблюдал за ним с непонятными чувствами. Он не говорил Уэнсдей, но ему ещё с посещения дома Гейтсов — а может, даже раньше — начало казаться, что с Тайлером что-то не так. Но подозревать нормиса в том, что тот может быть хайдом? Все улики, пусть косвенные, как говорила и Уэнсдей, указывали на Ксавьера и Кимботт.

Больше получаса Гарри пил свой чай с молоком, но всё когда-нибудь заканчивается. Так что он заплатил за себя, оставив хорошие чаевые, и пошёл в Невермор.

Убийства, расследования, тайны, — это всё хорошо, но завтра должен состояться итоговый экзамен по математике, так что следовало бы уделить подготовке хоть немного своего времени. Если сначала — когда он только поступил в Невермор — Гарри много время проводил за учебниками и домашним заданием, учась более-менее нормально, то сейчас его оценки скатились вниз. Слишком много времени и моральных сил он отдавал другим делам, включая приключения с изгоями, практику с телекинезом и окклюменцией. Всё становилось копией Хогвартса, где он таким же образом был занят спасением своей жизни и раскрытием скелетов в шкафах.

Ближе к вечеру, во дворе, Гарри пересёкся с Инид. Заметив его, та сразу убрала телефон в сторону и подошла. Разговоров о магии, которых опасался он, не было. Инид поняла, что задалбливать кого-то вопросами не очень вежливо, так что поумерила пыл. Вместо этого она рассказала ему о том, что говорила с Торнхилл, но та почему-то отказалась сегодня же переселить девушку обратно к Уэнсдей, сославшись на какие-то бумаги.

— Решила помириться? — улыбнулся Гарри.

— Да! — Инид жизнерадостно подпрыгивала на месте. — Мне кажется, Уэнсдей поняла, что поступила неправильно, не предупредив, куда мы идём.

— Странно, что Торнхилл не позволила тебе сегодня уйти обратно, — заметил Гарри.

— Ну и ладно, — махнула рукой Инид, — в любом случае я в выигрыше — Йоко тоже классная. У неё ещё ночью глаза красным светятся. Выглядит жутко, но прикольно. А ещё я говорила с мамой о волшебниках...

— Инид! — недовольно зашипел Гарри.

— Я ничего ей такого не сказала! — моментально отреагировала подруга. — Просто аккуратно задала вопрос!

Гарри с шумом выдохнул. Возможно, говорить о магии ей было ошибкой.

— И что она сказала? — всё же задал вопрос он.

— Ничего, — буркнула Инид в ответ, — ушла от темы. Так или иначе, я поняла, что она знает о вас.

— Я же говорил, что волшебники и изгой стараются друг друга не замечать...

Дальше ребята говорили о возможных причинах конфликта между их видами. Гарри вспомнил, что ему как-то Сириус говорил о геноциде по отношению к изгоям, устроенном в Европе пару столетий назад... и о нескольких десятках похожих случаев после этого. В любом случае обеим сторонам было, что друг другу сказать, оттого никто ничего и не говорил. Худой мир лучше доброй войны.

Инид не отлипала от Гарри ещё несколько часов и даже на ужине села рядом с ним. Она снова засыпала его градом вопросов, но в этот раз они хотя бы не весь разговор провели в формате интервью. Гарри удалось несколько раз сместить тему на более нейтральные варианты, например, на экзамены. Выражение лица Инид в этот момент напоминало сморщенный лимон. В любом случае было весело.

Гарри поглядывал по сторонам, выискивая Уэнсдей, с которой он хотел поговорить о Тайлере, но её не было нигде. Лишь ближе к концу ужина та появилась, но буквально на пару минут: наложила в контейнер еды и снова скрылась. Понятное дело, что та понесла её своему дяде. И Гарри принял решение проникнуть в комнату Уэнсдей после отбоя — так было проще всего.

Инид и Гарри расстались только ближе к вечеру. Она этому рада не была, но всё же ушла к себе. Его подруга умела быть навязчивой, хотя сама Инид этот недостаток признавала и даже старалась бороться с ним, но время от времени её заносило.

Гарри прождал больше сорока минут после отбоя, чтобы школа утихла и учителя разошлись по своим спальням, и только после этого вылез из собственной комнаты через окно, направляясь к Офелия-холлу. Наблюдавший за его ночными приключениями Кент лишь усмехнулся, но никаких вопросов задавать не стал. Он и сам был любителем ночных вылазок по школе.

— Уэнсдей! — негромко позвал Гарри, пару раз стукнув костяшками пальцев по стеклу. Ему никто не ответил.

Внутри комнаты Аддамс была темнота, а луну, которая смогла бы разогнать её, не вовремя закрыла большая туча.

— Уэнсдей! — предпринял ещё одну попытку он, но так же остался без ответа. — Я вхожу!

Гарри надавил на раму и залез в небольшое окошко. Каким образом Уэнсдей затаскивает через него свою огромную виолончель, он старался не думать. Под его ногами что-то захрустело.

— Что за... — недовольно пробормотал себе под нос Гарри.

Он сделал несколько шагов вперёд, и под его ногами захрустели книги, бумаги и чужие вещи. Гарри пару раз чуть не споткнулся, пока наконец не нащупал на стене выключатель и комнату не озарил свет.

Вся сторона, где жила Уэнсдей, была в разрухе. Кто-то явно постарался, раскидывая вещи его подруги. По всему помещению валялись листочки и книги, шкаф, как и стол, был вывернут наизнанку. Неизвестный «взорвал» даже кровать.

Подобная ситуация Гарри была знакома. Когда-то давно, уже, кажется, в другой жизни, его комнату тоже перевернули вверх дном, разыскивая одну вещь...

— Дневник! — Гарри был уверен, что Уэнсдей хранила записи Натаниэля Фолкнера у себя в комнате; неизвестный, видимо, думал так же.

Нашёл ли грабитель то, что искал, было непонятно.

Гарри не сразу заметил, но в некоторых местах была кровь. Особенно большая лужа натекла под древний граммофон. У Гарри сжалось сердце, когда он подумал, что грабитель убил Уэнсдей, но уже через секунду он понял, что подругу никто не трогал — над граммофоном висел Вещь, пронзённый кинжалом насквозь и пригвождённый к деревянной раме. Именно от него натекла кровь, правда, откуда взяться такому количеству в одной лишь руке, было совершенно непонятно.

— Вещь! — Гарри подскочил к раненому другу Уэнсдей. Тот едва заметно шевелил пальцами, подавая признаки жизни.

Гарри сгрёб ближайшую валяющуюся одежду Аддамс — это оказалась белая блузка — и, вытащив кинжал прямо из насаженного на него Вещи, аккуратно положил его на ткань, которая моментально окрасилась в красный. Гарри знал, что при колотом ранении лучше ни

в коем случае не вытаскивать нож или любой другой острый предмет из раны, так что и сам так делать не стал.

В стрессовых ситуациях он всегда соображал намного быстрее, так что выбор, куда бежать, был сделан за секунду. В медблок с раненым Вещью не пойдёшь: будут ли там помогать отрезанной руке, было непонятно, да и вопросов задали бы слишком много. Зато Фестер мог помочь. Гарри не знал, разбирается ли тот в медицине, но выбора не было. К тому же Уэнсдей должна находиться на пасеке вместе с дядей.

Так быстро — как сегодня — он ещё с Офелия-холла не слезал. Не то чтобы это было сложно, но обычно заморочиться всё равно бы пришлось. Но сейчас Гарри чуть ли не слетел с башни, неосознанно помогая себе магией.

До сарая, в котором временно обитал Фестер, Гарри добежал за рекордные несколько минут. Если бы кто-то посторонний видел этот забег, то с уверенностью бы сказал, что видел самого быстрого человека на земле.

— Фестер! — крикнул Гарри, пинком открывая дверь.

Он уже ждал. Видимо, услышал, что кто-то бежит к его двери, и был наготове. По рукам Фестера пробегали электрические разряды, и он замер в такой позе, словно собирался прыгать.

— Быстрее! — Не обращая внимания на нелепую позу дяди Уэнсдей, Гарри протянул Вещь вперёд.

— Чёрт! — нелепо вскрикнул Фестер и перехватил друга. — Что с тобой, дружище?!

Гарри бросился к столу, сметая с него всякий хлам и освобождая место, параллельно отвечая на вопрос Фестера:

— У него нож в... руке, — слегка затупил он на последнем слове.

— Да я знаю, что тебе больно! — Фестер не обратил внимания на ответ Гарри, читая по пальцам, что говорит Вещь.

Он быстро положил друга на стол и резким движением выдернул ножик, отбрасывая его на пол.

— Не ной, чёрт тебя дери! — прикрикнул Фестер. — Сейчас зашьём и всё будет нормально! Не в первый раз же!

Наблюдать за быстрыми и точными движениями Фестера, когда тот сноровисто зашивал рану своему другу, было не очень-то и приятно. Гарри не стал вставлять своё мнение по поводу того, что рану надо сначала обеззаразить и каким-то образом остановить кровь; кажется, Фестер знал, что делает и без его советов.

Вещь поманил Гарри поближе и медленно начал шевелить пальцами.

— Со спины... — прочитал он. — Ублюдки. Дневник забрали... Понятно. Нет, я её не видел.

Уэнсдей влетела в сарай через секунду после того, как Гарри ответил на вопрос. Глаза девушки горели. Она взглядом пробежалась по комнате, а затем остановилась на своём друге, которого оперативно зашивали.

— Нет! Вещь! — Уэнсдей бросилась к Вещи, упав на колени рядом со столом. — Что с ним, дядя Фестер?!

— У него был нож в руке, — хихикнул взмокший Фестер, повторяя фразу Гарри.

Уэнсдей не разделила смех своего родственника. Она кусала губы, смотря на друга, и что-то тихо ему шептала, отвечая на движения каждого пальца.

— Я им отомщу, клянусь. — Уэнсдей проглотила тугой комок в горле, а её глаза

заблестели от непрошенных слёз. — Они будут страдать. Медленно и долго.

Фестер сделал шаг назад. Раны были зашиты. Вещь перевернулся на ладонь и вытянул мизинец, Уэнсдей всхлипнула и протянула в ответ свой, скрепляя пальцы в замок.

— Всё будет нормально, — серьёзно произнёс её дядя и положил ладонь на плечо племянницы.

Уэнсдей тут же поднялась, сбрасывая руку Фестера, и быстрым движением стёрла слезинку.

— Твой байк нашли полицейские. Тебе пора уходить. В следующий раз кради что-нибудь неприметное, — посоветовала она.

— А в чём тогда веселье? — Фестер развёл руками. — Пригляжу за пациентом до утра, а потом исчезну с первым солнечным ветром.

Уэнсдей кивнула и повернулась к Гарри. С её глаз всё ещё не сошла краснота, и видеть их такими было странно. Ему подумалось, что есть в этом что-то интимное — не каждый может увидеть плачущую Аддамс и остаться при этом живым.

Она протянула вперёд руку, и Гарри её пожал, окрашивая в алый цвет.

— Спасибо. Если бы не ты, Вещь бы умер. — Уэнсдей смотрела прямо в зелёные глаза за круглыми очками. Гарри кивнул.

Когда они уже разжимали рукопожатие, глаза Уэнсдей неожиданно закатились, и та начала падать, заваливаясь на бок. Гарри успел подхватить подругу прежде, чем та ударилась о пол.

— Что с ней?! — Фестер в одно движение оказался рядом, приседая рядом с племянницей на руках у Гарри.

— Видение, оно обычно... — начал объяснять Гарри, но ещё до того, как он закончил, Уэнсдей глубоко вдохнула и раскрыла глаза, глядя прямо на него, — быстро заканчивается. Что ты видела?

— Тебя.

Уэнсдей очнулась на территории Невермора. Мимо неё пробежали трое учеников, пропав через несколько метров в туманной дымке. Она оглянулась: коридор, выходящий во двор, был ей хорошо знаком. Если пройти прямо, то можно попасть к статуе, хранящей тайну библиотеки «Белладонна».

Но сейчас Уэнсдей подталкивало в другую сторону — к открытым дверям, ведущим в четырёхугольный двор. Она поднялась с пола. Очередное видение застало её неожиданно, быть готовым к таким вещам было невозможно.

Уэнсдей двигалась вперёд, и туман перед ней рассеивался, открывая всё новые и новые участки. По коридору словно прошла волна ветра: картины были сорваны с креплений на стенах, выставленные средневековые доспехи разлетелись повсюду грудой железного хлама, разбитые горшки с растениями осыпали всё вокруг землёй. Чем ближе Уэнсдей оказывалась к выходу из коридора, тем большей была разруха и тем сильнее нарастал непонятный шум, похожий на ультразвук.

Видение в этот раз было очень чётким, как будто она находилась в реальности, а не в собственном разуме. Идти было легко, но Уэнсдей не торопилась, рассматривая окружение настолько пристально, насколько могла, но ничего особо важного она не замечала.

— ...сын Сатаны! — Уэнсдей услышала только окончание фразы. Говоривший отличался мощным, искажённым голосом, пронёсшимся сквозь всё видение.

Она сделала один шаг вперёд, выйдя на зеленоватый свет, который лился из открытых дверей, и замерла, рассматривая открывшуюся причудливую картину: как муха, подвешенная на паутине, в воздухе завис парень. Уэнсдей быстро распознала в нём Гарри, который повернул голову и смотрел в сторону, вытягивая руку, будто пытался что-то поднять; его губы тихо раскрывались в едва слышимых ругательствах. А прямо впереди, направив на него посох, стоял Крэкстоун или кто-то на него очень похожий, ибо руки и лицо высокого мужчины скрывала чёрная дымка, но одежда выдавала в нём давно мёртвого пилигрима.

Уэнсдей была полностью уверена, что это именно Джозеф Крэкстоун — основатель Джерико и семьи Гейтс. Навершие посоха было направлено на повисшего в воздухе Гарри, и оно с каждой секундой разгоралось всё сильнее, словно выкачивая из него магию. Зелёный свет становился нестерпимым, освещая всю территорию двора. Уэнсдей из последних сил, прикрывая глаза рукой, отследила взгляд Гарри — Поттер тянулся к палочке, лежавшей в нескольких метрах от него, но вместо того, чтобы притянуться к руке хозяина, палочка лишь всё дальше отъезжала, как будто на неё дул сильный ветер.

Неожиданно Крэкстоун покачнулся и за два длинных шага преодолел расстояние до Гарри; кажется, пилигрим хохотал, но за невыносимым ультразвуком трудно было что-то расслышать. Какой-то предмет блеснул в зелёном свете, но Уэнсдей успела заметить, что это был кинжал. Мужчина быстрым и точным движением воткнул оружие в грудь Гарри.

Что было дальше, Уэнсдей не знала. Зелень вокруг вспыхнула и взорвалась ослепительным светом, а затем пришла тьма.

Но пробуждения, которого ожидала Уэнсдей, не случилось — её вновь затянуло в видение. Она стояла там же, где и до этого — перед дверьми в четырёхугольный двор. Но сейчас всё было по-другому. Мёртвый Гарри лежал на земле, его голову держал на коленях Сириус, трясущейся рукой поглаживая по волосам. Зелёные глаза утратили любые признаки

жизни, а круглые очки были разбиты и валялись под ногами Уэнсдей.

Двигаться в этом видении было практически невозможно — как будто воздух был напитан неизвестной силой, которая не позволяла видению разгуляться во всю ширь. Картинка была нечёткой, постоянно пыталась расползтись в стороны и разбиться на чёрный туман. Но даже так Уэнсдей могла видеть, что весь четырёхугольный двор был изрыт, трава сожжена, а дерево в центре просто перестало существовать. Многие стены словно расплавились, камень на них потёк, в оконных рамах не осталось никаких стёкол, а половины колонн не хватало: одни были уничтожены, другие пошли огромными трещинами.

Но больше всего привлекал внимание Сириус. Едва заметно по его щекам текли слёзы. Почему-то отец Гарри то исчезал, то появлялся, иногда заменяясь на чёрного лохматого гигантского пса. Но неизменными остались две вещи: что пёс, что человек смотрели на мёртвого Гарри с болью, а за спиной стояли четверо неизвестных, направляющие свои волшебные палочки на потерявшего всякую надежду Сириуса.

Слова четвёрки слышны не были, но их палочки налились зеленью, и в этот момент видение потеряло свою стабильность и разбилось на тысячи кусочков, превращающихся в туманные сгустки.

— ...быстро заканчивается, — услышала Уэнсдей, открывая глаза. — Что ты видела?

Над ней замерли два обеспокоенных человека: Фестер, присевший рядом, и Гарри, державший её на руках. Её друг хмурился, пытаясь что-то разглядеть в подруге.

— Тебя, — ответила Уэнсдей.

Она вывернулась из рук Гарри и поднялась, осматривая помещение ошарашенным взглядом. Уэнсдей всё ещё не отошла от двух подряд обмороков. Её слегка мутило, но она не подала виду.

— Что-то хорошее? — без лишней надежды поинтересовался Гарри.

— У меня не бывает хороших видений, — быстро отреагировала Уэнсдей и добавила: — Я видела твою смерть от рук Крэкстоуна.

Гарри промолчал, переваривая новую информацию.

Чуть переведя дух, Уэнсдей рассказала всё, что видела, не утаив ничего. В этот раз видение касалось другого человека.

Гарри слушал внимательно, анализируя и стараясь запомнить всё до мельчайших подробностей. Он почти не показывал эмоций.

— Ясно, — спокойно отозвался Гарри.

— Это точно был Крэкстоун, но его лица я не видела, — дополнила она.

— Значит, кто-то мог надеть его одежду.

Уэнсдей хотела что-то ответить на это, но в разговор встрял дядя:

— Ты сказала, что он делал что-то посохом. Он маг?

— Что-то знаешь о них? — Уэнсдей бросила нечитаемый взгляд на дядю.

— Немного. Лишь то, что от волшебников следует держаться подальше, — хихикнул Фестер. — Уверен, мало кто из изгоев может убить одним словом, а вот волшебники — да.

Уэнсдей и Гарри переглянулись между собой, он хмыкнул, едва заметно кивнув.

— Исключать вариант, что Крэкстоун — волшебник, мы не можем, — согласилась Уэнсдей, — но в любом случае это ни на что не влияет. — Чуть подумав, она закончила: — Мне нужно к Уимс, расскажу ей о погроме и дневнике, надеюсь, хоть в чём-то она сможет помочь.

— Я вернусь к себе, подумаю над твоим видением и о том, можно ли его изменить.

Вещь, выздоравливай, — махнул Гарри руке своей рукой, в ответ получив усталое шевеление пальцами.

— Тогда пора прощаться, — Фестер сделал шаг навстречу Гарри и протянул руку, — спасибо за помощь. Кто знает, что могло бы произойти, если бы тебя не было. — Гарри в этот раз не дёрнулся назад, а ответил на рукопожатие, не опасаясь, что его ударят током. — Если тебе понадобится помощь Аддамсов — обращайся.

Гарри кивнул и вышел из сарая, направляясь к Чёрной башне. Кент будет в шоке, когда увидит залитого кровью друга.

— Пора и нам попрощаться, — грустная улыбка показалась на лице Фестера, когда тот повернулся к своей племяннице.

Гарри действительно мало переживал о видениях своей подруги. Его такие вещи не пугали — хватит с него пророчеств собственной смерти. Спасибо за отсутствие страха можно было уверенно передать Трелони, которая целый год страдала его предсказаниями смерти каждый урок прорицаний. Но делать всё равно что-то было нужно, поэтому Гарри раздумывал, как можно себя обезопасить.

Лицо Кента, когда тот увидел заляпанного кровью Гарри, стоило видеть, но тот легко успокоил друга, сказав, что эта кровь не его. Гарри очень позабавило, что Кент сразу же прекратил всяческие вопросы и отставил беспокойство. Друг помог ему отстирать кровь, не интересуясь, откуда она появилась, и за это Гарри был весьма признателен, хотя, несомненно, подобное поведение было совсем нетипичным для нормальных людей.

На следующий день после очередного экзамена Гарри хотел найти Уэнсдей, чтобы обсудить некоторые свои мысли, но её нигде не было. Зато была Инид, которая утром переехала обратно к Уэнсдей и помогла той с уборкой в комнате.

Инид обнаружилась в одном из коридоров. Она болтала с Йоко. Гарри вежливо, но весьма настойчиво попросил уделить ему пару минут наедине с Инид.

— Она пошла к Кимботт, — ответила та на вопрос Гарри.

— Зачем? У неё же послезавтра очередной сеанс, — нахмурился он.

— Не знаю, — пожалала плечами Инид, — её перед этим Бьянка куда-то утащила. С каких пор они стали подругами? У них ещё и общие секреты появились... — Кажется, Инид была немного расстроена этими новостями.

— Ясно, спасибо.

— А! Уэнсдей забрала с собой шкатулку Гейтсов, — припомнила Инид.

— Понял. Ещё раз спасибо, пока.

Гарри развернулся и пошёл на выход. Уэнсдей, судя по всему, совсем поверила в теорию, что психиатр была преступницей, и шла её обличать, основываясь на каких-то псевдоуликах. Он не знал, о чём говорили Бьянка и Уэнсдей, но был уверен, что это стало последней каплей для доморощенного изгоя-детектива.

Джерико — маленький город, так что Гарри знал, где принимает доктор, поэтому без промедления направился туда, но не успел — Уэнсдей уже выходила из здания. Она перешла через дорогу, смотря себе под ноги и не слыша окриков.

— Уэнсдей! — Гарри аккуратно притронулся к плечу подруги, останавливая её. Он прекрасно помнил, что Уэнсдей очень не любит прикосновений, но другого пути привлечь к

себе внимание он не видел. Она повернулась к нему, лишь через секунду поняв, кто её остановил.

— Что?

— Как прошла поимка преступника? — Гарри прищурился.

— Никак, — фыркнула Уэнсдей, — она вела себя совсем не так, как я ожидала. Но теперь Кимботт знает, что я в курсе, кто она на самом деле. Шкатулка вернулась к владельцу.

Она выглядела довольной, чёрные глаза блестели от переполнявшего их чувства победы.

Неожиданно они услышали громкий женский крик, разнёсшийся далеко по улице. Гарри с Уэнсдей резко повернулись.

Уэнсдей, ничуть не раздумывая, бросилась обратно в здание, из которого только что вышла. Гарри бежал следом за ней.

В кабинете доктора Кимботт уже собралось несколько человек, кто-то звонил в 911. Растолкав людей, Уэнсдей ворвалась в кабинет: психиатр лежала в луже собственной крови и ещё была в сознании, бешено бегая глазами по всей комнате и что-то говоря, но вместо слов были лишь булькающие звуки — горло оказалось разорвано. Женщина сжимала руками живот, пытаясь не дать выпасть содержимому, но вряд ли это помогло, так как рана была очень глубокой. Не выдержав такого зрелища, Гарри отвернулся. Уэнсдей смотрела прямо, но теперь никакого самодовольного выражения лица у неё не было — лишь сосредоточенность.

— Грядёт эндшпиль, — едва слышно проговорила та.

Скорая, как и полиция, приехала очень быстро. Медики грубо отпихнули в сторону от умирающей женщины посторонних людей, которые пытались помочь, останавливая кровь одеждой. Кимботт положили на каталку и вынесли из кабинета, но Гарри очень сомневался, что ей смогут помочь.

А ещё тут был Галпин-старший — вот уж кто буквально прожигал их взглядом. А когда тот начал допрашивать Уэнсдей и Гарри в коридоре здания, то приехала Уимс. Выяснилось, что обвинить в чём-то двоих учеников Невермора невозможно: во время нападения сразу несколько человек видели, как они разговаривают перед зданием. Алиби не спасло Уэнсдей от дополнительных вопросов, но та ни слова не обронила о своих подозрениях.

Она смогла упросить шерифа съездить в больницу к Кимботт, чтобы узнать у той, кто совершил нападение. Кажется, внутри Уэнсдей ещё теплилась надежда на спасение психиатра.

К госпиталю их везла очень быстро прибывшая директор, которая всю дорогу сокрушалась насчёт того, что ни одно происшествие никогда не обходится без вездесущего носа волшебника и прорицательницы.

— Как два магнита, притягивающие неприятности, — выразилась Уимс.

Гарри, сидевший на заднем сиденье, неслышно хмыкнул. Что бы сказала Уимс, если бы узнала, что за ним гоняются все тёмные волшебники двух стран, было страшно подумать.

Им пришлось прождать больше получаса прежде, чем вышедший в приёмный покой шериф сообщил, что Кимботт спасти не удалось.

Уэнсдей была расстроена, Гарри отчётливо видел это по её лицу. Она проговорила, что нужно положить конец убийствам, и пошла на выход. Никто останавливать её не стал.

Гарри попытался заговорить с идущей к Невермору Уэнсдей, но потерпел поражение: та совсем не обращала на него внимания, сосредоточенно думая о чём-то своём. Тогда Гарри

развернулся и пошёл в Weathervane, ему хотелось проверить кое-что.

В кафе Тайлера не оказалось, но один из официантов сказал ему, что Галпину после обеда стало плохо и тот обменял свою дневную смену на ночную. В голове Гарри прозвучал отчётливый щелчок и всё стало на свои места.

Смеркалось.

Гарри шёл к Невермору через лесную дорожку, проходившую рядом с шоссе. Мысли в его голове переплетались между собой, и единственное, в чём он был уверен, — это в виновности Тайлера. Изгой, скрывающий свои способности во всех странах, является преступником, и именно таковым оказался Галпин. Хайд. Двухметровое горбатое чудовище. Не боялся бы Гарри использовать магию — монстр был бы давно остановлен, но всё вышло так, как вышло.

Боковым зрением Гарри увидел промелькнувшую вдалеке фигуру, отбрасывающую длинную тень в закатных лучах солнца. Он замер, рассматривая уходящего к дороге человека. Ему понадобилось пару секунд, чтобы опознать в нём Тайлера, о котором он думал последние несколько минут. Нормис, который оказался вовсе не нормисом, вышел к дороге, где была припаркована его машина. Он сел в неё и начал кому-то звонить.

Волшебная палочка, всё это время устремлённая в спину проходившего не так далеко Галпину, опустилась. Гарри был способен сейчас одним простым заклинанием парализовать своего знакомого, но не мог. Без доказательств его слова были такие же пустые, как и слова Уэнсдей, когда та обвиняла Ксавьера или Кимботт. И если бы он начал колдовать, его бы сразу обнаружили приспешники Волдеморта.

Стоящий в тени высокого дерева Гарри наблюдал, как отзвонившийся, по всей видимости, своему хозяину хайд завёл машину и уехал. Он посмотрел назад, туда, откуда пришёл Тайлер: вперёд шла еле заметная тропинка, уходящая в сторону Невермора, до которого было недалеко. Гарри прикинул в голове, куда та могла вести. Оказалось, что к студии Ксавьера, расположение которой ни для кого не было секретом. Но что там могло понадобиться Галпину?

Гарри шёл по следам хайда. Солнце уже давно скрылось за горизонтом, и Гарри приходилось освещать себе дорогу небольшим фонариком, который всегда находился в кармане. Так уж вышло, что большинство приключений в Неверморе проходило под покровом ночи и иметь при себе источник света (не)магического происхождения было обязательно.

В студии Ксавьера горел свет, слышались голоса: громкий — художника и тихий — Уэнсдей. О чём они говорили, Гарри пока что понять не мог, но их диалог не был дружеским, по крайней мере, со стороны парня, который почти кричал.

— Это не моё! — послышался возглас Ксавьера.

Гарри быстро прошёл до задней двери и, открыв её, шагнул внутрь.

Всё помещение было заполнено картинами художника: здесь находились изображения хайда, Уэнсдей, всяких хищных животных, гротескных зданий. Но больше всего Гарри привлекло явно недавнее художество Торпа — почти автопортрет мёртвой Кимботт с изуродованным когтями лицом. Он знал, что Ксавьера порой преследуют видения во сне.

— Ты всегда в нужном месте и в нужное время, — без удивления проговорила Уэнсдей, переведя взгляд на Гарри, и добавила: — Как по волшебству.

— Решил проследить, что я не сбегу? — нервно взмахнул руками художник, в одной из которых он держал нож.

— Нет, — ответил Гарри Торпу. — Что тут происходит?

— Помогаю Ксавьеру вспомнить его приключения, — Уэнсдей подняла вверх очки Юджина, которые были покрыты засохшей кровью, — включая недавние.

Девушка быстрым движением вынула из небольшой коробочки, стоявшей на столе, кулон Кимботт, который тоже был в крови. Она кинула его на стол.

— Ты меня подставила, — в ярости зашипел Ксавьер, едва сдерживаясь, чтобы не натворить делов.

— Я только что видел Тайлера. — Гарри стало отчётливо понятно, что именно тут делал Галпин. — Он шёл отсюда.

— Тайлера? — в один голос спросили Уэнсдей и Ксавьер.

— Он и есть хайд, — хладнокровно кивнул Гарри.

— Не знаю, он или нет, но хайд — точно не я! — воскликнул Ксавьер, но Уэнсдей его не слушала, полностью сосредоточившись на Гарри.

— Ты бредишь, — сказала она, потому что не хотела верить в слова своего друга.

— Я был в Weathervane. Работники сказали, что после обеда Тайлеру было плохо и он отпросился. Затем хайд убил Кимботт.

— Тайлер просто мог плохо себя чувствовать, — не согласилась Уэнсдей, сжимая в руке очки Юджина.

— Галпин был рядом каждый раз, когда нападал монстр, — предпринял очередную попытку Гарри.

— Как и Ксавьер.

— Прекрати! — не выдержал Гарри, прикрикнув. — Ты считаешь себя детективом, но не видишь дальше собственного носа! Кто знал о дневнике Фолкнера?! Тайлер. Кто позвал тебя на свидание, когда напали на Вещь? Тайлер. Почему хайд не убил Тайлера, всего лишь слегка оцарапав? Почему...

— Ты сам говорил, что верить косвенным доказательствам нельзя, — заартачилась Уэнсдей, перебив друга. — Вот прямые доказательства. — Она жестом указала на улики, валяющиеся на столе, а затем на картину с изуродованной Кимботт.

— Тогда что, по-твоему, тут делал Галпин? — слегка успокоившийся и понявший, что на его стороне Гарри, спросил Ксавьер, мозги которого, кажется, начали работать. — Если он хайд, значит, именно он подбросил эти вещи.

Дальше разговор продолжиться не смог: прорываясь через щели, по всему помещению заплясали синие и красные цвета. Гарри с Ксавьером быстро сообразили, откуда они могут быть.

— Что ты наделала? — спросил Гарри, смотря на Уэнсдей, которая, судя по глазам, уже не так сильно была уверена в своём решении вызвать полицию заранее.

Дверь выбили ударом ноги, и в студию ворвался шериф, с ходу взяв на прицел Ксавьера. С задней двери, где стоял Гарри, вошли ещё несколько полицейских, довольно грубо отпихивая его в сторону и направляя оружие на застывшего в шоке Торпа.

— Брось нож! На колени! Руки за голову! — громко приказал Галпин-старший.

Художник разжал руку, роняя оружие на пол. Затем подчинился и позволил себя заковать. Ксавьер совсем не постеснялся в выражениях и высказал Уэнсдей всё, что о ней думал, не слушая, как шериф зачитывал его права. Уэнсдей молчала, но по её глазам Гарри видел, что та о чём-то судорожно думала; шестерёнки её разума бешено вертелись, сопоставляя факты. Гарри со своими догадками появился крайне не вовремя и не позволил

подруге насладиться победой и собственной правотой.

Торп пытался объяснить шерифу, что он тут ни при чём, но всё было против него: улики в виде вещей жертв, множество написанных картин, изображающих как монстра, так и его жертв. Полиции даже думать не нужно было — преступник найден, дело раскрыто.

Через полчаса к студии прибыла директор. Уимс о чём-то разговаривала с Галпином, а потом отошла в сторону, не препятствуя полиции забирать художника в участок. Она внимательно посмотрела на Гарри, но ничего ему не сказала. Вместо этого Уимс увела Уэнсдей.

Очень скоро Гарри остался один, если не брать во внимание следователей, которые всё ещё осматривали художественную студию на предмет дополнительных улик, которые они могли пропустить при первичном осмотре. Он пытался поговорить с Ксавьером, но ему не позволили.

Вскоре Гарри снова пришёл в Джериико. Он хотел пройти в полицейский участок и вновь попросить встретиться с Торпом. Проходя рядом с Weathervane, Гарри бросил взгляд в панорамные окна и остановился. Его скрывала отбрасываемая ближайшим зданием тень, так что из самого кафе увидеть Гарри было очень сложно.

Людей внутри помещения находилось не очень много, зато там стоял шериф, о чём-то беседуя с Тайлером. Галпин-старший был доволен, хотя, по своему обыкновению, не улыбался. В руках он держал сразу четыре чашки кофе в картонных подносах, видимо, они предназначались коллегам. Его сын улыбку не скрывал.

Через минуту шериф вышел из кафе и направился в участок, Гарри со смешанными чувствами провожал его взглядом. В курсе ли был Галпин-старший, что его сын — убийца? Шериф не мог не подозревать, в конце концов, он ведь должен знать, кем была его жена. Или не знал? Гарри и сам был не уверен, что мать Тайлера — изгой, ведь никаких документов он не видел и даже имени её не знал. Но никто, кроме нормиса, по уши погрязшего в делах изгоев, не мог быть хайдом.

Тогда оставался один простой вопрос: умышленно ли шериф Джериико покрывает проделки своего сына? Или он не подозревает ни о чём? Тогда грош цена такому полицейскому. В конце концов, этот мужчина производил впечатление вполне адекватного представителя закона — да, не без тараканов в голове, но дело своё тот знал.

А могло ли быть так, что Галпин-старший всё понимал, но, как и Уэнсдей, пытался обвинить кого угодно, только не собственного сына? Пока Гарри не вывалил свои подозрения, Уэнсдей даже слышать не хотела, что люди, которые ей нравятся, могут оказаться убийцами. Вполне возможно, пока шериф своими глазами не увидит, как Тайлер превращается в монстра, никакие слова его не убедят.

Когда Гарри решил уйти обратно в Невермор — ибо в участке делать уже было нечего, да и не пустит никто обычного ученика к предполагаемому маньяку, — его окликнули. Это был Тайлер, который стоял на другой стороне улицы, держа в руках пакет с мусором.

То, что нормис смог заметить Гарри в глубокой тени, лишний раз подтверждало, что он не тот, за кого себя выдаёт. Раньше Гарри тоже замечал странности в Галпине, например, его необычно сильные руки. Он давно понял, что изгой во многом сильнее как обычных людей, так и волшебников.

Гарри помахал рукой в ответ. Тайлер быстро выкинул мусор и перебежал дорогу.

— Чай с молоком? — дружелюбно спросил Галпин.

— Не сегодня. — Гарри попытался отзеркалить улыбку собеседника, но вышло у него

кривовато. Он всегда был плохим актёром.

— Что делаешь здесь?

— Хотел поговорить с Ксавьером, но сомневаюсь, что твой отец к нему пустит, — честно ответил Гарри.

— Да, — протянул Тайлер, — не ожидал, что он убийца. Вроде хороший парень.

— Обычно те, на кого думаешь в последнюю очередь, становятся маньяками или предателями, — кивнул Гарри. — Спина не болит? — как можно менее подозрительно спросил он.

— Нет, даже следа не осталось, — бодро отрапортовал Галпин, улыбаясь. — На мне всегда всё заживало быстро.

Гарри хотел поддержать весёлый настрой парня, но не получалось. Спина Тайлера напоминала огромный лиловый ушиб, который должен был проходить очень долго и болезненно, но теперь от него даже следа не осталось? При резких движениях у Гарри иногда ныли рёбра, хотя хайд тогда ударил его не слишком сильно, а тут у нормиса всё прошло так быстро? Вздор.

— Рад за тебя. Главное — мы знаем, кто убийца. Непонятно только, зачем он убил своего хозяина.

— Наверное, его достало выполнять её указания? — пожал плечами Галпин.

— Или Кимботт не была ничьей хозяйкой, — протянул Гарри в ответ, пожалев о своих словах через секунду, когда Тайлер обдал его странным взглядом.

— Может быть, — согласился тот в ответ.

— Вызовешь мне Uber? — попросил Гарри.

— Тут же недалеко идти. — Галпин всё ещё не спускал странного взгляда с друга. — Ты же сюда пешком дошёл, да?

— Через лес, — почти фыркнул Гарри, но сдержался.

— Через лес... — повторил за ним Тайлер, который словно пытался что-то вспомнить, параллельно доставая телефон и включая приложение. — Готово.

Нормис показал ему телефон, где к ним ехал водитель, обещавший доставить заказчика до ворот Невермора за десять минут. Снизу горела цена.

Гарри достал бумажник и передал Галпину десять баксов за проезд, поблагодарив. Тайлер кивнул, попрощался и ушёл обратно в Weatherwane.

Не то чтобы Гарри боялся идти в школу пешком, но он справедливо опасался того, что в этот раз его телепатия может не помочь против хайда. Когда они находились в доме Гейтсов, вокруг было полно стен, о которые представлялось возможным ударить монстра. Если бы они были в открытом пространстве — всё, скорее всего, сложилось бы куда более печально.

Сидя на заднем сиденье машины с молчаливым водителем, Гарри думал, что ещё никогда в жизни он так не жалел о том, что не может использовать магию.

Гарри вернулся в комнату под самый отбой. Перед этим он успел несколько минут поговорить с Сириусом, но всё ещё не стал ему ничего рассказывать о том, что происходит в Неверморе. Правда жгла Гарри изнутри, но её ещё рано было вываливать на крёстного: у того и без постоянных приключений крестника хватало забот. С проблемами изгоев справятся и сами изгой... с небольшой помощью, конечно же.

— Выглядишь не очень, — заметил Кент, оглядывая Гарри.

Как только он закончил говорить, по общежитию прозвенел негромкий звонок, оповещающий о том, что теперь выходить никуда из собственных комнат не положено. Впрочем, кого останавливали такие запреты? Уж точно не Кента, которому позвонили минут через двадцать, когда Гарри уже успел выйти из душа.

— Десять? — Кент выглядел слегка удивлённым. — Почему? В смысле, сейчас же преподы ходят...

Кент поднялся с кровати и прошёлся по комнате туда-сюда. Голоса его собеседника из смартфона слышно не было. Гарри насухо вытирал голову, одним глазом наблюдая за другом. К сожалению, фен Кента, которым пользовались оба парня, сломался накануне, и новый пока не приобрели.

— Тоже? Подожди... Бьянка! Чёрт. — Кент бросил телефон на кровать и повернулся к другу: — Бьянка собирает «Белладонну». Сказала и тебя взять.

— Так срочно? Что случилось? — Гарри встрепенулся. Ему казалось, что за этот длинный день произошло уже всё, что только могло.

— Не знаю, — фыркнул в ответ Кент. — Что-то про хайда и Уэнсдей. Не пойму одного, — продолжал говорить Кент и одновременно натягивать на себя толстовку, — Ксавьер же оказался хайдом — зачем сбор устраивать?

— Ксавьер не хайд.

Удивительно, но Гарри, только вышедший из душа, оделся в несколько раз быстрее, чем его друг, и уже нетерпеливо ждал того около окна.

— В каком смысле «не хайд»? — не понял Кент, вылезая за Гарри в окно, прямым в ночную темень.

— В прямом, — гораздо тише проговорил Гарри, который уже давно отлично ориентировался в Неверморе и мог спокойно идти первым. — Тайлер — это хайд.

— Но он нормис!

— Т-ш-ш! — зашипел на друга Гарри, прижимаясь к стене.

Один из преподавателей шёл по коридору и своим телом загораживал проход. Друзьям пришлось прождать больше пяти минут, пока учитель литературы не перестал наслаждаться живописью на стенах и не ушёл дальше.

В библиотеку «Белладонны» ребята пришли, как оказалось, последними. Тут уже были почти все члены, за исключением Торпа.

— ...она — его мать, — чётко проговорила Уэнсдей, показывая какие-то бумаги остальным ребятам.

— Значит, Ксавьер не виноват, — на выдохе произнесла Бьянка.

— Что происходит? — подал голос Кент, спускаясь по лестнице, следом за ним шёл Гарри.

— Вы опоздали, — с укором произнесла Йоко, сидящая в самом тёмном углу. Её и заметить-то было практически невозможно, пока она не подала голос.

— Нас задержал мистер Оттерс, — ответил Гарри. — Что вы...

— Нет времени, — перебила его Уэнсдей, — через пятнадцать минут у меня назначена встреча с Тайлером. Под аркой трёх висельников.

— Нам быстрым шагом до туда примерно минут двадцать, — быстро подсчитала Дивина.

— Тогда придётся бежать, — пожала плечами Уэнсдей. — По пути объясню диспозицию опоздавшим.

— А где Инид? — задал вопрос Гарри. Странно было видеть, что их подруги тут не было.

— Я попросила её остаться в комнате на случай проверки от Торнхилл, — ответила Уэнсдей.

— В последнее время Мэрилин стала какой-то странной, — подтвердила Йоко. — Постоянно лезет проверять комнаты.

Только на то, чтобы выбраться из школы и не попасться на глаза редким преподавателям, ребятам пришлось потратить десять минут, а затем бежать к месту встречи. По пути Уэнсдей действительно пояснила своё поведение и обрисовала план действий по поимке хайда.

— Шериф всё-таки знал, кем была его жена, — проговорил Гарри, который благодаря своей неплохой физической форме вполне мог разговаривать на бегу.

— Напекаешь, — отозвалась Бьянка, — что он покрывал сына?

— Или в упор не замечал очевидного, — Гарри бросил колочий взгляд на бегущую рядом Уэнсдей, но та предпочла проигнорировать друга.

Как оказалось, спешили они зря: Тайлер опоздал на встречу почти на пять минут. Его машина остановилась неподалёку, и Галпин вышел к уже давно заброшенному зданию, которое носило гордое название арки, но таковым не являлось. Галпин покрутился несколько секунд, выискивая Уэнсдей, и та не заставила себя ждать.

Говорили они тихо, поэтому ребята ничего расслышать не смогли. Уэнсдей громко произнесла, что она тут, вообще-то, не одна, и участники «Белладонны плюс один» вышли на свет, становясь полукругом перед хайдом.

Вот в чём нельзя было отказать Тайлеру, так это в актёрской игре — заподозрить в этом наивном и на первый взгляд добром парне монстра было попросту невозможно. Он не выдавал себя ничем: ни взглядом, ни позой, ни голосом. Галпин не позволял себе делать туманные намёки и развлекаться, находясь на острие разоблачения. Выдержка у него, как для маньяка, была на высоте.

А ещё Тайлеру было не занимать мозгов. Он сразу сообразил, что от стольких изгоев ему не отбиться, будь он хоть трижды хайдом. И главная проблема здесь была вовсе не Йоко, которая за счёт своей неживой природы была на порядок сильнее любого из присутствующих, а сразу три сирены: Бьянка, Кент и Дивина. Он бы, вполне вероятно, смог бы сбросить с себя наваждение от одной сирены, но сразу от трёх? Увольте.

Словно всего вышеперечисленного было мало, и в этой компании оказался телепат, в прошлый раз чуть не пробивший спиной Тайлера половину дома Гейтсов. И горгона, которой только стоит снять шапку — и чудовище превратится в каменную статую.

Но не попытаться уйти Галпин не мог. Дорогу хайду перегородила Барклай, а дальше

она своим голосом заставила Тайлера повиноваться.

Гарри с нескрываемым любопытством лицезрел силу Бьянки. Ему раньше приходилось слышать, что эта девушка является очень сильной сиреной, но теперь он убедился в этом на все сто.

Дело в том, что Гарри, учась в Неверморе и имея доступ к библиотеке с кучей знаний о изгоях, не посетить её просто не мог. Но ни в одной из книг не говорилось о том, что сила убеждения — присущая всем сиренам в той или иной степени — может быть видна невооружённым взглядом. Способность Бьянки имела розовый цвет и походила на звуковые волны.

Гарри заметил, как при этом переглянулись Кент и Дивина, поджав губы. Кажется, они тоже видят такое в первый раз.

Несколько раз Гарри на своей шкуре прочувствовал, что такое убеждение сирены. Никто не делал это нарочно, но даже неосознанно те могли заставить слабовольного человека подчиниться. Пару раз Кент воздействовал своей силой на Гарри, но его друг легко сбрасывал с себя чужую магию, успешно сопротивляясь. К сожалению, когда ты разговариваешь с такими изгоями, всегда нужно быть настороже. Амулеты, которые те носят, совсем не являются гарантом безопасности.

Как-то Сириус сказал, что сильнейшие сирены по своей силе превосходят Непростительное заклинание «Империи», и Гарри в этом убедился, наблюдая, как безропотно за ними следует Тайлер, даже не пытаясь сбежать. Но даже при всей силе Бьянки разговаривать хайда не удалось: при любом вопросе Галпин оживал, хотел что-то ответить, но затем глаза снова наполнялись туманом, и он замирал на месте.

— Бесполезно, — махнула рукой Бьянка, — так из него ответы не вытрясти.

— Не знала, что кто-то может сопротивляться настолько сильному дару, — произнесла Дивина. Она нахмурилась и посмотрела на Тайлера.

— Ни один нормис не смог бы, — подтвердила Бьянка, — но мы знаем, что он не нормис.

— Тогда действуем по моему плану, — Уэнсдей, казалось, не расстроилась, — веди его в студию Ксавьера.

— Что ты собираешься делать? — встрял Гарри, пока они шли по лесу.

— Увидишь, — не стала раскрывать свои карты Уэнсдей.

Удивительно, но в студии всё было вполне прилично, хотя Гарри ожидал, что после того, как тут покопаются следователи, останется огромный бардак. Единственное, что выдавало проведённый обыск, — это множество следов от ботинок на полу.

Тайлер, слушая голос Бьянки, спокойно сел на стул и не выразил никакого протеста, когда его связывали цепями. Уэнсдей, судя по всему, знала толк в сковывании людей, ибо делала она это очень профессионально и быстро.

Бьянка щёлкнула пальцами, и Галпин вышел из гипноза, как будто пробудился ото сна. Он начал озираться по сторонам и задавать вполне резонные в его ситуации вопросы. Уэнсдей отвечать Тайлеру отказывалась, но всё-таки смилостивилась и продемонстрировала украденную медицинскую карту его матери.

— Ты понимаешь, что твоего отца посадят? — задала вопрос Бьянка, стоящая позади Галпина на случай, если тот попытается сбежать. — Когда узнают, что ты не нормис, а такой же, как мы?

— Я нормис! — вскрикнул Тайлер. — Откуда вы взяли этот бред про хайда?!

— Мне пришло видение, — проговорила Уэнсдей.

— Видение? — прошептал Галпин, а затем продолжил уже почти на грани истерики: — Видение?! Когда ты схватила меня за руку в Weathervane?

— Да. — Уэнсдей отошла к столу и поставила на него свою сумку.

— Из-за какого-то чёртового видения вы посадили меня на цепь? И что дальше?

— Ребята, Инид написала, — заговорил Аякс. Вопросы хайда повисли в воздухе. — Торнхилл что-то подозревает, нужно ускориться.

— Выбора нет, — пожалала плечами Уэнсдей и расстегнула молнию на сумке. Она начала доставать оттуда разные инструменты. — Можешь кричать, если хочешь. Здесь тебя никто не услышит, — обратилась она к Галпину.

Гарри со смешанными чувствами смотрел, как на свет показываются: пила, несколько скальпелей, щипчики с устрашающими заострёнными кончиками, а также странные приспособления, о назначении которых он думать отказывался.

— Ты его пытать собралась? — с удивлением спросила Йоко, отходя на шаг к двери. Она не боялась пыток, но свежая кровь могла пробудить инстинкты, которые девушка старалась прятать.

— Хайд понимает только одно. — Уэнсдей без лишних эмоций попыталась ударить Тайлера шокером, но её успел остановить Гарри, перехватив руку.

Она бросила на неожиданного защитника монстра непонимающе-обиженный взгляд. От него она точно не ожидала такой реакции.

— Так, стоп! — резко заявил Аякс. — Я на такое не подписывался!

— Я — тем более. — В подтверждение своих слов вампирша просто вышла из помещения на свежий воздух, и её в этом поддержала Дивина.

— А «грушу» ты с собой не захватила? — изрядно нервничавший Кент выпустил смешок, получившийся скорее стоном, и пошёл на выход.

— У меня есть коллекция «груш», но все они дома, — ответила Уэнсдей и резко вырвала руку из хватки Гарри. — Почему ты меня останавливаешь?

— Мы не будем его пытать, — проговорил он, гневно глядя подруге в глаза.

— Гарри прав, — поддержала его Бьянка. Они остались втроём, если не считать Тайлера, который притих, слушая разговор и пытаясь как можно меньше отсвечивать. — Давай расскажем всё Уимс.

— Нет, она ничего не сделает, репутация для неё важнее жизней людей, — спокойно отвергла предложение подруги Уэнсдей.

— Тогда ты сама по себе. — Она повернулась к Гарри и, прежде чем уйти, добавила: — Надеюсь, ты сможешь её остановить.

Когда дверь за Бьянкой закрылась, он всё-таки проиграл Уэнсдей и моргнул, затем чуть повернул голову, указывая на стол с инструментами для пыток.

— Мы же не в средневековье, чтобы пытать людей. — У Гарри на лице играли желваки.

— Хайд понимает только силу и боль, — повторила Уэнсдей свои недавние слова.

— Я не хайд, пожалуйста, отпустите! — взмолился Тайлер, слегка дёрнувшись в цепях.

— Закрой рот, — грубо осадил Тайлера Гарри. — Сколько ни в чём не повинных людей ты убил? Ты убийца. Садист. И заслуживаешь любых пыток. — Говоря всё это, Гарри был сам на себя не похож, а глаза его едва не горели. Он глубоко вздохнул и продолжил: — Но мы не будем тебя пытать. Я не позволю.

— И как же ты меня остановишь? — Уэнсдей издала смешок и сделала небольшой

шажок назад, параллельно отклоняя корпус.

Она недвусмысленно показала, что ещё чуть-чуть — и будет готова драться прямо здесь; её жгло изнутри от осознания, что из-за неё невиновный сидит в тюремной камере. Уэнсдей была уверена, что если придётся пытаться человека, который ей совсем недавно нравился, — она сделает это, не колеблясь.

Гарри моментально сообразил, к чему идёт дело, но даже в страшном сне ему не могло присниться, что когда-нибудь он будет, как бы смешно это ни звучало, драться с Уэнсдей. Подруга была ниже почти на целую голову, с виду такая хрупкая, что, казалось, прикоснись к ней — на её коже останется синяк. Внешнее впечатление зачастую обманчиво, и Гарри это прекрасно знал. Он был уверен, что подруга сможет скрутить его в бараний рог, если захочет.

Гарри не двинулся ни на миллиметр, чтобы каким-нибудь резким движением не спровоцировать нелепую драку на глазах у маньяка.

— Чем мы будем отличаться от него, если начнём пытаться? — после долгой паузы спросил Гарри.

— Когда у тебя выбор: причинять боль или получать, то я предпочту причинять, — с вызовом ответила Уэнсдей. Её терпение было на исходе, злость следовало выпустить. — Если ты боишься — выйди отсюда, я сделаю всё сама. — Она кивнула на дверь.

Гарри сделал шаг в сторону, освобождая проход к сидящему Тайлеру, который сразу затрясся, пытаясь сбросить с себя цепи, но ничего не вышло. Он действительно хотел уйти, чтобы не видеть того, что должно было дальше произойти, но, как и всегда, ему помешала совесть.

Уэнсдей шагнула вперёд и попыталась вновь ударить Галпина шокером, но Гарри опять перехватил её руку. В следующую секунду он даже не понял, что произошло — его оттолкнуло в сторону двери, а грудную клетку начало жечь. Уэнсдей ударила своего друга, но было непонятно как: рукой или ногой. Она двигалась слишком быстро и профессионально.

— Остановись! — прикрикнул Гарри, держась одной рукой за стену, а вторую приложив к груди.

Конечно же, Уэнсдей его не послушала. Раздался громкий электрический треск — и Тайлер заорал от боли. Гарри наблюдал за экзекуцией почти две секунды, прежде чем сделать хоть что-то, но не пришлось: его подруга сама отошла назад, давая Галпину передышку.

— Оборачивайся! — потребовала Уэнсдей у пытающегося отдышаться Тайлера в цепях. Тот дёрнул головой вверх, показывая своё лицо на свет.

Гарри показалось, что под глазами Тайлера образовались глубокие тёмные мешки, и он допустил простую мысль: «А может, действительно позволить Уэнсдей сделать то, что она хочет?», но Гарри отбросил её почти мгновенно. Они не палачи и не судьи, никто не давал им право вершить правосудие, наказывать или выводить кого-то на чистую воду, используя подобные методы.

Когда Гарри уже хотел предпринять новую попытку остановить подругу, в студию ворвалось сразу несколько полицейских. У него случилось дежавю — казалось бы, не так давно случалась уже похожая сцена, но сейчас всё было по-другому.

Шериф вошёл первым и, чуть ли не тыкая своим пистолетом прямо в затылок Гарри, потребовал их встать на колени и завести руки за голову. Уэнсдей поморщилась, но

требование выполнила, бросив свой шокер на землю.

К огромному удивлению Гарри, его никто заковывать в наручники, как Уэнсдей, не стал. Подошедшая вслед за полицейскими директор пояснила, что все ребята наперебой утверждали, что он пытался остановить подругу, так что никакие обвинения выдвинуты не будут, если только Тайлер не начнёт утверждать обратное.

— Поттер, — зашептала Уимс на ухо Гарри. Они стояли недалеко от студии, наблюдая за тем, как Уэнсдей сажают в полицейскую машину. — Только то, что ты пытался остановить её, спасло тебя от исключения. Но впредь за любой, даже самый маленький проступок последует исключение из Невермора.

— Что будет с Уэнсдей? — Гарри не особо волновался на свой счёт. Вряд ли он вернётся в эту школу на следующий учебный год, а до конца этого осталось всего несколько дней; завтрашний экзамен должен будет стать последним.

— Суд, — немного помолчав, всё же ответила директор. — Но если Тайлер предъявит обвинение в похищении и пытках — тогда исключение.

— Директор Уимс!

Её позвала помощник шерифа, указывая на свою машину. Уимс, не прощаясь, пошла к ним. Вскоре полицейские вместе с двумя (тремя) изгоями уехали, оставив Гарри перед студией. Впрочем, один он был недолго — вскоре к нему подошли ребята из «Белладонны».

— Мы сходили к Уимс, но не знали, что она вызовет полицию, — не пыталась оправдываться Бьянка, а просто констатировала факт.

— И правильно сделала, — фыркнула стоявшая рядом Йоко. Ребята загомонили, разделившись в этом мнении поровну.

Гарри молчал. Он одновременно был согласен с вампиршей и не согласен.

— Она успела сделать что-то? — спросил Кент, когда разбирательство кто прав, а кто виноват закончилось.

— Один раз ударила шокером, — ответил Гарри. Говорить о том, что ему тоже прилетело от Уэнсдей, он не стал.

К общежитиям ребят вели два преподавателя: Торнхилл и Оттерс. Преподаватель литературы был на редкость нудным человеком и весь путь до школы не затыкался, пытаясь вбить в головы ученикам важность учёбы. От его голоса у Гарри начинала побаливать голова, и, судя по кислым ромам остальных присутствующих, включая Торнхилл, те тоже чувствовали себя не очень.

В своей комнате Гарри провёл чуть больше десяти минут, дожидаясь, когда Оттерс уйдёт к себе, чтобы пробраться к Инид. Судя по тому, что сказал Аякс, их подруга не находила себе место в беспокойстве о Уэнсдей. К тому же Гарри до смерти хотелось узнать, что происходит в полицейском участке, а кто лучше Уэнсдей мог об этом рассказать?

Кент, наблюдая, как его друг лезет в окно, лишь хмыкнул, сказав, что если с какого чёрта Оттерс придёт проверить комнату (чего он никогда не делал), то он прикроет друга. Впрочем, говорить подобное было необязательно: Гарри и так в этом не сомневался.

Как и всегда, он забрался на Офелия-холл без каких-либо проблем. Свет в комнате девочек горел, и Гарри сквозь стекло видел, как там расхаживала Инид, разговаривая с кем-то сидящим на своей кровати. Ему пришлось изловчиться — практически прижаться щекой к стеклу, чтобы посмотреть, кто это. Он ожидал увидеть Торнхилл, но там был только Вещь, который в ответ на слова девочки шевелил пальцами.

Гарри аккуратно постучал пальцами по стеклу, привлекая внимание. Оборотень и рука

синхронно повернулись, разглядывая нового посетителя, а когда тот попытался войти, отворив окно, то потерпел поражение — щеколда его не пускала.

Инид подбежала к окну и запустила друга в комнату.

— Мы с Вещью погуглили, оказалось, что Уэнсдей светит не меньше десяти лет по двумя федеральным преступлениям! — мгновенно переключилась на новое лицо Инид. — Но это смотря на то, что она успела наделать с Тайлером.

— Привет, — несколько сбитый с толку Гарри сначала поздоровался, вещь приветливо помахал двумя пальцами, — ничего она с ним не сделала. Один раз ткнула шокером — да и всё.

— Слава богу! — вздохнула Инид. — Но это всё равно похищение и пытки, даже если она не успела серьёзно навредить. Что значит ей дадут «пять»? — возмущённо посмотрела та на Вещь. — Думаешь? Ну да, ей всего шестнадцать...

Гарри почти не обращал внимания на нервную Инид. Он присел за стол Уэнсдей, рассматривая архаичную пишущую машинку и аккуратно сложенные стопки уже написанных листов.

Несомненно, Гарри был вежливым и воспитанным парнем — уж в этом Дурсли постарались от души, но он всё равно не смог превозмочь себя и не прочитать несколько листков.

Читал он быстро и поверхностно, но даже так ему хватило времени понять, что рассказ Уэнсдей выходил практически автобиографическим.

— А ты чего такой спокойный? — задала вопрос Инид, но предназначался он Вещи. Гарри повернулся и принялся читать движения пальцев.

— В психиатрическую клинику положат? — переспросил Гарри и получил утвердительный ответ от руки. — И чем это лучше тюрьмы?

— Детский лагерь? — Инид чуть зависла на ответе Вещи, который, кажется, устал отвечать на однотипные вопросы и замер. — Подожди, ты сравниваешь почти тюремное заключение в клинике с психами... с детским лагерем?

Получив согласие от руки, Инид присела рядом с ним на кровать и спрятала лицо в ладонях, прошептав себе под нос, что она не хочет об этом думать. Гарри и Вещь переглянулись и пожали плечами, вернее, это Гарри пожал плечами, а Вещь изобразил это движение. Странно, конечно, что за столько времени, проведённого с Уэнсдей, Инид ещё не поняла, кем была её подруга на самом деле. Гарри не сомневался ни секунды, что Уэнсдей сделает из клиники свой задний двор. Наверное, даже из тюрьмы она бы сделала посмешище, если бы суду пришла идея засунуть её туда.

Во внутреннем кармане пиджака Гарри едва заметно что-то завибрировало. Это было зеркало. Сириус недавно его улучшил, чтобы можно было сообщать о том, что собираешься связаться, и не спалиться с этим на всю округу. Каким именно образом Бродяга смог это проверить, Гарри не знал, хотя Сириус честно пытался объяснить, но его крестник заполнил одно слово — «руны».

Гарри оглядел своих друзей: Вещь похлопывал по ноге Инид своими пальцами, а та всё ещё сидела, уткнувшись лицом в ладони. И он просто махнул рукой на конспирацию — всё равно они прекрасно знали, кем он является на самом деле, так что смысла прятаться уже не было.

Гарри достал зеркало из кармана, отвернулся к пишущей машинке и приставил к ней зеркало.

— Выглядишь не очень, — раздался спокойный голос Сириуса, ребята за спиной у Гарри притихли. — Мне тоже не спится. Как дела? — Бродяга внимательно рассмотрел крестника, а затем перевёл взгляд на его окружение. Обычно они связывались, когда Гарри был в лесу, но сейчас всё было немного по-другому. — Где ты?

— В комнате Уэнсдей и Инид, — ответил Гарри, лицо его не выражало никаких эмоций. Так или иначе, ему бы пришлось рассказать Сириусу обо всём, поэтому лучше он это сделает сейчас.

— А где девочки? Ушли? — Сириус всё ещё не мог понять, почему Гарри ответил ему в такой ситуации.

— Привет! — На плечо Гарри опустилась голова Инид, которая подкралась к нему бесшумно. Подруга сначала улыбнулась, а затем скуксилась, вспомнив, что её подруга вообще-то в полиции и улыбаться в такой ситуации было бы немного странно.

— Привет, — неуверенно ответил Сириус и нахмурился, а затем перевёл требовательный взгляд на крестника: — Гарри?

— Они знают, кто мы, — пожал плечами он, и из-за этого движения Инид чуть не прикусила себе язык.

— Потрясающе. — На лице Сириуса заиграли желваки.

Гарри знал, что Бродяга не станет устраивать сцен или начинать нравоучения на глазах у посторонних, так что сейчас было лучшее время, чтобы признаться. Сириус очень быстро отходил от гневных мыслей, и Инид поможет его отвлечь.

— И я вляпался в неприятности, — добил своего крёстного Гарри.

— Я не сомневался, — вздохнул Сириус. — Подожди.

Бродяга сел за стол и поставил зеркальце на какую-то подставку. Гарри и Инид открылся вид на Сириуса, который подпёр одним кулаком щеку и, вытянув указательный палец на другой руке, начал водить им над кружкой с чаем. Жидкость стала помешиваться сама по себе. Инид смотрела на это действие как заворожённая.

— Рассказывай, — чуть более спокойно попросил Сириус.

И Гарри действительно стал говорить обо всём, что произошло в Неверморе. Иногда свои комментарии вставляла Инид, взявшая второй стул и подсевшая к нему за стол. Он почти ничего не утаил — разве что не рассказал о видении Уэнсдей, но Сириусу об этом знать было не нужно.

— Кто бы сомневался, что мой крестник полезет спасать всех вокруг, — подытожил Бродяга рассказ Гарри. — Сколько вам ещё учиться?

— Завтра последний экзамен, — проговорила Инид.

— Значит, завтра я и заберу... чёрт, мне нужно будет встретиться с Абду... с одним человеком. Тогда послезавтра. — Бродяга прищурился, глядя прямо в зелёные глаза крестника. — Надеюсь, хотя бы один день ты сможешь воздержаться от риска быть обнаруженным?

— Обещаю, что приложу все силы, — заверил крёстного Гарри. Последняя фраза Сириуса напомнила ему кого-то другого, но он не мог вспомнить кого.

— Моя очередь говорить. — Инид попыталась приложить все силы, чтобы развеять несколько напряжённую атмосферу, и, перехватив зеркальце, принялась что-то рассказывать Сириусу.

Гарри мог поклясться, что его крёстный слышал едва ли половину того, что говорила Инид. Наверняка он думал о других вещах. Но Сириус оставался приличным человеком и

старался прислушиваться к щебетанию Инид, иногда даже отвечая. Гарри отошёл в сторону, к окну, которое оставалось открытым с тех пор, как он сюда пришёл, и стал смотреть на звезды. Ему было интересно, сколько придётся прождать до возвращения Уэнсдей.

Разговор Инид и Сириуса, к сожалению, оказался весьма коротким. Вещь, всё это время остававшийся на кровати подруги, неожиданно громко защёлкал пальцами, а когда все повернулись к нему — указал на дверь. И за ней, если прислушаться, были слышны шаги.

Гарри очень быстро нырнул в открытое окно и распластался на холодном камне. Он успел — дверь открылась и в комнату шагнула Торнхилл, следом за ней Уэнсдей.

Инид успела спрятать зеркало, правда, куда — было непонятно; карманов на своей розовой пижаме та не имела.

Торнхилл посетовала на сегодняшний вечер, сказав, что он какой-то длинный и неожиданно сложный. А ещё обмолвилась, что завтра будет самый важный день и им всем нужно выспаться и быть готовыми. К чему именно нужно быть готовыми, учительница не уточнила.

— Ну что? — дождавшись, когда преподавательница уйдёт, спросила Инид у Уэнсдей, которая присела на свою кровать.

— Галпины не стали выдвигать обвинения, — равнодушно отозвалась она.

— Это хорошо, разве нет? — Гарри вновь вошёл в комнату, отряхивая свою одежду от пыли.

— Меня исключили, — холодно сказала Уэнсдей, которая вообще не была удивлена присутствию друга. — Но Уимс позволит сдать завтрашний экзамен, а к вечеру я должна буду покинуть Невермор.

— Лучше исключение, чем тюремное заключение, — вздохнула Инид.

— Для кого как, — пожалала плечами Уэнсдей.

Она замолчала на несколько секунд, а затем набрала в лёгкие воздуха, чтобы произнести:

— Извини за то, что ударила.

Было видно, как непросто дались ей эти слова, но она признала свою ошибку и теперь выжидательно смотрела на Гарри.

— Бывает, — кивнул Гарри. Новый синяк болел лишь слегка.

— Если на этом всё, прошу меня простить, но я собираюсь спать, — произнесла Уэнсдей, которая действительно выглядела уставшей.

— Я пойду. — Гарри повернулся к Инид. Она уже вертела в руках зеркало, в котором Сириус отсутствовал; видимо, пока что убрал средство связи от себя, чтобы ненароком не показаться на глаза кому не надо.

— Держи. — Инид с видимым сожалением протянула зеркало хозяину.

Гарри на секунду задумался, забирая свою вещь, а затем спросил:

— А где ты его спрятала? — Он немного смущённо посмотрел на воротник девичей пижамы, представив, куда именно могла запрятать зеркало подруга.

— В рукаве, — просто ответила Инид, затем зацепилась за взгляд зелёных глаз и нахмурилась. — А ты что подумал?

— Ничего. — Гарри кашлянул в кулак, пытаясь спрятать дурацкую ухмылку, на что получил лёгкий тычок кулаком от Инид.

Перед тем как Гарри вернулся к себе в комнату, он ещё раз поговорил с Сириусом и ему пришлось дополнительные два раза пообещать, что завтрашний день будет нормальным. Бродяга ему не поверил, кажется, он начинал сомневаться, что крестника вообще можно оставлять одного, так как тот имел удивительную способность превратить всё вокруг в гонку на выживание.

В Чёрной башне Гарри встретил Кент, сидевший на своей кровати в темноте. Он что-то быстро печатал на смартфоне.

— Ну что там? — спросил Кент.

— Галпины не стали выдвигать обвинения, — пояснил Гарри.

— Шериф понимает, что тогда вскрылось бы то, что его жена была хайдом. Им бы начали задавать неудобные вопросы, — кивнул тот, быстро пояснив ситуацию. — Надо сообщить остальным.

— Наверняка Инид уже всем растрезвонила, — хмыкнул в ответ Гарри, скидывая одежду и направляясь в душ. Он успел пропотеть за несколько часов, которые прошли с прошлого раза.

— Или забыла, — Кент улыбнулся, — от радости за Уэнсдей.

Зная Инид, Гарри не исключал подобного варианта, так что просто кивнул и скрылся в душе.

Стоя под потоками горячей воды, он думал лишь о том, что чутьё на опасность не хотело замолкать все последние дни — и этот звон со временем только нарастал. Завтрашний день будет ничем не лучше сегодняшнего. Гарри очень хотел сдержать слово, данное крёстному, но он сомневался, что получится. Никогда не получалось. Но рассказать Сириусу о своих подозрениях... ради чего? Чтобы Бродяга отменил свои дела на завтрашний день и начал патрулировать границы Невермора? Вздор и ерунда. Или чтобы он забрал крестника из школы прямо этой же ночью? Гарри был не из тех людей, которые готовы бросить друзей перед решающей битвой. Он бы лучше умер, чем предал, — именно так когда-то выразился Сириус.

Ум Гарри всё никак не хотело покидать воспоминание о том вечере, когда Тайлер — или кто-то другой — напал на Вещь. Если говорить точнее, то он думал о видении Уэнсдей. Каким образом можно было обезопасить себя? Решение этой проблемы ему ненароком подсказала Инид.

Выйдя из душа, он спросил, есть ли у Кента какая-нибудь верёвка. Чуть подумав, друг предложил ему длинные шнурки от своих кроссовок. У него была запасная пара на случай, если первые порвутся или станут слишком грязными. Гарри пораскинул мозгами и согласился. На самом деле шнурки были даже лучше.

Кент не стал уточнять, для чего они резко понадобились его другу; нужны — значит, нужны. В конечном итоге он всё равно не выдержал и поинтересовался, на кой черт тому шнурки. Гарри хотел ответить правду, но потом подумал, что раз Кент не знает о волшебстве, то говорить всё же не стоит.

По правде говоря, Гарри уже даже не был уверен, что его друг не догадывался, кто он есть на самом деле. Уэнсдей узнала благодаря какому-то там духу родственника, Инид — по запаху, так что мешало Кенту проявить чуть-чуть смекалки?

В любом случае шнуры были заботливо уложены на тумбочку рядом с кроватью, и ребята, поговорив немного перед сном, затихли.

Всю первую часть следующего дня школа была тихой как никогда. Буквально все ощущали непонятную тревогу, и связана она была вовсе не с последним экзаменом, за которым шли несколько дней отдыха перед оглашением результатов. Мало кто мог понять, в чём дело, но даже учителя были на редкость тихими. Большинство изгоев осознавали, что что-то грядёт; они кожей чувствовали это затишье перед бурей.

Сидящая за соседней партой Уэнсдей отстрелялась самой первой, за ней, к удивлению Гарри, сразу же пошла сдавать свою работу Инид, а затем девочки ушли. Наверное, Инид решила помочь своей подруге собрать вещи и заодно попрощаться без лишних глаз.

Гарри мог бы тоже быстро сдать свою работу. Ему попалась английская литература, а именно: «Frankenstein: or, The Modern Prometheus». Гарри пришла забавная мысль, что Тайлер похищал части тел своих жертв, прямо как Виктор Франкенштейн разорял могилы для создания своего монстра. Но если учёный пытался создать новую жизнь, то для чего это делать Галпину? Чего он хотел добиться, маринуя части тел своих жертв? Шесть человек погибли, Юджин до сих пор лежит в коме, сам Гарри едва разминулся с собственной смертью от рук хайда, — и ради чего?

Гарри читал «Франкенштейна» очень давно — ещё до Хогвартса и знаний о магии, до всего этого бардака. Тогда, когда единственная проблема для него была в его кузене. К счастью, Дурсли не были садистами. Да, они запирали Гарри в чулане, но не оставляли его без какого-либо досуга. Чаще всего это были книги или старые игрушки Дадли.

Сдать экзамен было несложно: врезавшаяся в память книга легко вспомнилась, позволяя ответить на вопросы из экзаменационного билета легко и просто. Гарри, к своему сожалению, не знал, как критики или люди, читавшие эту книгу пару сотен лет назад, относились к ней, но он знал собственные чувства и у него были свои мысли, которые Гарри попытался изложить в ответах. Чем ему нравилось обучение в Америке, так это тем, что здесь намного больше ценили собственные мысли ученика. Чтобы получить высший балл, зачастую не следовало внаглую переписывать рецензию именитого критика.

Гарри покидал кабинет одним из последних. Эти дни в Неверморе стали сложными и запоминающимися — вряд ли он когда-нибудь забудет, как учился с изгоями.

В главном коридоре, который шёл к выходу из школы, уже собралась небольшая толпа людей. Все они пришли, чтобы проводить Уэнсдей. Подруга в тот момент как раз принимала в подарок от Торнхилл какой-то цветок — наверняка ядовитый. Они обе питали тёплые чувства к подобным растениям.

Тут были и ребята из «Белладонны» практически полным составом, рядом крутилась Инид, а чуть поодаль от остальных возвышалась Уимс. Гарри подметил, что директор не особо и рада исключать Уэнсдей, но так сложились обстоятельства.

Прощание, судя по всему, уже подошло к концу, и остался только он сам.

— Ничего не закончилось, — вместо приветствия обратилась к Гарри Уэнсдей.

— Я знаю, — кивнул он в ответ, — но Тайлер не дурак и не станет высовываться. Он уже убил своего хозяина. Какой смысл привлекать к себе ещё больше внимания?

Они вдвоём стояли в стороне от всех. В общем шуме множества учеников, ходивших по

коридору, даже острый слух Инид вряд ли бы смог уловить, о чём шёл разговор.

— Если. Если он убил его, — задумчиво отозвалась Уэнсдей. — Я сомневаюсь, что Кимботт была хозяйкой хайда.

— Ты начала сомневаться в своих теориях? — Гарри хмыкнул, но подруга не обратила на его слова никакого внимания.

— Я всё думала, зачем ему забирать шкатулку Лорал Гейтс у почти мёртвой Кимботт. Только из-за моих фотографий? Но тогда почему не забрать лишь их? — Уэнсдей приложила указательный палец к своим губам, продолжая думать вслух: — Только если...

— Только если ему не приказала настоящая Лорал, — закончил Гарри мысль за подругой. Она в ответ кивнула, подтверждая, что он думает в правильном направлении.

— И эти похищенные части тел у мертвецов... Тайлер маньяк, безусловно, но сомневаюсь, что ещё и каннибал.

— Трофеи?

— Тогда почему все они разные? — ответила вопросом на вопрос Уэнсдей.

— Уэнсдей! — стоящая вдалеке Уимс недвусмысленно показывала на свои наручные часы, которые поблёскивали на свету.

— Вы прямо сейчас на вокзал? — успел поинтересоваться Гарри до того, как подруга ушла к Уимс. Та ответила кивком, но всё же дополнила:

— Сначала загляну к Юджину. Он очнулся час назад.

Уэнсдей не любила долгих прощаний, вот и сейчас она ушла так ничего и не сказав напоследок. Ребята проводили её и Уимс взглядами, затем немного поговорили между собой и разошлись по своим делам.

Гарри заглянул в их с Кентом комнату. У него ещё были кое-какие дела. Шнурок, который он вчера попросил у своего друга, как раз ожидал своего часа, лёжа на тумбочке. Гарри быстро сделал то, что хотел, и, уже уходя к двери, остановился.

Слегка поморщившись, он достал из нагрудного кармана пиджака своё зеркало для связи с Сириусом. По всем правилам ему бы следовало прямо сейчас связаться с крёстным и обрисовать ситуацию — как минимум рассказать о видении Уэнсдей. Гарри больше минуты вертел зеркало в руках. Он почти уже позвал Бродягу по имени, но остановился.

Три с половиной года в Хогвартсе он справлялся без Сириуса, в конце концов, Гарри дважды спас самого Сириуса сначала от сотни дементоров, а затем уже с Гермионой вытащил того из клетки на вершине башни. Крёстный бы помог, это верно, но взваливать на него все свои проблемы Гарри не хотел. Он достаточно самостоятелен для того, чтобы справиться с ними сам. По крайней мере с теми, что стояли перед ним прямо сейчас.

Кивнув своим мыслям, Гарри спрятал зеркало в карман и пошёл дальше.

За время учёбы в Неверморе он облюбовал одно место. Там редко бывали ученики: те чаще всего проводили своё время в Джерико. Гарри и сам посещал городок, но не так часто, как остальные.

Место, которое ему нравилось, было широким балконом, с которого открывался обзор на поляну, пирс и часть реки, не скрытой деревьями. От воды шла приятная прохлада, и вид был замечательным. Гарри был даже рад, что остальные изгои так много времени проводили либо в своих смартфонах, либо в городке, оставляя такое прекрасное место для него одного.

Уже на входе в башню, с которой можно было выйти на балкончик, Гарри столкнулся с Бьянкой. Подруга спускалась с каменной винтовой лестницы вниз.

— Привет ещё раз, — чуть приподняла уголки губ в улыбке Бьянка. Они уже виделись

при прощании с Уэнсдей.

— Привет, — кивнул Гарри.

— Ты на балкон? — поинтересовалась она, Гарри кивнул повторно. — Не против, если я присоединюсь? — чуть подумав, спросила Бьянка.

Отказывать в такой мелочи Гарри было бы очень неудобно, и он произнёс:

— Ты разве не с него спускаешься?

— Стало скучно, — пожала плечами та, — думала прогуляться, но раз уж ты здесь... нам найдётся, о чём поговорить.

— Тогда конечно, пойдём.

Гарри прикидывал в уме, о чём таком хотела поговорить его подруга. Они не так уж и часто общались между собой. Ребята молча преодолели два лестничных пролёта прежде, чем вышли на балкон. Отсюда по небольшому коридору можно было попасть на второй такой же, но выходящий прямо на четырёхугольный двор.

Бьянка прошла вперёд и руками облокотилась на перила, рассматривая пейзаж. В лучах заходящего солнца картина перед ней была очень красивая.

— Тоже любишь это место? — задала вопрос Бьянка, чуть повернув голову на стоящего рядом друга.

— Тоже? — переспросил Гарри. — Никогда тебя тут не видел.

— Я прихожу сюда ночью, когда туч нет, — поделилась та. — Люблю смотреть на воду в лунном свете.

Гарри хотел спросить, не влияет ли на это желание её сущность сирены, но посчитал это несколько грубым вопросом, так что задал другой, более нейтральный:

— Почему тогда не спуститься к причалу?

— Идти далеко, — честно ответила Бьянка, — и могут заметить учителя, если долго там стоять. А я у них на хорошем счету.

— Ясно, — произнёс Гарри и замолчал. Он не знал, что говорить дальше, так что просто скопировал позу подруги, наслаждаясь видом.

После длинной паузы Бьянка громко вздохнула и произнесла то, зачем сюда и пришла:

— Мать сказала мне, что её Песнь не сработала на твоём отце. — Бьянка смотрела вниз, не поворачивая голову к Гарри. — Прошу простить её.

— Вряд ли хоть одна сирена сможет околдовать моего отца, — чуть погодя, произнёс он, — после того, что он пережил... не думаю, что это возможно.

— Всё равно извини.

— Извиняю, если тебе это важно, — пожав плечами, сказал Гарри. — Зачем ей околдовывать моего отца?

— Из-за «Песни утра», — зло фыркнула Бьянка.

— Это ещё что? Секта? — Гарри удивлённо покосился на сирену.

— Почти, — негромко и невесело рассмеялась она. — Формально — просто приложение для знакомств. Нацепи браслетик, скачай из AppStore нашу приложуху, послушай пару рассказней — и твоя судьба сама тебя найдёт.

— Отцу бы не помешало найти себе жену, — проговорил мысль вслух Гарри. Ему почему-то на ум пришло имя Инид, но он упорно отогнал его от себя.

— И потерять всё своё состояние, — хмыкнула Бьянка. — Ты правильно сказал: это почти секта. Заманивают и оставляют без денег, конечно же, на добровольной основе. Вроде как все рады, и претензий никогда не было.

— Без сил сирен не обходится, как я понял.

— Конечно. На этом всё держится.

— Страшно жить, — фыркнул Гарри, хоть за себя и Сириуса он не боялся.

— Обычно так грубо они не действуют, — вздохнув, пояснила Бьянка. — По твоему отцу видно, что он очень обеспеченный. Таких моя мать и её подруги отличают на раз-два. Думаю, она решила, что игра стоит свеч.

— Ничего бы у неё не вышло, даже если бы смогла очаровать, — махнул рукой Гарри, слегка улыбаясь.

— Это ещё почему? — нахмурилась его подруга.

Отвечать на этот вопрос он не стал. В самом деле не рассказывать же, что состояние его крёстного лежит в сейфах у гоблинов глубоко под Лондоном? Или что предприятия, которыми владеют Блэки, находятся в магическом мире, куда изгоям нет хода?

— Почему выбор пал на моего отца? Тут же столько богатых изгоев...

— Извини, но вы с отцом не очень похожи на обычных изгоев. Больше на нормисов. — Бьянка повернулась спиной к закату, уперевшись в ограждение пятой точкой. — Поэтому и решила. А так... кого пытаться очаровать? Горгон? Змееголовые не только медленно думают, но ещё и от природы хорошо защищены от сирен. Камень — он и есть камень. Вампиры? Смех. Оборотни? Тронь одного — и вся стая сбежится. Вот так и получается, что «Песнь сирен» не трогает изгоев.

— А это что? — Гарри, обдумывавший слова Бьянки, обратил внимание на реку. Солнце ещё не полностью ушло, так что в его свете можно было разглядеть маленькую точку, отделившуюся от острова Ворона. — Кто-то решил покататься на каное?

Бьянка повернулась, смотря туда же, куда и Гарри; её глаза видели намного лучше, чем глаза друга.

— Кажется, их двое, — спустя секунду произнесла Бьянка. — Странно. Если это ученики, почему они плывут прямо к пирсу? Их же сразу увидят учителя...

Смартфон в кармане Бьянки неожиданно зазвонил, отвлекая на себя внимание. Она быстро достала аппарат и с удивлением прочитала имя звонившего. Это был Юджин.

— Алло? Как ты... подожди, что? — Бьянка посмотрела на Гарри. — Он рядом. Передать? Ставлю на громкую.

— Гарри! — послышался громкий и настойчивый голос Юджина из смартфона. На заднем фоне были слышны глухие причитания и звуки шагов.

— Я тут. Юджин, что случилось?

Нервозность лидера клуба «Жужжащие Невермора» быстро передалась и Гарри.

— Ты знаешь, где Уэнсдей? — спросил в ответ Юджин. Гарри и Бьянка непонимающе переглянулись.

— Нет. Она должна быть на вокзале.

— Чёрт! От неё нет никаких новостей! — заныл Юджин в ответ.

— Что случилось?! — не выдержав, всё же чуть повысил голос Гарри. Его друг вёл себя, мягко говоря, необычно.

— Она не поехала на вокзал! Уэнсдей с Уимс поехали к Торнхилл... красные туфли!

— Что ещё за туфли? — совсем сбился с мысли Гарри, а Юджин совсем не помогал ему своими сбивчивыми объяснениями. — Когда подожгли пещеру, у человека были красные туфли? Как у Торнхилл? Подожди...

— Да! Уимс и Уэнсдей должны были поговорить с ней, но от них нет никаких новостей

уже больше часа! Я позвонил Инид, она уже в курсе! С ней ещё был Аякс. Какого черта они вообще делали вдвоём в одной комнате... — гораздо тише произнёс последнее предложение Юджин.

— Они поехали в теплицы? — Гарри глянул на реку: каноэ приближалось, от лодки шло зелёное свечение, как от фонарика. — Может, это они? — спросил он у Бьянки, но та пока что не могла рассмотреть, кто именно находился в лодочке.

— Не вижу отсюда, но какого черта им делать на острове Ворона? Полюбоваться на склеп Крэкстоуна? — саркастично ответила Бьянка.

— Что? Я вас не слышу, говорите громче!

Шум на стороне Юджина усиливался, стал слышен женский голос, в котором чувствовалось огромное беспокойство. Гарри сразу понял, что это была мать его друга, с которой он познакомился, когда посещал палату.

— Мы разберёмся со всем и найдём Уэнсдей, — быстро проговорил Гарри в трубку.

— Я приду помочь, — заявил Юджин.

— Нет, — Гарри поморщился, — не нужно. Сейчас главное отдых, тебя ведь почти убил хайд.

— «Жужжащие» держатся вместе, — горячо сказал Юджин, — кодекс улья!

— Нет! — рявкнул в ответ Гарри. Ему ещё не хватало пасечника, который путался бы под ногами.

— Ты мне... — начал говорить оскорблённый Юджин, параллельно отбиваясь от матери.

— Юджин, ты ещё слаб, — Гарри перебил друга, — нам будет...

— Гарри, — Бьянка прикоснулась к руке друга, пытаясь привлечь внимание, но тот был слишком занят, объясняя Юджину тысячу и одну причину, почему тот не должен соваться в Невермор именно сейчас, — Гарри!

— Что? — Он отвлёкся от спора с Юджином.

— Это Крэкстоун. Я вижу его лицо. И Торнхилл.

Юджин на той стороне трубки замолчал, позволяя Гарри внимательно присмотреться к каноэ. Солнце уже скрылось — лишь последние лучи озаряли лодку, пассажиров которой уже можно было разглядеть. Правда, с его зрением увидеть получалось далеко не всё. Но он видел высокую фигуру в чёрном одеянии. Это был, судя по комплекции, мужчина, который поставил одну ногу на нос лодки, освещая путь длинной палкой со светящимся камнем на его вершине. Позади Крэкстоуна сидела Торнхилл, которая за двоих работала вёслами.

— Клоуны, — фыркнула Бьянка. Кажется, её эта картина порядком позабавила.

Словно услышав её мысли, посох с зелёным камнем засветился ещё ярче, и с его конца вырвался огненный шар, который прокатился по стоявшим в ряд каноэ, сжигая их дотла. Улыбка с лица Бьянки исчезла.

— Разве что клоуны-убийцы, — кривовато ответил Гарри. — Юджин, даже не думай сюда соваться. Он просто сожжёт твоих пчёл.

— Я могу помочь, — уже менее уверенно проговорил тот.

Гарри на это едва ли не застонал, но всё же нашёл в себе силы выдавить ещё одну причину, почему пасечнику стоит остаться в палате:

— Подумай о своей матери. Ты чуть не умер, а сейчас опять хочешь залезть куда не просят?

Это был подлый приём со стороны Гарри, но действенный — Юджин замолчал.

Гарри, давно отобравший телефон у подружки и всё это время расхаживавший по всему балкону, чуть не выронил его, когда смартфон неожиданно завибрировал в руке, показывая, что кто-то ещё звонит. Это был Аякс. Его довольное лицо светилось на весь экран.

— Подумай, — проговорил Гарри притихшему Юджину и провёл пальцем по экрану, принимая второй вызов.

На этот раз был видеозвонок. Телефон в руках держал Аякс, позади него расположилась Инид. По окружению Гарри понял, что они в библиотеке общества «Белладонна».

— О, Гарри! Бьянка с тобой? — Аякс выглядел обеспокоенным.

— Я тут. — Рядом с Гарри показалась Бьянка.

— Нам звонил Юджин, ситуация... — начал говорить Аякс.

— Мы знаем. Только что разговаривали с ним, — перебил его Гарри. — И Крэкстоун с Торнхилл уже здесь.

Гарри бросил быстрый взгляд на причал: флотилия смерти под предводительством пилигрима уже произвела выгрузку десанта, состоявшего из мертвеца и учительницы.

— Надо вывести учеников из школы, — быстро сориентировалась Бьянка.

Остальные участники «Белладонны» утвердительно закивали, в конце концов, их общество было создано для защиты изгоев.

— Мы не успеем оббежать всю школу, даже если будем применять свои способности по максимуму, — прокомментировала Дивина. Аякс чуть сдвинул телефон, показывая девушку.

— Насколько они близко? — спросил хмуриющийся Кент.

— Уже идут. Через минут пять они будут в школе. — Бьянка поджала губы, рассматривая причал и склон, по которому уже начали подниматься Крэкстоун и Торнхилл, которая оказалась вовсе не Торнхилл.

Время было вовсе не на стороне изгоев. Каким образом можно было предупредить всю школу об опасности в такие короткие сроки, мало кто себе представлял.

Гарри обратил внимание, что Инид была на что-то обижена. Она надула щеки и стала похожа на бурундука. Впрочем, стоять и ждать решения от всех остальных она не стала. Инид переложила Вещь себе на плечо и заявила:

— Мы пойдём искать Уэнсдей. — Она двинулась к выходу из библиотеки. Её розовое пальто от быстрых движений широко раскрылось на манер плаща. — И я вам всем ещё припомню, что вы скрывали от меня этот клуб!

Инид оглядела всех присутствующих грозным взглядом, который из-за надутых в обиде щёк был скорее милым, чем угрожающим, и ушла, оставив остальных разбираться с пилигримом.

— Есть идея, как убрать из школы всех учеников и учителей, — наконец произнесла Бьянка, заглядывая в экран телефона. Её глаза странно блестели.

Кент и Дивина на той стороне переглянулись между собой, а затем Кент произнёс:

— Это то, о чём я думаю? — продолжал хмуриться он.

— Да, — медленно кивнула Бьянка, о чём-то задумавшись. Через пару секунд она уже чётко командовала: — Кент, иди к комнатам горгон. Они живут далеко, и моя песнь на них может не подействовать. Дивина, проверь комнаты сирен. У вас, — Бьянка скосила глаза на подъём к Невермору, — три минуты. Затем бегите к главным воротам и попытайтесь усилить гипноз на толпе.

Сирены по ту сторону телефона синхронно кивнули и побежали туда, куда им сказала Бьянка. Всё это время смиренно державший смартфон Аякс ждал своей участи. Все

участники «Белладонны» давно согласились, что Бьянка — лучший лидер из возможных, и никогда не оспаривали её право командовать.

— Йоко, пробегись по лесу и разверни тех, кто не в школе. — Вампирша ухмыльнулась, потому что такая задача была как раз по ней. — Аякс — к воротам, не давай никому уйти и хотя бы попытайся задержать тех, кто входит. — Бьянка намекала на полицейских.

Получив ЦУ, ребята отключились от звонка. Бьянка тут же развернулась и побежала ко второму балкону. Гарри побежал следом за подругой, в последний раз посмотрев на движущихся врагов, которые находились к Невермору слишком близком. Большая удача, что никто из учеников не спустился в этот день к воде.

— Ты хочешь «спеть»? — Гарри удивлённо смотрел в спину подруги, и та утвердительно кивнула. — Но... разве это возможно? Школа ведь огромная!

Бьянка его не слушала — она вылетела на балкон и тут же отрывисто приказала ему:

— Встань за моей спиной и закрой уши. — Бьянка оглянулась на друга, который выполнил её указания без споров, и гораздо тише добавила: — Хотя вряд ли тебе это поможет.

Снова отвернувшись ко дворику, она запела. Но не так, как того ожидал Гарри — она не стала говорить или кричать, а просто открыла рот и замерла. Грешным делом Гарри подумал, что у неё ничего не получается: никаких звуков от подруги не исходило.

Но «Песнь сирены» это не совсем про звук, а скорее про волю.

Гарри поймал себя на мысли, что нужно уходить. Без паники или страха. Просто уходить. Спокойно, не дёргаясь. Он разжал руки на ушах и сделал шаг в сторону выхода с балкона. Мысли в его голове спутались в клубок, словно множество змей. Это простое сравнение с холоднокровными вызвало жжение во лбу — кусок души Волдеморта недвусмысленно сопротивлялся наваждению извне. Только это вмешательство заставило Гарри остановиться перед выходом и задуматься. Он ведь не должен бежать, его задача — помочь. Но разве нужно кому-то помогать? Почему бы не помочь себе и уйти к воротам школы? Там будет спокойно и безопасно.

Шрам на голове Гарри накалился и стал очень быстро остывать, ещё больше путая сознание. Даже кусочек души сильнейшего тёмного мага столетия поддавался на уговоры сирены.

— Уговоры сирены... — тихо повторил отголосок собственных мыслей Гарри.

Он схватился одной рукой за свою голову, а второй оперся о каменную стену, удерживая себя от падения. Вялые мысли вдруг начали набатом биться о череп, вызывая покалывание в висках.

Гарри пересилил себя и сделал несколько нетвёрдых шагов в сторону ограждения, а потом и вовсе повис на нём, упёршись животом. Он глубоко — как мог — вдохнул свежий воздух, рассматривая дворик.

Внизу шли ученики: нестройной толпой десятки изгоев проходили по лужайке, сохраняя спокойствие и гробовое молчание. Школа замерла в тишине, даже птицы не пели — лишь воздух свистел.

Эта картина маршировавших одурманенных учеников слегка отрезвила Гарри, и тот развернулся к подруге. Странно, но он почти не видел её лица — то расплывалось в сизый дымок. А сила её голоса лишь нарастала, пытаясь выйти на пик мощи.

Ему повезло, что он не отвернулся и не сдался, уйдя вместе с остальными. Вторым моментом, который позволил ему остаться в сознании, была кровь.

Видимо, Бьянка слишком сильно старалась и её тело не выдержало нагрузки — из носа подруги тоненькой струйкой полилась кровь, огибая рот и срываясь на белую блузку. Наконец Бьянка вышла из своеобразного транса. Она затряслась и припала всем телом к ограде, едва сдерживаясь, чтобы не исторгнуть из себя сегодняшний обед.

Туман в голове Гарри быстро рассеивался, но он ещё десять секунд стоял покачиваясь, ощущая, как пропадает тяжесть из мыслей.

— Невероятно... ты выдержал... — Язык его подруги путался, и та смогла лишь покоситься на Гарри. Сил, чтобы повернуться к нему всем телом, у неё не осталось.

Признаваться в том, что во многом ему помог кусок души мага, который убил его родителей, Гарри не стал, а лишь устало кивнул. Бьянка перестала трястись и сейчас медленно оседала на пол, держась за ограду.

Он всё быстрее восстанавливался и уже мог помочь подруге присесть на каменный пол.

— Ты как? — тихо проговорил Гарри, пытаясь выровнять дыхание.

— Нормально. Надо отдохнуть, — уже с большей силой в голосе ответила Бьянка. — Никогда так не выкладывалась. — Она весело улыбнулась, откинув голову на каменное ограждение балкона. — Как будто весь день фехтованием занималась.

— Я спущусь вниз. Надо проверить, все ли сирены или горгоны ушли.

Бьянка не ответила, а лишь устало кивнула, кинув Гарри вдогонку:

— Будь осторожнее!

Он не смог ничего ответить. На негнущихся ногах Гарри вышел в коридор и поспешил к лестнице. Движение разгоняло кровь, и он с каждым шагом чувствовал, как к нему возвращаются силы.

Выбежав в коридор под башней, Гарри думал о том, что, скорее всего, Крэкстоун и Гейтс уже находятся внутри Невермора, но было неизвестно, куда они могли пойти. Он беспокоился о том, какими силами может обладать мёртвый пилигрим. Свечение его посоха было явно необычного происхождения. С другой же стороны, думать о преподавательнице не являлось необходимостью. Гарри без лишней скромности был уверен, что нормис не сможет противопоставить ему хоть что-то.

В главном коридоре, ведущем до четырёхугольного двора, было на удивление тихо. Гарри вбежал в него и притормозил, глядя по сторонам.

Слева от него оказалась открытая дверь во двор, из которой лился зелёный свет. Судя по всему, Крэкстоун стоял прямо там, в нескольких метрах от самого Гарри. А вот справа, где и проходил коридор, прямо навстречу шла сирена. Это можно было понять по её зеленовато-голубым глазам. В ушах у девушки находились наушники, благодаря которым она не слышала топот десятков ног загипнотизированных учеников.

— А вот и первая! — Голос Крэкстоуна оказался под стать его внешнему виду — инфернальный и басовитый.

Мертвец ткнул посохом вперёд, разрезая воздух. Камень на его конце, источавший свет, вспыхнул зеленью — и по коридору помчалась воздушная волна, сбивая всё на своём пути. Грохот заполнил помещение, особенно в этом постарались рыцарские доспехи, чьё железо издавало неприятный звук при встрече с камнем пола.

Замершая девушка на том конце коридора не сразу сообразила, что ей нужно бежать, пока её не ударило о стену позади. Волна спрессованного воздуха не могла преодолеть всё помещение за мгновение — ей для этого нужно было как минимум несколько секунд. Ими и воспользовался Гарри.

Он выпрыгнул перед мертвецом. Гарри казалось, что для победы хватит лишь одного

фактора неожиданности и силы телепатии. Но, как и всегда, план не сработал. Заряда телепатического толчка хватило лишь на то, чтобы заставить Крэкстоуна отступить на шаг, хотя Гарри был уверен, что вложил столь много силы, что пилигрима должно было швырнуть как минимум через весь двор. Мертвеца защитил его посох и магия.

— Тварь! — Громкий голос Крэкстоуна заставил Гарри поморщиться.

Он не сплеховал — накачанный адреналином по уши, Гарри не стал снова пытаться толкнуть одним выбросом, а лишь планомерно изливал из своих рук энергию, которая была похожа на постоянный поток ветра, стаскивавший Крэкстоуна с места.

— Беги! — закричал Гарри, обращаясь к девушке за спиной, — к воротам!

— Как ты смеешь, мерзкое отродье? — зашипел пилигрим.

Он был очень удивлён, что кто-то решил пойти против него и попытаться спасти изгоев. Что произошло дальше, Гарри так до конца и не понял.

Крэкстоун перехватил посох поудобнее, а в следующее мгновение Гарри вздёрнуло вверх, и сила, которая его подняла, была такой, что он почувствовал, как хрустят рёбра и позвоночник, едва справляясь, чтобы не треснуть.

Если бы его палочка лежала в кармане, она бы точно вылетела, приземлившись где-нибудь в паре метров. Но Гарри помнил о видении Уэнсдей и перестраховался на такой случай.

То, что с ним сделал Крэкстоун, было чем-то похоже на заклинание *Levicorpus*, которое заставляло цель левитировать и переворачиваться вверх ногами. Но это точно было не это заклятие. Воздух будто застыл, Гарри с огромным трудом мог двигаться — буквально по миллиметру в секунду.

Он скосил глаза на свою правую руку, пытаясь сдвинуть кисть в сторону рассматривающего его пилигрима.

— Ты не изгой, — мрачно произнёс Крэкстоун. — Но ты можешь использовать эти силы... кто ты?

Вихрем в голове Гарри пронеслись мысли, что мертвец не знает о волшебниках, что было странно. Вроде как, тот жил больше четырёхсот лет назад, когда ещё не существовало Статута о Секретности и маги ходили среди магглов. Впрочем, Гарри сомневался, что его противник был маггом: он ведь использовал посох, от которого изливалась магия. Гарри ощущал эти потоки кожей и вряд ли мог с чем-то перепутать. Возможно, пилигрим был магом-самоучкой и не проходил обучения в какой-либо школе волшебства.

— Я человек, — с трудом смог произнести Гарри.

Неосведомлённость Крэкстоуна о магах стала преимуществом, так как тот не знал о волшебных палочках и не пытался найти ничего подобного в его карманах.

— Человек?! — негодуяще воскликнул пилигрим. — Человек? Что за богопротивное кровосмешение могло породить такого, как ты?! — Крэкстоун был в шаге от того, чтобы просто не убить отвратительного для его воспалённого сознания парня.

Если бы Гарри не сжимала со всех сторон магия мертвеца, тот бы фыркнул. Он уже устал от людей, которые вечно пытались найти, у кого кровь похуже. Как будто ему не хватило чистокровных с их замашками. Гарри, впрочем, отдавал себе отчёт, что Крэкстоун человек своего времени. Обижаться на него за подобные слова было как минимум неразумно.

Камень на посохе разгорался, наполняясь зелёным светом. Гарри чувствовал, как магия утекает из него к пилигриму, а это было очень плохо: очень скоро он едва ли сможет

говорить, не то что отбиваться.

— Но ты не изгой, — на секунду обретя чистоту мыслей, проговорил Крэкстоун, — быть может, ты сможешь помочь мне в этой миссии по очищению нашего мира...

Крэкстоун был задумчив. Его мёртвые глаза блестели в зелёном свете.

Гарри снова глянул вправо, на свою руку. Она хоть и по чуть-чуть, но двигалась, пытаясь направить кисть прямо в лицо пилигриму.

— Помочь? — Он едва двигал языком, слова вылетали с огромным трудом.

— А в ответ я помогу тебе избавиться от этой мерзости! — рявкнул Крэкстоун.

У него явно были не в порядке эмоции, раз он за мгновение переключался от спокойствия к ярости.

Крэкстоун чуть двинул рукой, сдвигая свой посох, и Гарри пронзила острая боль во лбу. Шрам горел огнём, а внутри него что-то двигалось, как маленький червячок, доставляя неприятные ощущения скорее психологически, чем физически.

На одну секунду — всего на одну, — но Гарри задумался, возможно ли, что воскрешённый мужчина сможет ему помочь прямо здесь вырвать злосчастную часть Волдеморта из него. Но мысль была отброшена в сторону, а прекратившая двигаться рука уже почти встала так, как надо.

— Меня достали... предложения... мертвецов, — захрипел он.

— Глупец! Я дал тебе шанс на жизнь! Тебе, мерзости, что использует дьявольские силы! Я подарил тебе шанс на искупление грехов, шанс направить силу Дьявола на него самого!

Разорвался Крэкстоун зря. Гарри было плевать на все его слова. Мёртвым место среди мёртвых, живым незачем прислушиваться к таким, как он.

— Катись к чёрту, — выплюнул Гарри, подталкивая противника к действиям.

— Познай гнев Божий, сын Сатаны! — взревел мертвец.

Как Гарри и предполагал, пилигрим вытащил на свет кинжал, которым и хотел заколоть его. Крэкстоун двинулся вперёд, вставая как раз на линию огня.

Будь он внимательнее, то заметил бы, что Гарри не просто так весь диалог двигает свою руку. Из приоткрытого рукава рубашки прямо под кистью торчал кончик волшебной палочки. Главный инструмент любого колдуна был накрепко привязан к руке Гарри шнурком во избежание позорной потери, как в видении Уэнсдей.

— Stupefy! — шепнул он.

И из палочки вырвалось красное заклинание, угодившее прямо в лицо надвигающемуся пилигриму.

К сожалению, Гарри не мог использовать более сильные чары: все они обязательно требовали замысловатых движений палочки и в его ситуации были невозможны.

Крэкстоун вскрикнул и отступил назад. Тугой кокон его магии, окружавшей Гарри, рассеялся, и он упал на задницу, тут же перекатившись в сторону. И не зря: на том месте, куда он приземлился, вспыхнул огонь, оставляя под собой след из сажи.

Гарри оглянулся: огонь над камнем не хотел распадаться, наоборот — он усилился, затрещав и став больше. Ведомый злой волей пилигрима огонь полетел прямо на него. Гарри успел ещё несколько раз перевернуться, спасаясь от напасти. Что-то отчётливо захрустело в районе груди, но он этого не заметил. Пиджак на спине Гарри вспыхнул, и ему не оставалось ничего другого, кроме как сорвать одежду и отбросить её. Огонь моментально потух — только запах гари остался висеть в воздухе. Гарри вытащил палочку, привязанную к руке, и рассёк ей воздух, применяя заклинание:

— Protego!

Пилигрим попытался окружить своего врага той же самой магией, что и до этого, но в этот раз ничего не получилось: серебристый щит спас Гарри.

Такой результат не устроил Крэкстоуна, и он яростно вскрикнул, неразборчиво пробормотал себе что-то под нос и с силой ударил посохом о камень под ногами. От него во все стороны хлынул огонь, но пламя не успело отлететь далеко. Оно сконцентрировалось вокруг фигуры пилигрима и ударило вперёд наподобие огнемёта, обволакивая вывалившегося на траву Гарри. Пламя, исходявшее от мертвеца, не прекращало давление, пытаясь продавить защиту Гарри. Кажется, пилигрим начал подозревать, что так просто убить его не удастся.

Несколько секунд длилось их противостояние, пока Крэкстоун не схватился за свой посох двумя руками и с силой не ударил по полу второй раз. На этот раз вспышка была столь сильна, что огонь прошёл по всему четырёхугольному двору, зацепив стоявшие на лужайке столы и стулья. От жара пламени мебель затрещала и обуглилась, как и дерево, стоявшее в центре двора. Не пострадали стены и трава: огонь не дошёл до первых и был сильно выше второй.

Крэкстоун не позволил пламени свободно уйти вверх или пропасть — он направил его на Гарри и с хохотом наблюдал, как тот скрывается в огненной сфере.

— Protego Maxima! — выкрикнул Гарри, направляя все свои силы в палочку.

Белоснежный щит окутал его со всех сторон, защищая от ревушего пламени. По всей видимости, Крэкстоун был очень скуден на другие трюки. Ему был подвластен только огонь и тот телепатический приём, когда он обездвиживал своих жертв. За такое неумение пилигрима использовать собственные силы Гарри был готов поблагодарить кого угодно.

Огонь вокруг него ревел, пытался прорвать белоснежную сферу, но пока что ничего у него не получалось. Гарри тяжело дышал, схватившись за палочку двумя руками. Она в свою очередь жалобно трещала, едва справляясь с тем объёмом силы, который через неё проходит. В его голове проносился рой мыслей, начиная с того, что Крэкстоун оказался гораздо сильнее, чем Гарри предполагал, заканчивая тем, что дышать становилось труднее с каждой секундой.

Кислорода действительно становилось всё меньше, и никакая магическая защита не могла остановить безумный жар, идущий от огня. Ситуация вырисовывалась крайне скверная. За ревом пламени Гарри отчётливо слышал каркающий хохот своего врага.

Гарри поморщился и взмолился, чтобы ему хватило сил на то, что он собирался проверить. Магический купол, накрывший его, засветился белым светом, а из конца волшебной палочки вылетело несколько белых искр. Он почувствовал, как дерево в его руках сначала нагрелось, а потом моментально заледенело.

Раздался взрыв — напитанное до предела магией заклинание сдетонировало, рассеивая пламя вокруг себя и снося опешившего Крэкстоуна на несколько метров назад, чуть ли не выталкивая в коридор за его спиной.

Несмотря на прохладную ночь, по лицу Гарри бежали струйки пота.

— Ты!

Что хотел сказать Джозеф, осталось загадкой. Гарри не позволил ему договорить, дёрнув свободной рукой в сторону пилигрима. Телепатической силы, заложенной в этот жест, было достаточно, чтобы снести какого-нибудь хайда на пару десятков метров назад, но Крэкстоун, судя по всему, был защищён от чего-то подобного. Мертвец не отлетел ещё

дальше и даже не пошатнулся — лишь его лицо дёрнулось, словно он получил сильную пощёчину. Его ноздри расширились в гневе, и он опять попытался что-то сказать, но снова ничего не вышло: в него прилетело воспламеняющее заклятие, а затем почти без промедления рассекающее.

Но ничего из арсенала Гарри не сработало. Огонь потух, как только коснулся одежды пилигрима, а заклинание ножниц лишь слегка порезало его плащ, но зайти дальше не смогло.

Взбешённый Крэкстоун не стал больше пытаться говорить или угрожать: время для этого прошло. Гарри оказался весьма непростым оппонентом.

Пилигрим вскинул посох вверх, и опалённая мебель, стоявшая во дворике, затрещала, разламываясь на несколько крупных кусков каждая. Не прошло и секунды, как куски дерева полетели в Гарри на огромной скорости.

По нему нельзя было сказать, что он силён физически, но это являлось ложным впечатлением. Гарри был поджар и худощав, в нужные моменты он мог двигаться быстро и чётко; приученный к битвам с одиннадцати лет, Гарри умел правильно перемещаться.

Но всего этого не знал мертвец. Он с гнусной полуулыбкой ожидал, как наглеца снесёт лавиной обломков. Как оказалось, зря.

Гарри отступил на шаг, пропуская мимо себя половинку парты, и пригнулся, уворачиваясь от просвистевших сверху обломков стула. Взмах рукой — и сразу несколько столов разламываются на совсем мелкие части, а потом их сносит куда-то вдаль. Ещё шаг — и резкий взмах палочки снизу-вверх позволяет рассечь длинную парту на две половинки и пропустить их по обе стороны от себя.

— *Expelliarmus!* — вскрикнул Гарри, резко развернувшись и выкинув палочку в сторону своего врага.

Как и все остальные заклятия, обезоруживающее сработало плохо — оно лишь дёрнуло посох Крэкстоуна в сторону Гарри, но тот крепко держал оружие в руках.

— *Flipendo! Everte Statum! Bombarda! Stupefy! Seko!*

Не сдерживаясь, Гарри насыпал на Крэкстоуна целую кучу неприятных заклятий, но они практически не наносили ущерба мертвецу. Главный эффект от всего этого был в том, что отвлечённый на защиту пилигрим не мог атаковать.

В любом случае продолжаться подобное долго не могло. Гарри сильно выдохся и уже дышал с трудом. Он слишком выложился за этот бой, и вскоре силы должны были его покинуть.

А вот Крэкстоун ничуть не устал. По крайней мере, по его внешнему виду нельзя было сказать, что он хоть немного запыхался. Возможно, быть мёртвым не так уж и плохо.

Гарри пришлось отступить на шаг и прикрыться щитом от неожиданно вылетевшего огненного шара из посоха мертвеца.

— Сдавайся, мерзкое отродье! — рявкнул Крэкстоун, посылая всё новые и новые огненные шары, но неожиданно он остановился и дёрнулся вперёд. Раз, второй, третий. По лицу пилигрима было видно замешательство.

Он полуобернулся назад, бросая взгляд в коридор. Рвано дышавший Гарри воспользовался моментом для передышки. Он смотрел вперёд, прямо на Крэкстоуна, из спины которого торчали сразу три стрелы.

— Гуди Аддамс! Я ведь убил тебя! — в бешенстве завопил Крэкстоун. Он на секунду даже забыл о находившемся позади Гарри.

Со стороны пилигрима это была огромная ошибка, и Гарри не стал ждать более подходящего времени. Сначала в стоявшего вполоборота мертвеца влетело усиленное заклятие *Bombarda*, заставив того сделать несколько шагов назад, чтобы устоять на ногах, а затем Крэкстоуна с огромной силой дёрнуло внутрь двора.

Пилигрим пролетел больше шести метров, прокатился по обугленной земле, несколько раз кувыркнувшись в процессе, и врезался головой в основание фонтана.

— Долго ты, — прохрипел Гарри, оглядывая подоспевшую Уэнсдей. Она держала в руках лук, а на её спине висел колчан со стрелами.

Его подруга не выглядела умирающей или страдающей от боли, хотя вся её форма была залита свежей кровью. Кажется, кто-то успел пырнуть Уэнсдей ножом.

— Прости, была занята — умирала, — ответила она, оглядывая то, во что успел превратиться внутренний дворик Невермора.

По всему двору валялись обломки мебели, почти половина всей травы была выжжена, кое-где на стенах появились следы копоти. Дерево, стоявшее в центре бассейна, было обожжено, под ним копошился Крэкстоун, пытаясь подняться.

— Только я могу его убить, — быстро произнесла Уэнсдей, — нужно заколоть в сердце.

— Потрясно! — фыркнул Гарри. Он уже стал потихоньку восстанавливаться, эта передышка была ему необходима. — Что-то я не вижу у тебя меча.

Крэкстоун опёрся на свой посох и поднялся на ноги, оглядывая ребят горящими от гнева глазами. Мертвеца совершенно не заботили несколько стрел, всё так же продолжавших торчать из его спины; из-за кувырков по земле они обломились, но так и не покинули плоть. Пилигрим провёл руками по своей одежде, сбрасывая пыль на землю, однако результата это не принесло — слишком уж грязный он оказался после того, как проехался по земле.

К счастью или сожалению, он не стал ничего говорить. Крэкстоун сосредоточился на нападении и защите; сражаться сразу против двух человек было сложно.

Уэнсдей заливала его стрелами, которые он успешно отражал, но никак не мог направить в обратную сторону, потому что в этот же момент в него летели множество заклинаний от Гарри. Редко, но Крэкстоун тоже переходил к атаке, но всё так же не мог применить что-то поистине масштабное и выжечь весь двор к чёрту. Его алые огненные шары разбивались о выставленную магическую защиту Гарри, но чаще всего просто пропускались ребятами мимо себя. Пролетев, огонь просто исчезал, так и не коснувшись стен: без подпитки от мертвеца магия не держалась долго.

Паритет в силах закончился ровно в тот момент, когда у Уэнсдей кончились стрелы в колчане. Это заметила не только она, но и Крэкстоун. У мертвеца будто открылось второе дыхание. Гарри вынужден был стараться вдвое сильнее: приходилось отвлекаться, чтобы защитить подругу от особо быстрых огненных шаров или телепатического воздействия. Уэнсдей вытащила на свет длинный острый кинжал и пыталась придумать, как бы подойти к мертвецу, но тот не был глупцом или слепцом.

Крэкстоун смог отвлечь Гарри достаточно сильно, чтобы свободной рукой махнуть в сторону Уэнсдей и выбить с помощью телепатии её кинжал. Оружие улетело далеко в другую сторону двора и, звонко ударившись о камень, упало в траву, скрывшись от глаз.

Земля под ногами Гарри вспучилась и взорвалась, отбрасывая его на несколько метров. Благо он успел защититься простенькими чарами, но даже так не смог избежать оглушения.

Гарри приземлился достаточно жёстко — настолько, что очки слетели с его лица. Без них он был куда менее опасен. В этот момент Гарри подумал, что, возможно, следовало бы

их носить на верёвочке, но тогда можно было забыть о хоть каком-то успехе у дам.

Оставшаяся без стрел и оружия ближнего боя Уэнсдей попала в телепатическую ловушку Крэкстоуна и замерла, нелепо раскинув руки в сторону. Он что-то говорил, но Гарри, отвлечённый на поиск своих очков, не слышал слов.

Наконец очки были найдены. Обе линзы треснули, но всё же позволяли видеть сквозь себя, так что Гарри, не теряя времени, обернулся, но он бы не успел применить никакое заклинание, чтобы спасти подругу.

Пилигрим приблизился к Уэнсдей слишком близко и был всего в десятке сантиметров от того, чтобы не приложить свою растопыренную ладонь к её лицу. Ничего хорошего после этого действия её не ждало.

Уэнсдей спасла неожиданность в виде упавшего прямо на голову Крэкстоуна стула. Он не сломался, но смог запутать пилигрима, убрав из зоны его видимости Уэнсдей, зацепившись спинкой за его лицо, так и повиснув на несколько важнейших секунд. Гарри бросил быстрый взгляд вверх: оттуда, с балкона, выглядывала встревоженная Бьянка. Видимо, роль спасителя на этот раз перешла к ней.

Крэкстоун дёрнулся, пытаясь сбросить с себя стул, но судьба в этот день была на стороне Уэнсдей, ибо мебель упорно сопротивлялась. Утративший всяческий контроль над собой и своими эмоциями, Крэкстоун экспрессивно взмахнул руками, отчего посох дёрнулся, позволяя Уэнсдей освободиться и упасть на траву.

— Лук! — заорал Гарри и направил свою палочку на оружие у ног подруги, которое в ту же секунду превратилось в длинный, хоть и очень простой с виду кинжал.

Она не сплеховала и тут же на одной ноге подпрыгнула, поднимаясь с земли, а второй подбросила кинжал прямо перед собой.

В чём нельзя было отказать Уэнсдей, так это в самоконтроле. Она не стала задаваться лишними вопросами по типу: «Откуда вместо лука мог появиться нож?». В этой ситуации на подобные моменты ей было плевать с высокой колокольни.

Отточенным годами практики движением Уэнсдей перехватила кинжал одной рукой и, используя вторую как вспомогательную, со всей силы вонзила лезвие в мертвеца — именно туда, где располагалось его сердце.

Крэкстоун сначала не понял, что произошло. Он, удивлённо вскинув брови вверх, смотрел на Уэнсдей, которая проворачивала лезвие ножа у него в груди. Мертвец дёрнулся и отступил на пару шагов. Моментально поднялся ветер и пилигрим стал сторать изнутри, но он всё-таки успел произнести напоследок:

— Гуди Аддамс! Ты. Должна... быть... мер... — С каждым словом голос пилигрима становился всё слабее. Он вытянул одну руку и попытался достать свою противницу, но не смог: огонь, шедший изнутри его тела, просто сжёг мертвеца дотла.

Гарри глубоко вдохнул, ощущая горький привкус дыма во рту, и на выдохе произнёс:

— Мертвецы меня уже достали.

У него уже был опыт общения с восставшими из мёртвых, так что он знал, о чём говорит. Гарри с отвращением смотрел на то место, где до этого стоял Крэкстоун, от которого остался лишь выжженный пяточок земли и немного пепла.

Уэнсдей никак не отреагировала — она о чём-то думала, глядя на землю. Кажется, прошедший бой её совсем не волновал.

— Тебе ведь... — попыталась что-то сказать Уэнсдей, переключив внимание на Гарри, но её нагло перебили:

— Чёртовы изгои! — из разгромленного коридора вышла Гейтс-Торнхилл, которая держала на вытянутой руке пистолет, направляя его на Уэнсдей. — Если нашему предку не удалось уб...

— Expelliarmus! — гаркнул Гарри.

Оружие вылетело из рук заткнувшейся Гейтс и, описав небольшой полукруг, приземлилось точно рядом с его ногой.

Вряд ли женщина наблюдала за боем, иначе она бы первое, что сделала, это пристрелила Гарри, а так всё, что ей оставалось, — это хлопать глазами в удивлении. Таких трюков от изгоев она явно не ожидала.

— Incarcergo! — Заклятие за секунду преодолело путь до женщины и связало её крепкой верёвкой, заставив упасть на бок.

— Мерзость! Что ты со мной сделал?! Вы все...

Что там хотела сказать дальше Лорал, никому интересно не было, так что Гарри ещё раз взмахнул палочкой и отчётливо произнёс:

— Silencio!

Преподавательница продолжала говорить, но быстро поняла, что её никто не слышит. Она заткнулась, но продолжила грозно метать молнии взглядом.

Смотревшая на этот цирк Уэнсдей вновь обернулась к Гарри:

— Это очень удобно, тебе нужно научить меня таким же трюкам.

Она чуть приподняла губы в улыбке. Этот простой жест, учитывая, кто его сделал, обозначал чуть ли не признание в любви.

— Поступай в Хогвартс. — Гарри зафыркал, а потом неожиданно засмеялся: — Поверь мне, тебе там самое место!

— Смеётесь?! — грозно спросила подросевшая Бьянка. Она всё ещё выглядела довольно слабой, но уже вполне могла стоять на ногах и даже прикрикивать.

Гарри на вопрос подруги ответил быстрыми кивками головы, отчего его поломанные очки чуть не разломались на два кусочка. Он цокнул языком и, направив палочку на своё лицо, применил восстанавливающие чары.

— Ни хрена себе! — послышался ещё один вскрик.

За спиной Бьянки красовалось ошарашенное лицо Аякса. Он смотрел на разгромленный двор круглыми от удивления глазами.

— Был я на одном концерте во Флориде, там после рейва...

— Аякс, — перебила своего друга Бьянка, едва сдержавшаяся от закатывания глаз. — Отнеси мисс Торнхилл в кабинет математики, окей?

— Окей, — послушно кивнул в ответ Аякс. В целом ему было несложно заняться чем-то подобным, в конце концов, самую сложную работу выполнили без него.

Он быстро подошёл к лежащей Торнхилл и взвалил её на своё плечо. Правда, придерживал он женщину явно чуть выше ног, за что получил тычок коленкой по рёбрам. Аякс охнул и чуть надёжнее зафиксировал злодейку, избавляя себя от ударов. Наблюдавшая за этим Бьянка поморщилась.

— Она же враг, с ней можно, — расплылся в дурацкой улыбке Аякс, на что получил осуждающий взгляд сразу от двух девушек. Гарри прикинулся ничего не понимающим дубом. — Понял-понял, нельзя так нельзя... — проворчал для порядка Аякс и скрылся в коридоре, что-то насвистывая по дороге.

Уэнсдей с Гарри успели подойти поближе к Бьянке. Она всё так же продолжала

осматривать двор, особенно сильно её привлекал пепел, оставшийся после смерти Крэкстоуна, и торчавший из этого мусора лук. Гарри простым очищающим заклятием обновил одежду на себе и подругах, убирая грязь, засохшую и впитавшуюся кровь и всё остальное. Они за это готовы были расцеловать Гарри, а ещё попытаться выбить из него секрет, как делать точно так же.

— Ты говорил... — Уэнсдей глянула на стоявшего рядом друга и замолчала. Тот выглядел умиротворённым, и она подумала, что у него с мозгами тоже не всё в порядке: любой другой на его месте вряд ли чувствовал себя счастливым. — Ты говорил, — вновь повторила Уэнсдей, — что тебе нельзя колдовать.

Улыбка с лица Гарри слетела вмиг. Он дёрнулся было к валяющемуся рядом с ним пиджаку и замер. Девушки тоже почувствовали, что что-то явно не так. Им словно накинута на плечи невесомое покрывало — оно не мешало двигаться, но ясно чувствовалось.

— Что это? — слегка нахмурившись, Бьянка указала на чистое небо, освещаемое полной луной. По нему летели чёрные точки в направлении Невермора, с каждой секундой становясь всё больше.

Гарри повернулся на пятках и всмотрелся вдаль. Он-то точно знал, что это... вернее, кто.

— Бегите.

— Бегите, — сказал Гарри и повернулся к своим друзьям.

Девушки заворожённо смотрели, как небо прочерчивают чёрные точки, оставляющие за собой дымящийся след.

— Бегите! — прикрикнул Гарри на Уэнсдей и Бьянку.

Они наконец очнулись от своего странного состояния и, бегло переглянувшись, бросились к выходу со двора. Гарри, пока Пожиратели не успели приземлиться и вызвать на помощь дополнительные силы, спешно нашёл свой порванный пиджак, валявшийся рядом с дверьми. Он быстро — насколько мог — вытряхивал из внутреннего кармана битые осколки стекла.

— Рераро, — зашептал он, но заклинание не хотело возвращать зачарованное зеркало в свой прежний вид.

Тогда он понял, что не хватает кусков. Гарри отбросил порванную верхнюю одежду и сгрёб одной рукой всё, что было на месте, где до этого лежал пиджак.

— Рераро! — с надеждой проговорил Гарри, направляя палочку на осколки, и те, словно нехотя, начали собираться воедино. Он терпеливо дождался, когда зеркальце снова станет рабочим, и поднял его с земли, громко позвав на помощь: — Сириус! Они здесь! Пожиратели в Неверморе! Быстрее!

Последнее слово Гарри договорить не успел — зеркало вырвалось из рук и с грохотом разбилось о ближайшую стену, крупными осколками разлетаясь на десяток сантиметров вокруг.

— Никто не придёт тебе на помощь, Поттер. — Гарри развернулся: на другой стороне двора стояли три мага. Двое мужчин направляли на него свои волшебные палочки, а третий стоял чуть позади, надменно приподняв бровь. — Сдайся, и обойдёмся без лишнего насилия.

— А жареных гвоздей не хочешь? — фыркнул в ответ Гарри и ухмыльнулся.

— Что? — не понял один из тёмных магов, переглянувшись с остальными.

— Я спросил: жареных гвоздей не хочешь, нет? — Сердце Гарри застучало с удвоенной силой, разгоняя адреналин по венам; в ушах застучала кровь.

— Похоже, у него крыша от страха поехала. — Маги улыбались, уверенные в собственной победе, но это был лишь отвлекающий манёвр, призванный ослабить бдительность мальчика, который выжил. В следующий момент из их палочек вылетели два заклинания: одно связывающее в виде длинной и толстой верёвки, а другое оглушающее бледно-серого цвета.

Но Гарри был готов. Он практически превентивно вздёргнул собственную палочку — и толстый пласт земли перед его лицом вздыбился, защищая от двух заклинаний. Гарри бросился за ближайшую колонну, чудом уклонившись от ещё нескольких заклятий и одного проклятия, чёрной кляксой оставшегося на стене, потихоньку разъедавая камень.

— В одиночку тебе не победить!

Волшебники всё ещё забрасывали его укрытие простенькими заклинаниями, не тратя силы на что-то более разрушительное; они чувствовали себя победителями и предвкушали заслуженную награду из рук самого Тёмного Лорда.

Послышался негромкий хлопок — на поляне появился Сириус. Бродяга был одет в тёмные мужские бриджи, а поверх, прямо на голый торс, было наброшено длинное пальто.

По всей видимости, сообщение от крестника застало мужчину врасплох, когда тот собирался лечь спать.

Проговорившего прошлую фразу мага снесло с места каким-то точечным заклинанием. Второй же оказался весьма умелым волшебником, и он моментально вступил в магическую дуэль с прибывшим Сириусом.

Гарри выскочил из-за колонны и тоже вступил в битву.

Вдвоём с Сириусом они легко теснили тёмного мага, не давая ему времени на контратаку. Тот скрипел зубами, но держался, проявляя невероятно хорошую подготовку в сражении сразу с двумя сильными противниками.

— *Morsmordre!* — Забытый всеми третий волшебник вскинул руку — и в небо улетел светящийся зелёный шарик, чтобы там взорваться, оставляя после себя огромный зелёный череп с вылезавшей изо рта змеёй.

Сириус громко чертыхнулся, а тёмный маг присоединился к своему другу, который уже начал выдыхаться. На несколько секунд появился паритет: никто из волшебников не мог пробить защиту своих врагов, им критически не хватало времени на применение мощных заклинаний. Они бы просто не успели произнести слишком длинные заклятия, способные переломить ход битвы.

Но вот послышался хлопок, за ним ещё один и ещё. На поляну аппарировали тёмные волшебники. Двоих Гарри и Сириусу удалось выбить, как только те появились; враги не ожидали, что попадут в эпицентр магической битвы. Но те, что были посноровистее, отбивали пущенные в них заклятия и присоединялись к союзникам. Очень скоро крестный и его крестник уже не могли нападать или контратаковать, лишь защищаться — и то с огромным трудом, тратя множество сил.

— *Bombarda Maxima!* — применил заклинание кто-то из тёмных волшебников, которое должно было положить конец этой битве.

— *Protego!* — в один голос гаркнули обороняющиеся. Их заклинания слились в одно единое мерцавшее белизной поле.

Bombarda не смогла пробить защитные чары, но всё равно взорвалась, оставляя после себя большой кратер и поднимая вверх целый столб пыли, на несколько секунд скрывая за собой мужчину и подростка.

Гарри почувствовал, что Сириус схватил его за воротник рубашки и потянул на себя. Одежда такого издевательства не выдержала и затрещала, а несколько верхних пуговиц разлетелись в разные стороны. Но всё-таки Крестный сделал то, что хотел: убрал крестника с линии огня, утащив в сторону. Там, где они стояли секунду назад, земля начала взрываться от попадания десятков заклинаний.

Бродяга вскинул палочку вверх, направляя её на горгулий, взвизгивающих вниз со стен; через момент они грузно пошевелились и спрыгнули вниз — на головы незадачливых магов, отвлекая на себя внимание. Спорить с полутораметровыми каменными истуканами в ближнем бою было сложно, так что они успели серьёзно навредить нескольким противникам, ломая их чуть ли не пополам, прежде чем были уничтожены сконцентрированным огнём остальных. Это дало небольшое преимущество, и Гарри с Сириусом успели спрятаться за толстыми колоннами.

— Мы так долго не продержимся!

Бродяга выглянул из-за укрытия и послал череду простых чар, призванных запутать врага.

— Ты же можешь аппарировать! — прокричал в ответ Гарри, пытаясь пересилить шум взрывов и свистящих заклятий.

— Сюда — да, отсюда — нет!

С яростью Сириус применил какое-то мощное проклятие, и оно чёрным туманом полетело вперёд, пожирая нерасторопных Пожирателей, но было быстро остановлено.

— И что нам делать?!

— Не знаю, — себе под нос пробурчал Сириус.

Через секунду над ним что-то взорвалось и его засыпало каменной крошкой.

Неожиданно послышался громкий волчий вой где-то совсем близко — и на ближайшего к выходу мага набросился оборотень в своём зверином облике. Если бы Сириус и Гарри могли выглянуть, они бы быстро поняли, что это была Инид.

— Бегите!

Крик обернувшегося к ним Гарри, до этого взиравшего в небо в мрачной задумчивости, отрезвил двух девушек.

Бьянка и Уэнсдей, сильно уставшие после боя с воскрешённым пилигримом, переглянулись. Они никак не ожидали, что битва ещё не подошла к концу. Девушки, не сговариваясь, побежали на выход из Невермора, туда, где были все ученики под присмотром преподавателей. Необходимо было предупредить всех, а ещё, как раздумывала Бьянка, наверняка придётся продлить действие Песни сирены, а то может начаться паника.

— Вы куда?

Около входа стоял Аякс, вот только связанной псевдо-Мэрилин нигде видно не было.

— Где Лорал? — в ответ спросила Уэнсдей. Они с Гарри притормозили.

— Лорал? А, в смысле Торнхилл? Оставил её в кабинете географии, — указал он на дверь позади себя.

— Беги за нами, — кивнула ему Бьянка, и уже втроём они выбежали из школы, направляясь к главным воротам.

— Что происходит? — спросил Аякс у бегущих рядом подруг.

— Нападение на школу, — ответила Уэнсдей. — Надо найти всех.

Бегом от Невермора до ворот было около пяти минут, и на их исходе от школы послышались приглушённые взрывы.

Расслабленные ученики и преподаватели, ловившие кайф от мощнейшего гипноза Бьянки, не обращали ни на что особого внимания. Даже показавшаяся окровавленная Инид их почти не интересовала — они проводили её слегка удивлёнными глазами, но и только.

А вот сама Инид не попадала под воздействие Песни сирены. Она куталась в своё розовое пальто и едва сдерживала слёзы. Она страшно перепугалась, но не за себя, а за Уэнсдей, которая находилась непродолжительное время в руках хайда. Инид, едва завидев здоровую, хоть и слегка замаравшуюся кровью подругу, бросилась к ней на шею, обнимая что было сил. Уэнсдей через секунду объятий решительно ту отстранила.

— Не сейчас. У нас нет времени.

— Разве всё не закончилось? — шмыгнув носом, но так и не выпустив хрупкую брюнетку из кольца рук, спросила Инид.

— С Крэкстоуном покончено. На этот раз навсегда. Но там остался Гарри. — Уэнсдей с

сомнением оглядела подругу: — Ты ранена?

— Всё нормально, я показала Галпину его место, — преувеличенно бодро отозвалась Инид и скромно улыбнулась.

Продолжить диалог не дал громкий хлопок где-то в воздухе, а над школой начал появляться огромный череп, светившийся зеленью.

— Господи... Обалдеть... — в один голос произнесли Инид и Аякс, вздёрнув головы вверх.

Толпа учеников и учителей даже под гипнозом всё равно начала что-то понимать. Они начали мотать головами и перешёптываться, будто не понимали, как здесь оказались.

Вперёд шагнула Бьянка. Грозно нахмурившись, Барклай произнесла:

— Спокойствие.

Красивый голос, направленный на толпу, прошёлся по ней невидимым ветром, успокаивая и подавляя сознание. Изгои перестали шептаться и снова спокойно стояли, лишь изредка поглядывая на череп в воздухе. Ленивые мысли текли в их голове, но никак не могли собраться во что-то цельное.

— Что будем делать? — к разговору подключился Ксавьер, всё это время стоявший неподалёку.

— Он один из нас, — пожала плечами Барклай.

— И мы его не бросим, — решительно кивнула Уэнсдей.

— Решено. — Бьянка на секунду задумалась, а потом оглядела оболваненных учеников: — Кент и Дивина, останьтесь, моя песнь не продлится долго, нужно обновлять.

— Мы можем помочь! — попытался взбрыкнуть сирена, но всё же поморщился и кивнул, признавая, что от них здесь будет куда больше пользы.

— Инид, ты ещё можешь обратиться? — Барклай перевела взгляд на блондинку, всю облепленную прелыми листьями и облитую, по всей видимости, кровью Тайлера.

— Пока рассвет не наступил — да, — утвердительно кивнула Синклер.

— Аякс, Ксавьер, вы с нами?

— Конечно.

— Глупый вопрос.

Уэнсдей наблюдала за командующей Бьянкой и не отвечивала, отдавая всё в руки сирены. Барклай образ лидера шёл куда больше, чем самой Аддамс.

— Забыли детей ночи? — из темноты леса послышался весёлый голос. Вперёд выступила Йоко, не носившая очки ночью.

Танака улыбалась, показывая ровные зубки с чересчур длинными клыками.

— Теперь я уверена в успехе, — хмыкнула в ответ Бьянка.

Большинству изгоев было бы трудно противостоять вампиру — даже такому молодому, как их подруга. Распространяется ли это на волшебников, никто из них не знал, но сейчас было идеальное время проверить.

— Вперёд, спасатели Малибу. — Барклай весело улыбнулась и первой же побежала в сторону замка. За ней следом побежали остальные, что-то весело шутя.

Но с каждым пройденным десятком метров, когда они приближались к Невермору, шуток становилось всё меньше и меньше. Из школы слышались взрывы, свистящие, как от пуль, звуки и истошные крики раненых. Судя по шуму битвы, сражение пока не торопилось заканчиваться.

Перед парадными дверьми Инид завывала, глядя на луну, и прямо на ходу начала

оборачиваться. Во второй раз принять свой облик ей было намного проще, чем перед дракой с хайдом. Она заблаговременно сбросила своё пальто, почти моментально оборачиваясь. Через пару секунд в строю подростков возвышался огромный антропоморфный волк с забавной разукрашенной гривой. Синклер грозно рычала и пригнулась; Йоко сделала инстинктивный шаг назад, подальше от природного врага, но это было необязательно, так как Инид контролировала себя. По крайней мере, нападать прямо сейчас на своих друзей она не торопилась.

— Ксавьер, в комнату литературы. Оттуда выходят большие окна во двор, — быстро начала раздавать указания Бьянка, почти не обращая внимания, как её обнюхивает Инид, параллельно слюнявя пиджак. — Есть на чём рисовать? Отлично. Йоко, ты сама по себе, бей из тени. Мы с Уэнсдей в фехтовальный зал, надо взять оружие. Инид и Аякс, — Барклай повернулась и столкнулась прямо со взглядом голубых глаз волка, — дождитесь нас.

Синклер чуть двинулась вперёд и попыталась лизнуть подругу в лицо, но та ловко уклонилась.

— Не сейчас! — строгим голосом проговорила Бьянка, на что волчица сконфуженно опустила глаза и пару раз стыдливо махнула хвостом. Всё же Инид, судя по всему, контролировала себя не так хорошо, как казалось.

— Что встали? — недовольно спросила Уэнсдей.

Ребята переглянулись и через секунду уже ломились в главные двери Невермора. Ксавьер, как и сказали, забежал во вторую дверь справа, на ходу срывая с себя портфель и доставая альбом, несколько мелков и карандашей.

Инид и Аякс остановились перед дверьми, ведущими во двор. Второй дрожащей рукой мял шапку на голове; змеи под ней шевелились и шипели, нервируя волчицу рядом. Инид в нетерпении едва могла усидеть на месте; длинные руки царапали пол, оставляя на нём глубокие отметины.

Уэнсдей остановила Бьянку, схватив ту за рукав и указав на висевшие на стене арабские сабли. В том, что они заточены и готовы к бою, Аддамс не сомневалась — они же в Неверморе.

Волчица наострила уши, прислушиваясь к звукам битвы, и не смогла удержаться. Она глухо зарычала и без разбега прыгнула вперёд, но даже так её массы хватило, чтобы проломить двери и вылететь во двор, под каменный свод. Оказавшийся слишком близко к дверям неудачник даже понять ничего не успел — оборотень вцепился ему в плечо зубами, и длинными, острыми как бритва когтями разодрал одежду на спине, прорезая кожу. Мужчина заорал, привлекая внимание стоявшего рядом союзника, и Инид замотала головой, пытаясь вгрызться как можно глубже.

— Avada Kedavra! — вскинул напарник руку с палочкой, направляя её на неожиданно оказавшегося впереди оборотня, но смертельное заклятие почему-то не получилось.

Мужчина нахмурился и посмотрел на руку, вернее, на то место, где она должна была быть: на месте кисти красовался обрубок, из которого начала течь кровь, выстреливая тонкой струйкой. Сама кисть лежала на земле, рядом находилась и волшебная палочка. Удивиться, закричать или сделать хоть что-то магу помешала Уэнсдей. Она с лёгкостью вырубилла противника мощным ударом ноги в затылок, для чего ей пришлось крутануться на месте и проявить свой талант в гимнастике. С её ростом сложно дотянуться до головы врага, который выше на два десятка сантиметров. Сабля в руках Аддамс была обагрена кровью.

Тёмные маги были рассредоточены по всему двору, стоя рядом по два-три человека.

Основная масса из пяти магов щедро заливала заклинаниями колонны, за которыми прятались Гарри и Сириус. Те держались, выставив щиты; в горячке боя они не сразу заметили прибывшее вражеское подкрепление и ещё не сместили фокус внимания.

— Эй, мудака! — Аякс постучал по плечу отвлекшегося на Инид и Уэнсдей мужчины.

Он грозно повернулся, собираясь наложить на наглеца какое-нибудь заклинание. Его взгляд встретили десятки чужих глаз с вертикальными зрачками.

Змеи на голове горгоны страшно зашипели, раскрывая пасти, и волшебник почти моментально превратился в камень. Его напарник сдуру тоже развернулся, поплатившись за это точно так же, как и его друг. Третьему окаменеть было не суждено: взгляды змеек, направленные прямо ему в глаза, растеряли свой магический пыл. Маг улыбнулся, но радовался он рано — Аякс просто шагнул вперёд, и змеи впилась в лицо мужика, оставляя крайне болючие ранки. Змеи на голове горгоны — грозное оружие в ближнем бою, учитывая, что они вырабатывают яд. Аякс с размаху зарядил ногой врагу между ног, а когда тот согнулся в дикой простреливающей через всё тело боли — ударил кулаком точно в висок; остальное должен был сделать яд.

— *Avada Kedavra!* — направил один из магов палочку в крадущуюся Бьянку.

Зелёный луч пролетел через весь двор — Барклай успела подставить под Непростительное свою отполированную до блеска саблю, и оно срикошетило в ближайшую стену, разбившись без видимого эффекта. Бьянка всегда гордилась тем, что могла отбивать летящие стрелы, так что навык пригодился. От участи и дальше практиковаться в этом Барклай спасли вороны. Вернее, нарисованные вороны с гипертрофированными когтями и клювами. Птицы налетели на мага, и тот в ярости начал поливать их огнём из палочки, который имел хорошую эффективность против способностей Ксавьера.

Светловолосая симпатичная женщина в смешном колпаке и странной архаичной мантии, стоявшая спиной перед Бьянкой, только начала разворачиваться, как услышала голос — чарующий и мелодичный.

— Подчиняйся мне, — нежно мурлыкнула сирена. — Твои враги не мы, а они, — указала Барклай на группу магов, стоящих дальше всех.

Трое из них продолжали как из пулемёта выстреливать заклинания по едва держащимся колоннам, а двое уже повернулись и давали бой изгоям.

— Конечно. — Практически не раздумывая, светловолосая подняла палочку на своих союзников и отчётливо, без единой эмоции произнесла: — *Bombarda Maxima!*

Бордовое заклинание взорвалось с огромной силой — никто не пытался защититься, так как не знал, что друзья могут резко стать врагами. Четырёх из пятёрки снесло от взрыва, покалечив разной степени тяжести. Пятого легко обезоружил Гарри, а затем скрутил верёвками Сириус.

— *Protego!* — неожиданно рявкнула защитница Бьянки, выставив щит от неприятного проклятия, пущенного в них. Это был тот самый маг, что чуть не убил сирену авадой.

Завязалась непродолжительная магическая дуэль. Женщина легко выигрывала: её оппонент лишился одного глаза, а второй заливала кровь из пореза на лбу — птички Ксавьера постарались.

— *Seko!* — воскликнул один из тройки магов, стоящих на противоположной стороне двора.

Заклинание полетело прямо в Инид. Оборотень рычала, показывая клыки, но её успел защитить Гарри, выставив щит, поглотивший режущее заклятие. Из темноты позади тёмного

волшебника оказалась Йоко. Она легко сломала руку магу и почти без заминки перехватила второго за плечо, сжимая и калеча. Оба заорали от острой боли и были вырублены точными ударами по головам. Когда вампирша стала поворачиваться к третьему противнику, которым оказалась женщина с крючковатым носом и каштановыми волосами, поняла, что прямо ей в лоб смотрит кончик волшебной палочки. Услышать само заклятие Танака не смогла — всё вокруг затопил зелёный свет.

Если бы сердце вампира могло биться, наверное, Йоко сказала бы, что оно пропустило удар, но ей повезло: Танака была мертва, ещё когда родилась. Однако зелёное заклятие всё равно повлияло на двигательные функции вампира — Йоко завалилась вперёд, прямо на одного из валявшихся в отключке. Танака не могла пошевелить и пальцем — на неё навалилась такая тяжесть, словно она не питалась уже несколько месяцев. Но Танака всё равно нашла в себе силы вытянуть голову вперёд и впиться в шею мужчины своими клыками. Кровь — источник жизни для вампиров — полилась спасительным потоком в тело Йоко, и та застонала, ощущая, как сила вновь наполняет мышцы.

Пожирательница Смерти, которая думала, что убила девочку-изгой, оказалась очень сильной волшебницей. Она с яростью боролась сразу с тремя противниками: Сириусом, Гарри и находящейся под властью сирены союзницей.

Вампирше хватило нескольких секунд, чтобы напиться крови, наполовину опустошив свою жертву. Йоко подскочила на месте, злобно улыбаясь, учитывая, что рот её был в крови, — вышло у неё это крайне устрашающе.

— Oi kuso, — по-японски обратилась к женщине Йоко, обзывая.

Волшебница не успела обернуться, как свет перед ней погас. Танаке пришлось приложить немало сил, чтобы сдержать свой удар и просто не снести той голову с плеч — лишь надолго вырубить.

— Победа? — Уэнсдей беспощадным ударом своего сапога вырубил стонущего рядом с ней раненого врага — того самого, которого до этого терзала Инид.

Вся битва заняла не больше минуты. Ребята даже особо устать не успели, если не считать Гарри и Сириуса, которые находились в этой заварушке гораздо дольше остальных.

— Не расслабляйтесь! — прикрикнул Блэк, и словно по его команде вновь началась волна хлопков.

Прибывшие тёмные маги были готовы к битве: им каким-то образом успели сообщить о том, что ведётся сопротивление, но они не могли ожидать, что тут вместо двух еле живых противников окажется сразу так много.

За левым плечом Сириуса, который пытался перевести дыхание, послышалось два практически одновременных аппарационных хлопка. Бродяга не успевал повернуться или перебросить палочку из правой руки в левую, но даже в такой ситуации он нашёл выход из ситуации. Пространство вокруг крёстного Гарри завертелось, словно сжимаясь в одну точку, и через долю секунды огромный чёрный пёс вцепился в горло ближайшего врага. Его длинные лапы прошли рядом с плечами оппонента, царапая острейшими когтями лицо союзника, аппарировавшего столь близко.

Двор школы снова превратился в боевой полигон. Тёмные маги прибывали по несколько человек раз в пару секунд, давая время локализовать себя. Изгой и волшебники разбились на несколько противоборствующих групп.

Уэнсдей, взяв пример с Бьянки, легко отбила своей саблей несколько заклинаний, включая смертельное, а пущенная в неё верёвка оказалась изрезанной на несколько частей

ещё на подлёте.

Инид на несколько секунд замерла на месте, оглядываясь. Синклер в образе волка искала, кому можно и нужно помочь, что стало ошибкой — метко пущенная бомбарда угодила ей прямо в грудь. Волчица с громким скулёжом отлетела на два метра. Она попыталась встать, но сил не хватало.

Уэнсдей напряглась и метнула своё оружие в Пожирателя, что хотел добить оборотня. Раскрутившаяся в полёте сабля с ненормальной силой вонзилась в живот мужчины, заставив его забыть о собственных планах на битву.

Поттер, оказавшийся рядом с Аддамс, защитил её от нескольких заклинаний, а та успела подобрать валявшийся лук. Правда, стрел рядом лежало всего две, но их хватило, чтобы выбить противников Бьянки, которые всё никак не могли продавить заклинания её защитницы.

Йоко в это время с быстротой, недоступной ни одному человеку, прыгала между колоннами, пытаясь избежать сыплющихся в неё заклинаний. Танаке помогли нарисованные змеи; у них, конечно, не было яда, но было несколько рядов острейших зубов. Этих змеек Йоко заметила ещё несколько минут назад, а теперь гадала, что же там такое рисовал Ксавьер, если больше никаких нарисованных помощников нигде не наблюдалось. Хладнокровные создания выпрыгнули из травы, вцепляясь в руки, державшие палочки, — это дало вампирше несколько нужных секунд, чтобы сблизиться и быстрыми ударами выключить оппонентов.

Оставшийся не у дел Аякс принял самое правильное в его ситуации решение — спрятаться за дальней колонной. Сила обращения в камень не работала постоянно и требовала времени, так что он бы просто стал обузой для кого-то из своих, если бы вступил в бесполезный бой. Не у всех нашлась бы смелость принять собственную слабость.

В этот раз нападающих было сильно меньше, чем в первый, так что битва быстро подошла к логическому концу.

Инид поскуливала, приподнявшись на одной руке; второй она придерживала грудь, но, кажется, с ней всё было в порядке, если не считать ожог.

— Победа? — во второй раз за день спросила Уэнсдей, устало опуская бесполезный без стрел лук на землю.

Уэнсдей и Гарри устало переглядывались между собой, не веря, что всё закончилось. Один только Сириус хмурился, не торопясь радоваться. Полусидевшая рядом Инид в своей звериной форме вторила Блэку и подозрительно принюхивалась.

— Почему сюда не приходят остальные ваши враги? — задала вопрос Аддамс.

— Америка — большая страна. Те, что были недалеко отсюда и смогли среагировать на метку, — Бродяга указал вверх, — уже валяются здесь мёртвыми или практически мёртвыми. Остальные придут через минут пять, я так думаю.

— Что будем делать? — с другой стороны двора послышался крик Бьянки. Они с Йоко вырубали оставшихся в сознании врагов.

— Мы не сможем сбежать, — заявил Сириус, нахмуриваясь. — Бегите отсюда. Я их задержу.

— Никогда, — веско обронил Гарри. — Я тебя не брошу.

Блэк хотел что-то рявкнуть на своего крестника, но не успел, потому что в разговор вмешалась Уэнсдей:

— Разве у волшебников нет чего-то вроде полиции? Национальной гвардии? — Аддамс

заглянула в чёрные глаза Блэка и увидела там искру понимания.

— Ты гений! — Сириус широко улыбнулся. У них появилась надежда остаться живыми. — Надо просто вызвать сюда авроров и успеть убраться до их появления.

— Но как? — Поттер ухватил идею, но её реализацию не понимал. Они же не могли просто позвонить на горячий номер для волшебников и описать ситуацию.

— Нужно мощное заклинание, чтобы все системы слежения в Магическом Конгрессе среагировали. Я же сказал: страна огромная, всё подряд они отслеживать не могут, лишь чрезвычайные ситуации. Но я знаю только одно такое заклинание.

— Тогда в чём проблема?

— Проблема в том, что не уверен, что смогу его контролировать и не сожгу вас, себя, всю школу и, скорее всего, лес на пару миль...

— Сдавайтесь! — послышался крик со стороны Бьянки. Её держала в заложниках та самая женщина, что весь бой защищала сирену. — Сдавайтесь или я её выпотрошу, как чёртову рыбу!

Стоя позади Барклай, Пожирательница схватила ту одной рукой за подбородок, сжимая пальцы на щеках и царапая длинными ногтями. Второй рукой женщина держала палочку на манер ножа, приставив к шее жертвы.

— Если ты думаешь, тварь, что я тебя не вижу, — женщина бросила один единственный взгляд в темноту справа от себя — прямо туда, где пыталась прокрасться Йоко, — то ты глубоко ошибаешься! Назад!

Танаке не оставалось ничего другого, кроме как не делать резких движений и выйти на свет. Её идея прокрасться и вырубить Пожирательницу не увенчалась успехом.

На несколько секунд поляна погрузилась в тишину — лишь кто-то хрипел позади Синклер, но та не обращала на это никакого внимания, сосредотачиваясь на враге рядом с подругой. Инид подумала, что умирающий позади неё противник не представляет никакой угрозы.

— Вчера я ела вкусную рыбу, кажется, лосося. Может, это твоя мать была? — зашептала на ухо Бьянке женщина.

— Надеюсь, — со смешинкой ответила Барклай.

Пожирательница зашипела, стиснула пальцы ещё сильнее и, продавив кожу на щеках ногтями, оставила саднящие царапины, из которых показались капельки крови.

— Бросайте оружие и становитесь... — начала кричать женщина, но неожиданно замолкла.

По двору прошёлся ветерок — из тех, что заставляют волосы встать дыбом, сердце биться чаще, а дыхание — останавливаться. Пожирательница замерла, но и все остальные, кто ещё был жив и в сознании, тоже не могли двинуться с места. Инид в своей второй форме была гиперчувствительна ко всему. Она негромко зарычала, но очень быстро её рык превратился в скулёрж, а торчащие уши прижались к макушке.

Шрам на лбу Поттера сильно заболел, будто кто-то ткнул прямо в него раскалённым металлом; почему-то Гарри показалось, что частичка души Волдеморта страшно желает сбежать отсюда куда-нибудь подальше. В его сознании появились непрошенные мысли: «Беги! Спасайся! Брось всех!».

Остальным было не лучше: каждый из друзей, к своему стыду, ощутил острое желание сбежать, но ни один так и не побежал. Все глаза сместились с лица Пожирательницы, которая, как и Бьянка, бледнела с каждой секундой всё больше, глядя на стену позади —

туда, где была большая тень. В ней что-то копошилось и перекручивалось. Толстые канаты, нет, щупальца, начали вылезать на свет. Они словно не понимали, где оказались; нечёткие, будто неосторожный художник разлил серую краску на холст.

Странные щупальца вели себя аккуратно и предельно осторожно. Они протянулись вперёд и быстро схватили одно из мёртвых тел магов, затаскивая к себе под стену, но что там происходило дальше — понять было невозможно. Сгустившаяся чернота, впитывающая любой свет, не позволяла видеть внутри себя. Эта тварь, кем бы она ни была, явно распробовала вкусного человека, и её щупальца уже гораздо увереннее поползли вперёд, прямо к спине женщины, которая не могла двинуться. Но вот одно из щупалец краешком дотронулось до одежды Пожирательницы. Она взвизгнула, выпустила из рук Бьянку, повернулась и без слов выдала несколько заклинаний. *Avada*, оглушающее и связывающее пролетели сквозь чернильные канаты и растворились в темноте, не причинив никакого урона существу.

— Отпусти! — завизжала женщина. Огненные заклинания, которые пошли в бой, принесли больше успеха, но не могли перебороть черноту, хотя огонь доставлял той крайне неприятные ощущения.

Из-под стены вырвались ещё несколько щупалец и, связав вопящую женщину, быстро начали тащить к себе.

Йоко прыгнула вперёд, сгребла оцепеневшую Бьянку и потащила её к друзьям, это действие всех отрезвило.

— Что это за тварь? — зашептала Уэнсдей, наблюдая, как щупальца разрастаются и тащат к себе всё больше магов, валяющихся без сознания. — Ксавьер?! — Аддамс только сейчас заметила выглянувшего из окна Торпа.

— Это твоё создание?! — в шоке заорала Йоко. Её алые глаза после выпитой человеческой крови блестели в свете луны.

— Убери его! — рявкнула Бьянка.

— Секунду! — прокричал в ответ художник и направил свою руку прямо на тень под стеной. Та в ответ на способность своего создателя начала колебаться, но никак не хотела пропадать.

— Убери его! — теперь приказала Уэнсдей. Ксавьер оскалился и поднял вторую руку — из его носа хлынула тонкая струйка крови.

Наконец чудовище под стеной поняло, кто пытается его выгнать из такого приятного мира. Щупальце, имевшее в обхвате несколько метров, вырвалось из тени и с грохотом обрушилось на окна литературного кабинета, выбивая стёкла. Ксавьер не пострадал и уже через секунду снова выглянул на улицу, вытирая тёкшую по лицу кровь.

— Не могу контролировать!

— Выбора нет! — проговорил Сириус. Он поднял палочку и твёрдо произнёс: — *Fiendfyre!*

В ту же секунду из его палочки полился огонь. Огромной лавиной тот вырывался вперёд, ведомый волей своего создателя. Огненный столб поглотил собой дерево в середине двора и впился в черноту под стеной. Из огня появлялись и опадали образы зверей, змей и хищных птиц. Блэк сделал шаг назад — палочка толкала его, едва не разваливаясь от мощи проводимой магии.

Бродяга оскалился, пытаясь удержать бушующий огонь, ревущий прямо перед ним. Заклинание, обладавшее собственным разумом, пыталось вырваться из-под контроля и

напасть на более лёгкие и — что самое главное — живые цели. Огненные звери стремились уйти от неподатливой тени, которая так хорошо сопротивлялась их натиску, и проникнуть в ближайшие окна. Обернуться против воли собственного создателя и пожрать всё, что видело.

Блэк снова сделал шаг назад и едва не упал, но его неожиданно поддержали. Позади волшебника замерла антропоморфная волчица, аккуратно положившая свои лапы на его плечи, не давая упасть. Сириус зарычал, вкладывая в этот звук всю свою волю, двумя руками держась за палочку. Огонь подчинился, и вся его сила разорвала монстра в тени, не оставляя ему и шанса на жизнь. Бродяга повёл палочкой вверх — заклятие адского огня подчинилось и, лизнув окружавшие стены, ринулось туда, куда было нужно. Огненные птицы и драконы появлялись и опадали, пока весь огонь не превратился на миг в огромную горящую собаку, пронзившую собой череп над школой. Послышался взрыв, уничтоживший метку Пожирателей и редкие облака, проплывавшие над Невермором.

Сириус упал на колени, тяжело дыша; кончик его волшебной палочки дымился.

— Ни хрена себе, — присвистнул Аякс, уже успевший спрятать змей под шапкой, — это что, все маги так могут?

— Вызвать? — спросил в ответ Блэк, сглатывая слюну. — Да. Контролировать? Нет.

— Ксавьер, ты жив? — крикнула Уэнсдей. Художник оказался слишком близко к эпицентру противоборства тьмы и огня.

— Да! — Торп выглянул из окна, в шоке рассматривая оплавленный камень и раму.

— Надо убираться отсюда. Через минут пять-десять здесь будут все ближайшие авроры, — устало проговорил Сириус.

— *Nigrum Mark!* — неожиданно для всех прозвучало чёткое заклятие. Чёрной вспышкой то ударило в спину Синклер.

Глаза волчицы моментально закрылись, и та упала без сознания, на ходу превращаясь обратно в человека. В отличие от Блэка, который был анимагом, одежда на Инид волшебным образом не появилась вновь.

Позади упавшей блондинки лежал окровавленный маг, поднявший палочку. Он безумно хихикал, приговаривая, что его должны наградить. Всё его лицо заливала кровь, а волшебную палочку тот держал левой рукой; правая была отрезана.

— *Avada Kedavra!* — без промедления и жалости рявкнул Сириус.

Враг упал замертво с застывшей на губах улыбкой. Блэк моментально склонился над Инид. Оборотень лежала в позе эмбриона, а на её спине красовалась метка в виде пятиконечной звезды, от которой расползались едва заметные тёмные линии, быстро расходясь по всему телу.

— Что это? — Подскочивший следом Гарри попытался чем-то помочь, но крёстный грубо отпихнул его в сторону.

Бродяга положил поверх звезды руку и что-то начал шептать с закрытыми глазами. Оказавшиеся уже через пару секунд рядом Уэнсдей и Аякс с полными удивления глазами наблюдали, как едва заметные тёмные линии будто нехотя возвращались обратно к звезде, которая была скрыта большой рукой Блэка. Через пять секунд всё было закончено, по крайней мере, старший волшебник устало упал на задницу, убирая руку.

— Не знал, что Белла разбазаривает секреты семьи, — яростно проговорил Сириус.

— Что это было? — поинтересовался Аякс.

— Это проклятье семьи Блэк. — Бродяга бросил усталый взгляд на горгону. — Оно

действует как поцелуй дементора — пожирает душу. — Мужчина стянул с себя пальто и укрыл им голую Синклер.

— Повезло, что с нами оказался Блэк, который может его снять, — слегка приподняла уголки губ в подобии улыбки Бьянка.

— Или это судьба, — философски дополнила Уэнсдей, пожав плечами.

Пока Сириус поднимал укутанную в его пальто Синклер на руки, Аддамс успела обернуться, кидая взгляд на четырёхугольный двор: всё было перепаханно, как после бомбёжки, лишь кое-где осталась трава и нетронутые участки земли. Дальние стены, где успело порезвиться пламя от заклинания Бродяги, поплыли — камень не выдержал буйства стихии. Почти половина колонн по обе стороны двора были разрушены или находились в состоянии, близкому к этому. Бедное дерево в центре почернело, лишь чудом оставшись стоять на месте. Аддамс справедливо сомневалась, что то когда-нибудь зацветёт вновь.

Уэнсдей прикинула, сколько раз за сегодняшний день чуть не погибла, и вышло так, что цифра уверенно перевалила за пятёрку. Невероятно удачливый день. Когда она расскажет обо всём Пагсли, тот будет страшно завидовать.

— Уходим, — приказал Сириус.

Несколько изгоев и два волшебника быстро выбежали из школы, по дороге захватив Ксавьера. Тот пытался извиниться за то, что нарисовал какую-то жуткую хренотень, чуть не погубившую вообще всех, но ребята просто махнули рукой. В этот вечер они все остались живы — и этого было достаточно.

Через несколько минут бега очнулась Инид, которая была всё ещё слаба, так что не могла бежать сама. Ну, или прикидывалась слабой, чтобы ещё немного побыть на сильных руках, прижатая к голой груди Сириуса.

Они успели немного обсудить то, что произошло перед тем, как Синклер отключилась, и теперь она была в курсе, что чуть не погибла. А также в курсе, что под лопатками у неё теперь знак в виде пятиконечной звезды.

— Заклятие так и останется с тобой до конца жизни, — проговорил Блэк. — Его не снять. Беспокоить не будет, так что всё нормально. Не волнуйся, его очень трудно отличить от обычной татуировки, так что вряд ли будут странные вопросы, — попытался подбодрить Инид Сириус.

Синклер рассматривала лицо своего спасителя и неожиданно весело фыркнула:

— За тату мама меня убьёт.

Эта простая фраза вынудила Блэка широко улыбнуться, а всех остальных — засмеяться. Даже Уэнсдей допустила появление улыбки на своём лице, фыркая.

Подбегая к воротам на территорию школы, пёстрая компания, состоявшая из окровавленных, потных и грязных людей, свернула в сторону леса. Их успели заметить стоявшие Кент и Дивина. Она даже не повернулась — Дивина что-то с серьёзным лицом говорила толпе, пытаясь сохранять влияние Песни сирены. С удивлением Бьянка поняла, что здесь также стоят несколько полицейских машин и прямо сейчас копы слушали сирену.

— Гарри! — прокричал Кент. Поттер слегка замедлился, чуть отставая от своих друзей.

— Что?

— Я понял, что ты маг ещё в самом начале! В следующий раз не оставляй свои книги без присмотра! — Сирена широко улыбался, махая на прощание.

— Спасибо! — прокричал в ответ юный волшебник. Кент понял, что тот его благодарит за сохранённый секрет.

— В Белладонне своих не сдают! — вслед Гарри послышалось последнее, что прокричал Кент.

Ребята остановились через несколько минут бега, когда Бродяга почувствовал, что невидимый груз спал с его плеч и он снова может аппарировать.

Сириус аккуратно поставил на ноги Инид, которая куталась в его пальто. Оно доставало Синклер до щиколоток и пахло гарью вперемешку с кровью, а также было порвано в нескольких местах, не говоря уже о множестве подпалин.

— Пора прощаться, — грустно улыбнулся Гарри.

— Мы больше не увидимся? — спросила Синклер, но смотрела та на Блэка.

— Мы уйдём очень далеко, так что вряд ли.

Сириус имел в виду ближний восток и поиск средства от крестража в голове крестника.

— Нет, мы возвращаемся в Англию, — твёрдо произнёс Поттер, кидая на крёстного упрямый взгляд. — Хватит бегать от судьбы и подставлять всех вокруг.

Бродяга хотел что-то сказать в ответ, но промолчал — здесь не время и не место для споров.

— Надо идти.

К чему-то прислушиваясь, Сириус положил руку на плечо Гарри.

— Подождите! — От аппарации их остановила Бьянка, которая вытащила из-под пиджака бронзовую маску с небольшой подпалиной. — Я вновь приглашаю тебя в общество «Белладонна». — Сирена торжественно протянула маску Гарри. Тот её взял, повертел в руках, но всё же отрицательно помахал головой и произнёс:

— Извини, но нет. Я уже, — Поттер призадумался, как бы охарактеризовать Орден Феникса, — состою в одном обществе, так что...

— Тогда будешь внештатным членом, пойдёт? — Бьянка улыбнулась, но назад протянутую маску — некогда принадлежавшую Роуэну — не приняла.

— А разве так можно? — с сомнением спросил волшебник.

— Я главная, так что теперь можно, — ответила Барклай, на что стоящая рядом Уэнсдей фыркнула.

— Когда придут авроры — не надо врать. Говорите правду, скрывать вам нечего, — посоветовал напоследок Сириус, оглядывая ребят. — Пусть спустят всех собак на нас, это будет правильно. — Мужчина не дал вставить пять копеек хотевшей что-то сказать Уэнсдей, продолжив: — Вы все хорошо сражались, и я вечно буду вам за это благодарен. Без вас нас бы уже тащили на поклон к одному ублюдку. Когда в Англии станет спокойно, дом Блэков всегда будет для вас открыт. Прощайте.

— Прощайте, — грустно улыбнулся Гарри.

Вряд ли они когда-нибудь снова увидятся, учитывая, что ему придётся умереть от руки своего злейшего врага.

Поттер крепче сжал подаренную маску, и они с Блэком исчезли, словно их никогда и не было.

— Грустно, — тихо произнесла Инид и покачнулась. От падения Инид удержал стоявший рядом Ксавьер.

— Уверена, что у них всё будет хорошо, — высказалась Бьянка, сверкая своими глазами.

— Рассвет, — указала Уэнсдей на небо.

Солнце поднималось, освещая всё ещё тёмное небо со множеством ярких звёзд.

Магический огонь оставил после себя обожжённый камень на стенах, запёкшуюся землю и запах гари, который было невозможно убрать никакими средствами. Прибывшие американские маги оцепили весь периметр школы, не выпуская никуда изгоев и не впуская съехавшихся со всей округи полицейских. Никто из учеников или преподавателей не понимал, каким образом прибывшие в деловых костюмах люди легко выпроваживали нормисов.

Волшебники вели себя так, будто они здесь хозяева, разговаривали грубо, но магию в ход не пускали, чего-то опасаясь. Повисшее напряжение между преподавателями-изгоями и представителями Конгресса магов повисло нешуточное.

С каждым часом на территорию Невермора въезжало всё больше машин. Это приезжали родители и родственники учеников, а также просто высокопоставленные изгой, коих оказалось немало. По-скотски ведущие себя маги присмирели, глядя, как из дорогостоящих машин показываются люди и те, кто на людей смахивает лишь отдалённо.

Начался шум и крики — приободрившиеся ученики бежали к своим родственникам, вырываясь из рук магов, которые хотели забрать тех на допрос. Сплочённые из-за их немногочисленности изгой стояли друг за друга горой.

Если раньше казалось, что между изгоями и волшебниками было напряжение, то сейчас — когда прибыли родители — все готовились чуть ли не к битве. Маги шныряли вокруг со своими волшебными палочками, бросая презрительные взгляды каждый раз, когда натыкались на очередного изгоя. Те отвечали им тем же.

Наконец всех, кто принимал непосредственное участие в битве с тёмными волшебниками, всё-таки увели на допросы, конечно же, в сопровождении родителей.

Нетипично серьёзные родители Уэнсдей сверкали глазами, и от этого у большинства присутствующих магов начинали дрожать руки. Синклеры-старшие начинали грозно и низко рычать каждый раз, когда им казалось, что кто-то слишком близко подходил к их дочери или направлял на них волшебную палочку. Мать Бьянки ласково улыбалась, но каждый, кто видел эту улыбку, понимал, что женщина настроена серьёзно — в ней крылась хитрость и непредсказуемость моря. Прибывший отец Ксавьера — Винсент, знаменитый на всю Америку экстрасенс — выглядел очень недовольным. Тихое шипение змей, которое разносилось от родителей Аякса, заставляло проходящих мимо волшебников шархаться в сторону.

У представителей Магического Конгресса встала дилемма, куда забирать учеников. По всем законам, которые не редактировались уже сотню лет, все изгой классифицировались как магические существа. Но как справедливо опасались маги — если забрать тех в отдел надзора над человекоподобными тварями, то разразится настолько огромный скандал, что хрупкий мир между изгоями и волшебниками рухнет. Он уже сейчас начал шататься.

Тогда было принято решение провести допросы в отделе слежения за магическим порядком, но изгой ответили просто: «Нет». И что делать в такой ситуации, никто из магов не знал. Разрешил дилемму прибывший на место происшествия президент Магического Конгресса. Мужчина слащаво улыбался, уповал на дружбу и любовь всех со всеми и предложил провести неприятные процедуры прямо в классах Невермора. Так по итогу и решили.

Маги крайне настаивали на применении сыворотки правды или хотя бы на просмотре воспоминаний, но и тут потерпели поражение: только услышавшие о таком изгой взбесились, громко и ясно заявляя, что не относятся к волшебникам и их законы для них не значат ничего. Спорить с ними не решились, особенно учитывая, что уже сейчас те количественно доминировали над волшебниками.

Допросы проходили быстро. Нервничавшие маги не пускались в длинные расспросы — они спрашивали быстро и по делу. Ребята, помнившие о том, что им ничего не нужно было скрывать, говорили правду, и их версии событий никак не конфликтовали между собой. Они честно рассказывали о Гарри Блэке и его отце Сириусе; о том, как сражались с тёмными магами и победили их.

Как только в первый раз зашла речь об англичанах, скрывавшихся в Неверморе, волшебники, проводившие допрос и присутствовавший тут же президент, сморщились. Магический мир Англии находился на грани гражданской войны, и никому не хотелось, чтобы их проблемы влияли на Америку.

В то время, когда проходили допросы, маги занимались устранением ущерба, нанесённого в битве школе. Ученики с разинутыми ртами наблюдали за их работой. Оплавленный камень едва поддавался чарам, убрать последствия одного из самых разрушительных огненных заклятий было очень сложно. Но всё же возможно. Через несколько часов стены были точно такими же, как и до всех битв, фонтанчик наполнен свежей водой, лужайка восстановлена. Лишь обугленное дерево, растущее посреди двора, не поддавалось никакому воздействию, так что руководству школы просто посоветовали посадить новое.

К полудню волшебники начали уходить, трансгрессируя там, где в данный момент находились, наплевав на этикет, диктовавший, что надо сначала выйти из помещения.

— Что будет с Гарри и Сириусом? — задала вопрос Уэнсдей, сверкая чёрными глазами.

Один из мужчин, проводивших допрос, повернулся, окидывая девочку нечитаемым взглядом. Рядом находились старшие Аддамсы, а также Инид со своими родителями.

Аврор устало вздохнул и ответил:

— Их объявят в международный розыск. Как со стороны магов, так и магглов. Незаконное пересечение границы, террористическая деятельность. Насколько я знаю, в Англии они уже значатся как преступники.

— Но они хорошие! — недовольно воскликнула Инид, сжимая кулаки. Мать положила ей руку на плечо, пытаясь успокоить. — Их пытались убить, и они защищались!

— Не знаю насчёт мальчика, который выжил, но его крёстный, Сириус Блэк, убил двенадцать магглов, за что был посажен в Азкабан пожизненно. Он преступник и заслуживает наказание, — договорил аврор и исчез в трансгрессии.

— Вздор! — рыкнула Инид, выпуская когти. После первого обращения она ещё плохо контролировала собственное тело, а эмоции скакали, как на русских горках.

Когда маги полностью ушли из школы, на выход потянулись и старшие изгой, которые обсуждали между собой произошедшее.

На парковке, рядом с машиной, около которой молчаливым памятником застыл Ларч, Аддамсы прощались с дочерью. Впереди у учеников было еще несколько дней учебного процесса, но в целом все просто ждали оглашения результатов экзамена.

— Не припомню, чтобы в Неверморе было настолько многолюдно, — поглаживая усы, заметил Гомес.

— Большие проблемы или маленькие... Невермор остаётся Невермором, — произнесла Мортиша, ласково оглаживая воздух над щекой дочери.

— Mi corazón está contigo<footnote>(с испанского) — «Моё сердце с тобой».</footnote>, Уэнсдей. — Протиснувшись вперёд, отец мягко прижал к себе не сопротивляющуюся дочь и быстро отстранился, зная, что та не любила физический контакт.

— До встречи, наш маленький скорпиончик, — улыбнулась Мортиша, но не стала делать ничего более.

— Прощайте, мама, отец, — кивнула в ответ младшая Аддамс.

К вечеру на пороге школы показались первые полицейские. Они забрали забытую в одном из классов связанную Лорал Гейтс, которую все знали как Мэрилин Торнхилл. Никто из нормисов и словом не обмолвился о магах, огромном светящемся черепе с выползающей изо рта змеёй над школой или огненном волке, что взорвался в воздухе. Они ничего не помнили об этих случаях. Изгои, проинструментированные волшебниками, уже знали, что тех заставили «забыть» о том, что они видели ночью. Весь городок Джерико, встревоженный взрывами и непонятными черепами, к обеду следующего дня ничего об этом не помнил.

Спустя несколько дней экзаменов, когда родители должны были приезжать за своими детьми, Невермор был таким же, как и обычно. Казалось, что никаких магов никогда не появлялось, никто ни с кем не сражался — и всё было тип-топ. Но обгоревшее дерево так никто и не пересадил — лишь оно одно напоминало обо всём случившемся.

Родители забрали Уэнсдей одну из первых. Она ни с кем, кроме Инид, прощаться не стала, но никто на неё зла не держал: все знали её характер.

Бьянка стояла на балконе, наблюдая, как всё больше её знакомых и друзей покидали школу. В руках она держала большой бумажный пакет. Бьянка уличила момент, когда большинство учеников уже уехало, а все остальные столпились на парковке в ожидании своих родственников, и пошла в скрытое помещение своего неофициального общества.

Проходя мимо четырёхугольного двора, Бьянка приостановилась, вспоминая битву; её чуткий слух уловил какое-то шевеление сбоку. Она выглянула из-за угла, наблюдая странную картину: Инид на корячках копошилась в земле рядом со стеной. Приглядевшись, Бьянка поняла, что та собирала осколки зеркала, бережно пряча те в небольшой мешочек.

— Что делаешь? — задала резонный вопрос она. От звука её голоса Инид вздрогнула и повернулась, приостановив на время поиск и сбор стекла.

— Да так, — беспечно отозвалась Инид, — решила помочь с уборкой территории. — Она состроила самые честные глаза, на которые была способна.

— Правда? — недоверчиво протянула Бьянка. — Марая школьную форму?

— Постираю, — по-собачьи фыркнула в ответ Инид.

— Зачем тебе это? — спросила Бьянка. Она хотела добавить что-то ещё, но передумала. Инид промолчала и вернулась к своему занятию, бросив напоследок колючий взгляд. — Ладно, смотри не поранься.

В ответ послышалось лишь фыркание. Бьянка покачала головой и пошла туда, куда с самого начала и направлялась — в потайную библиотеку «Белладонны».

Здесь, как и всегда, было сумрачно, и это даже несмотря на то, что на улице всюду светило приветливое летнее солнце. На стенах висело множество портретов бывших

участников и значимых для их сообщества изгоев. Все они смотрели на нынешнюю главу клуба застывшими в безразличии глазами.

Одну из стен усеяло большое количество фотографий, на каждой были запечатлены полные составы участников; под ними шли позолоченные таблички с разными надписями и датами.

Бьянка достала из своего пакета фотографию в тяжёлой рамке — точно такой же, в какие были вставлены уже висевшие на стене фото.

Она разместила её на пустое место. Фотография сильно контрастировала на фоне остальных из-за того, что была цветной. Бьянка решила, что пора избавляться от чёрно-белой традиции фотографирования и привнести немного красок в это помещение.

На фото застыли в улыбках все нынешние члены «Белладонны». Они улыбались, глядя в камеру. Ровно посередине снимка стояли Гарри и Уэнсдей. Уэнсдей равнодушно смотрела прямо в объектив. Чёрные глаза были задумчивы, а выглаженная форма и прямые косички вкуче с безукоризненной осанкой привлекали взгляд. Гарри на фотографии немного смущённо приподнимал уголки губ, зелёные глаза прятались за круглыми очками, а неряшливая причёска открывала вид на шрам в виде молнии.

Бьянка достала маленькую табличку и вставила её под их общее фото, туда, где располагалось специально созданное для этого крепление. Снизу был написан год, а сверху несколько строк:

«Сообщество Белладонна.

В.Х.А.У.К.Д.

Два внештатных участника:

W&H».